

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

боевой фантастик

НАСЛЕДНИК

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

НАСЛЕДНИК

ИАР ЗЛЬТЕРРУС

НАСЛЕДНИК

Оформление обложки *A. Калласа*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Эльтеррус И.

Э53 Наследник. — СПб.: Издательский дом «Ленинград», 2014. — 384 с.

ISBN 978-5-516-00258-8

Война между двумя разумными расами, людьми и крэнхи, давно стала привычной — она идет больше ста лет и никак не заканчивается. Многие считают, что так и должно быть — слишком много у сторон разногласий. Но для кого нежданная, а для кого и давно ожидаемая находка меняет все. Ведь между живущей по законам чести Российской Империи и готовыми на любую подлость ради выгоды США куда больше разногласий, чем между Империей и крэнхи — расой воинов, для которых честь тоже не пустой звук. Наследник престола крэнхи и обычный курсант имперской военно-политической Академии уходят в дальний поиск. Вместе. Рука об руку. Им многое предстоит пройти и многое понять. И даже стать кровными братьями, ведь наш курсант отнюдь не прост...

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Пролог

У огромного панорамного окна стоял уставленный аппаратурой и заваленный папками рабочий стол, возле которого сидел в инвалидном кресле высокий седой человек с острым профилем и пронзительным взглядом золотистых глаз. Видно было, что у него нет левой руки, а лицо испещрено шрамами. Он внимательно читал что-то на большом, развернутом прямо в воздухе голограммическом экране. Иногда кривился, но ничего не говорил, продолжая быстро просматривать текст.

Дочитав, хозяин кабинета с хорошо заметной досадой пожевал губами, затем нажал какую-то кнопку на пульте перед собой и бросил в микрофон:

- Томилин пришел?
- Ждет в приемной.
- Зовите.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в кабинет вошел среднего роста подтянутый, но уже в возрасте мужчина с незапоминающимся лицом. Тысячи похожих на него людей ходили по улицам городов Империи. Вот только взгляд его выдавал, что этот человек далеко не прост.

— Здравствуйте, Николай Петрович! — улыбнулся вошедшему хозяин кабинета.

— И вам доброго дня, Александр Викторович. За-
чем вызывали?

— Садитесь, сударь, в ногах правды нет. Есть что
обсудить.

Гость пододвинул себе кресло и сел. Возникший словно ниоткуда секретарь тут же поставил перед ним крохотную чашечку ароматного и очень крепкого кофе, после чего исчез. Александр Викторович с тоской посмотрел на нее и вздохнул — ему кофе нельзя было ни при каких обстоятельствах. Он пробежался пальцами по пульте своего инвалидного кресла, и оно отъехало от стола. Стороннему наблюдателю в этот момент стало бы ясно, что у хозяина кабинета нет не только левой руки, но и обеих ног.

— У меня к тебе два вопроса, — нарушил молчание Александр Викторович. — По-первых, каковы наши варианты?

— Вы их знаете, все пять, — удивленно посмотрел на него Николай Петрович. — С чего вдруг такая срочность?

— Врачи сегодня выдали свой приговор, — криво усмехнулся хозяин кабинета. — Мне остался максимум год, да и то при очень большом везении.

— И ничего нельзя поделать?.. — мертвенно побледнел гость. — Ни один из мальчишек еще не готов...

— Потому и спрашиваю, каковы наиболее приемлемые варианты.

— Ясно... Что ж, в таком случае их всего два. Остальные трое совсем зеленые.

— Седьмой и двенадцатый? — предположил Александр Викторович.

— Они самые, — кивнул Николай Петрович. — Но я больше склоняюсь к седьмому.

— Почему? — удивился хозяин кабинета. — На сколько мне известно, двенадцатый лучше умеет просчитывать ситуацию. Да и порешительнее он.

— Дело в том, что у него в характере есть кое-какие настораживающие черты, — вздохнул гость. — У меня иногда возникает ощущение, что мальчишка вообще не тот, кем кажется. Кое-какие его высказывания наводят на такую мысль. Затем он словно спохватывается и снова становится идеальным курсантом, говорящим только то, чего от него ждут.

— Что за высказывания?

— Осторожные намеки на то, что в самоуправлении нет ничего плохого. Ничего крамольного, но некоторые выражения словно из американской прессы скопированы. И мне это не нравится.

— Мне тоже, — нахмурился Александр Викторович. — Боюсь, придется использовать для проверки крайний вариант. Нужно спровоцировать мальчишку показать свое истинное лицо, иначе...

Он покачал головой.

— Хорошо, — наклонил голову Николай Петрович. — Хоть и не слишком хочется такое делать, подло это, но вы правы. Очень жаль, что третий и восьмая погибли, любой из них был бы идеальным вариантом.

— Мне тоже жаль, — тяжело вздохнул хозяин кабинета. — Но есть только то, что есть, переживать о несбывшемся смысла нет. Выбор придется делать из этих двоих, хотим мы того или нет. Поэтому

давай-ка пройдемся по основным вехам их биографий еще раз.

— Как прикажете, — наклонил голову гость. — Итак, седьмой. Он детдомовский, потерял родителей в трехлетнем возрасте при катастрофе рейсового флаера. Мальчик выжил чудом. Сами родители ничего особенного из себя не представляли, оба инженеры с Челябинского завода гипердвигателей, там и познакомились. В детдоме психологи обратили внимание на абсолютную память ребенка и его совершенно не детские рассуждения. С каждым годом результаты его тестов все более приближались к нашим стандартам, а в двенадцатилетнем возрасте пре-взошли их. Фамилия седьмого после этого попала в особый список, с этого момента его жизнь жестко контролировалась и направлялась. После окончания школы он получил приглашение из нашей Академии и принял его. К счастью, сам, не пришлось принуждать мальчика. На данный момент перешел на девятый курс. Учится на отлично, в любых ситуациях находит нестандартные решения, его тесты не перестают удивлять психологов. В краткий список вошел после практики на шестом курсе, когда командовал фрегатом «Д765». Именно благодаря его нестандартной тактике было выиграно сражение у Дагобая-III. Взял на себя командование, как единственный выживший офицер, и добился невозможного. Все аналитики разводят руками и говорят, что не знают, как он смог додуматься до подобного.

- Что с друзьями и личными отношениями?
- Есть двое. Их троицу называют двинутой, отличаются одновременно бесшабашностью и четкой

продуманностью каждого действия, как ни парадоксально. Стоят друг за друга горой. Если выбор остановится на седьмом, то один из его друзей явно займет со временем мое место — он потянет, поэто-му на всякий случай готовлю парня по особой про-грамме. Девушки у седьмого пока нет, хотя многие на балах посматривают на него и пытаются флирто-вать. Он ухаживает, очень галантен, но никого пока так и не выбрал. Возникло даже подозрение о его нетрадиционной ориентации, но, к счастью, не под-твердились. С полной уверенностью могу утверж-дать, что седьмой — романтик, он ищет ту самую, единственную и неповторимую, поэтому, пока не нашел, и не заводит ни с кем серьезных отношений.

— Его увлечения? — поинтересовался Александр Викторович.

— Чтение и музыка, хорошо играет на гитаре и пользуется успехом у сокурсников, его часто про-сят спеть, — ответил Николай Петрович. — Правда подборка песен довольно странная — седьмой выис-кивает необычные песни древних бардов-неформа-лов конца двадцатого, начала двадцать первого ве-ков и исполняет их. Все до единой зовущие к небу, о пути человеческой души, о ее крылатости. Ни од-ной о любви или чем-то приземленном. Также создал металл-группу «Темное пламя» в Санкт-Петербурге, вспомнив ныне забытый стиль пауэр-металл. Со-лист и гитарист. Опять же большей частью исполня-ет песни групп двадцать первого века, но некоторые свои тоже. В общем, парня не определили в «безум-цы» только потому, что он подошел нам.

— Мечтатель?

- Одновременно мечтатель и жесткий прагматик. Не знаю, как это совмещается в одном человеке; но совмещается.
- Что ж, — вздохнул хозяин кабинета, — вариант неплохой как будто. Теперь о двенадцатом.
- Тут все несколько проще, — гость одним глотком допил кофе. — И в то же время сложнее. Сын графа, адмирала, героя и прочее, прочее, прочее. Воспитывался в богатом доме. Отец решил во что бы то ни стало сохранить за своим родом достигнутое им, и у мальчика просто не было детства. Его начали жестко дрессировать с двухлетнего возраста по всем возможным дисциплинам. Как ни удивительно, результат оказался достойным. Одно то, что на его тесты мы обратили внимание, когда малышу было всего восемь, уже говорит о многом. Но есть несколько вопросов. Двенадцатый, в отличие от седьмого, крайне нелюдим и скрытен, друзей не имеет, только приятелей. С девушками встречается либо на светских раутах, либо изредка посещает дорогие публичные дома, однако в извращениях замечен не был — все профессионалки, с которыми он когда-либо имел дело, были допрошены с суперпентоталом¹.
- Увлечения?
- Тактика и стратегия сложных военных операций и искусство интриги. Его анализ некоторых старых дел ведомства Таймырова вызвал там ажиотаж, даже стали искать возможную утечку информации, но вскоре поняли, что мальчишка дошел до сути событий самостоятельно, чисто на логике.

¹ Суперпентотал — сыворотка правды

— Ценное качество, — заметил Александр Викторович.

— Ценное-то оно ценное, но молодой человек слишком циничен для своего возраста, и меня это настороживает, — вздохнул Николай Петрович. — Сами знаете, кто обычно вырастает из юных циников.

— Мда... — хозяин кабинета пожевал губами. — Пожалуй, к парню действительно нужно еще присмотреться. В определенных пределах цинизм полезен, но он не должен становиться основой личности. Что ж, даю добро на проверку по высшему уровню. Прошу только учитывать, что других вариантов у нас, похоже, просто нет.

— Я учту это, — пообещал гость.

— Это был первый вопрос. Теперь второй. Знаете уже?

— Естественно, работа у меня такая — знать. Только вот сами вы знаете, что прибывший крэнхи на самом деле чрезвычайный и полномочный посол всех шести старших кланов, а не одного?

— Шести?.. — изумился Александр Викторович. — Сразу? Это что же должно было случиться, чтобы шесть кланов смогли договориться и прислали одного посла?!

— Согласно предварительной информации, его миссия касается известных событий на Н237, где был обнаружен комплекс строений Лонхайт, — сообщил Николай Петрович. — Вы беседовали перед отправлением экспедиции с командиром группы, лейтенантом Карпиным.

— Беседовал, — вспомнил хозяин кабинета. — Но запамятаю, чем там дело кончилось. Помню толь-

ко, что мы с «котами» договорились отправить туда по шестнадцать разумных, точнее двенадцать воинов и четырех ученых.

— Информация поступила ночью с курьерским кораблем, я просто не успел доложить, — поморщился гость. — Там произошло нечто странное. С орбиты были зафиксированы боевые действия между группами, затем сканеры стали бесполезны, комплекс накрыло силовое поле неизвестной природы. По прошествии нескольких часов все еще окруженный полем комплекс поднялся в воздух, вышел в космос и исчез вместе с нашими людьми и крэнхи. Не ушел в гипер, а расплылся двухмерной тенью — это, похоже, совершенно иной принцип движения в пространстве. В общем, вывод пока один — это был не комплекс, а некое подобие космического корабля. Какая группа сумела запустить его двигатели — неизвестно. Очень надеюсь, что это не крэнхи, а наши. Перед исчезновением древний корабль передал на всех открытых волнах странную фразу.

— Какую? — подался вперед Александр Викторович, его глаза горели живым интересом.

— «Пора взрослеть», — процитировал Николай Петрович с недовольным видом. — Не спрашивайте меня, что это значит, я не знаю. Судя по имеющимся данным, крэнхи тоже ничего не понимают. Их корабли рыщут по всему квадранту, что-то лихорадочно разыскивая.

— Интересно... — протянул хозяин кабинета. — Сообщите послу, что я приму его завтра в шесть вечера. А теперь можете быть свободны. Надеюсь к послезавтра получить обещанные отчеты.

— Они будут на вашем столе в срок, ваше величество! — встал и поклонился гость.

Затем он покинул кабинет. Александр VI, император всероссийский, проводил одного из лучших своих людей задумчивым взглядом и почти незаметно вздохнул. Несмотря на поздний вечер, у него было еще очень много работы. На отдых его величество давно не надеялся. На том свете отдохнет.

Глава 1

С тихим лязгом раздвинулась стальная переборка, отделяющая ангар от остальных отсеков корабля. Сержант Джексон тут же рявкнул на десантников, и они не спеша потянулись к открытому люку посадочного членока. А сам недовольно покосился на командира их сводного отряда, лейтенанта Карпина, — опять русский, будь он неладен! Ну почему ему всегда так «везет»?! Американского или европейского офицера для этой миссии найти не смогли, что ли? Да пусть даже и халифатского, только бы не русского или израильского — первые славились своей требовательностью и бескомпромиссностью, а вторые — безалаберностью и, как ни странно, профессионализмом. Джексон не понимал, как это могло совмещаться в одном флаконе, но совмещалось. Поэтому сержант предпочитал, если была такая возможность, с израильтянами дела не иметь. А русских просто не любил.

Хотя после кровавых двадцатого и двадцать первого веков прошло больше двухсот лет,

руssкие с американцами и до сих пор относились друг к другу с немалой настороженностью, не могли забыть и простить прошлого. Потому, хоть о войнах на Земле давным давно позабыли, и Российская империя, и Соединенные Штаты Америки внимательно наблюдали за действиями вероятного противника, ожидая от него чего угодно и всегда будучи готовы дать отпор. Кто знает, что произошло бы, не схватились бы они уже в космосе, если бы около двух столетий назад человечество не столкнулось с внешней угрозой. Пришлось, скрипя зубами, создавать Объединенный военно-космический флот — одна страна не могла справиться с такой задачей, слишком велики оказались затраты. А другого выхода не было — иначе «коты», как называли в просторечии разумную расу крэнхи, представители которой действительно напоминали вставших на задние лапы огромных кошек, добрались бы и до Земли.

В приписанные к ОКФ подразделения космодесанта направляли лучших солдат и офицеров со всего мира. Они были родом и из России, и из США, и из Евросоюза, и из Израиля, и из Великого Халифата, и из Южно-Американской Федерации, и из Индонезии, и из Австралии. Да и из остальных стран тоже, хотя значительно реже — очень уж дорого обходилось обучение и содержание космодесантников. Не все могли себе такое позволить, особенно нищие страны Африки и не вошедшие в Федерацию страны Южной Америки.

Сержант недовольно покосился на идущих за бойцами археологов. На удивление тихо себя ведут, не спорят с военными, что крайне удивительно.

Сталкивался он уже с учеными, приходилось охранять на новооткрытых планетах яйцеголовую братию. Никакого понятия о дисциплине! Орали, лезли туда, куда лезть не следует, не слушали охрану, которая отвечала за их жизни. Эти отличаются в лучшую сторону. Да и выглядят на удивление подтянутыми, словно сами в армии служили. Впрочем, черт их знает, может и служили.

— Сержант, ко мне! — донесся до Джексона голос лейтенанта.

— Есть, сэр! — американец без промедления побежал к Карпину. Любит он там или не любит этого русского — дело десятое, а приказ исполнять надо. Командир есть командир, и этим все сказано!

— Позаботьтесь, чтобы после посадки двое бойцов не отходили от ученых, — недовольным тоном приказал лейтенант. — Остальным тоже быть настороже, двенадцать человек — слишком мало для такой миссии.

— Будет сделано, сэр! Разрешите вопрос?

— Задавайте.

— А почему нас всего дюжина?

— Понятия не имею! — развел руками Карпин. — В штабе сказали, что планета голубого ряда, абсолютно безопасная, даже крупных хищников нет, поэтому больше людей не нужно. Только как-то не верится мне в безопасные чужие планеты...

— Мне тоже, сэр, — вздохнул Джексон и отошел, помниая про себя в соответствующих выражениях «умников» из штаба. Крысы тыловые!

Официальным языком объединенного Военно-Космического Флота и Космодесанта Земли явля-

лась интерлингва, искусственный язык, созданный на основе русского, английского, китайского, арабского и испанского. Знание его было обязательным для любого желающего служить в пространстве. Джексон в свое время чуть голову не сломал, однако, проклиная все на свете, выучил интерлингву на нужном уровне. Ну почему нельзя было использовать простой и понятный английский? Впрочем, ясно: к сожалению, не только американцы и англичане служат в Объединенных Силах. Для иностранцев английский такая же китайская грамота, как для самого Джексона их языки.

Проводив взглядом американца, лейтенант вернулся к своим мыслям. Он никак не мог понять одного. Раз миссия настолько важна, что перед отправкой его удостоил аудиенции сам император, то почему тогда ему выделили всего десять бойцов и сержанта? И почему среди них кого только нет? Слава Господу, соотечественников четверо — больше, чем кого-либо другого. Затем двое, не считая Джексона, американцев. Двое европейцев — немец и француз. Плюс халифатец и израильянин. Причем отряду даже не дали времени на подготовку! Люди незнакомы друг с другом, не сработались, а им в случае чего придется драться вместе. Каким образом, если они не знают, чего ждать от товарищей по оружию?!

Мысленно махнув рукой от досады, Карпин перевел взгляд на ученых. Странно, но у них с собой вообще нет с собой оружия... Никакого! Почему? Необычно это, крайне необычно и наводит на нехорошие мысли. Во всех прежних экспедициях не только космодесантники, но и научный персонал имел,

по крайней мере, ручные плазмеры или пистолеты. Да и число ученых вызывало настороженность — всего четверо. И только археологи. Нет ни планетологов, ни физиков, ни биологов, ни кого другого.

На память пришла беседа с его величеством. Лейтенант никак не рассчитывал, что будет удостоен такой чести, еще ничего особенного не совершив. Однако случилось. Причина, на первый взгляд, ясна, но только на первый. Если немного поразмыслить, то все становится совсем уж непонятным. Да, обнаружен целый комплекс строений, принадлежавший загадочным Лонхайт. Так по какой же причине для изучения этого комплекса не отправлен исследовательский корабль? Ведь они в составе Флота есть, это Карпин знал точно: его ближайший друг служил на «Альберте Эйнштейне», который и являлся одним из таких судов. Но вместо него отправили обычный эсминец, четверых ученых, десятерых десантников, сержанта и лейтенанта. Чушь полная! Что смогут обнаружить археологи, практически не имеющие оборудования? Да ничего, черт возьми!

Усилием воли заставив себя отвлечься от тревожных мыслей, Карпин попытался припомнить все, что ему известно о Лонхайт. Первые артефакты этой то ли погибшей, то ли неизвестно куда ушедшей разумной расы обнаружили около ста пятидесяти лет назад, во время исследования пригодных к жизни планет созвездия Лебедя. Найденные ошеломили ученых —казалось, древние специально оставили то, что могло пригодиться недавно вышедшей в большой космос цивилизации. Вплоть до подробных технологических схем более совершенных, чем

земные, гипердвигателей. Не говоря уже обо всем прочем. Артефакты древних настолько продвинули вперед земную науку, что их начали искать уже целенаправленно. И иногда находили.

Множество кораблей разных стран занимались свободным поиском. Особенно много их отправляла Российская империя, что позволяло русским не сообщать о своих находках союзникам. Однако на сей раз комплекс строений Лонхайт обнаружила международная планетологическая экспедиция. Что странно — в системе, которую не раз до того исследовали вдоль и поперек. Возможно, раньше этот комплекс не нашли потому, что он находился посреди джунглей, буйная растительность скрывала его полностью. О принадлежности комплекса древним говорил хорошо знакомый людям символ на стенах — выпуклый треугольник на фоне спирали.

Широкой общественности о Лонхайт было известно совсем немногое — земные правительства засекретили данные о них, поняв чрезвычайную важность древних артефактов для развития цивилизации. Несколько статей в энциклопедиях, да домыслы журналистов из желтой прессы. Только подписавшим контракт с Объединенными Силами ученым позволялось работать с находками. С них брали бессрочную подпись о неразглашении.

— Лейтенант, — донесся до Карпина голос доктора Хеменса, старшего археолога. — Оборудование загружено, мы готовы к старту.

— Тогда прошу на борт членока, доктор, — отозвался он.

Ученый, ничего больше не сказав, скрылся в люке. Поняв, что остался в ангаре последним, лейтенант последовал за ним. Пробравшись в десантный отсек, он сел в одно из боковых кресел, окинув взглядом своих бойцов. Джексон молодец, порядок навел сразу и без лишних разговоров — судя по синякам на лицах, израильтянин с халифатцем снова сцепились, пришлось разбираться с ними жестко. Вон, с какой злобой поглядывают то друг на друга, то на сержанта. Интересно, кому понадобилось сводить в одном отряде представителей этих двух народов? Придется внимательно наблюдать за ними, чтобы не допустить новых драк.

— Внимание! — донесся из динамика над люком голос пилота. — До старта осталось десять секунд! Всем занять противоперегрузочные кресла! Начинаю отсчет. Десять, девять, восемь...

Когда челнок затрясся, и лейтенанта прижало к спинке кресла, он резко выдохнул. Началось! Теперь все в Божьих руках...

Походный лагерь разбили в полукилометре от «храмового комплекса», как обозвал это скопище пирамид разного размера один из археологов. Лейтенант предпочел бы обосноваться подальше, но ученые воспротивились, вот и пришлось располагаться здесь. И это ему крайне не нравилось. Челнок стартовал сразу после высадки экспедиции и выгрузки оборудования. Приказ Адмиралтейства. Почему был отдан такой приказ? Опять странности в этой проклятой экспедиции! Как это все надоело...

Местность оставляла желать лучшего — Карпин никогда не любил тропические джунгли. Но деваться некуда: комплекс со всех сторон окружен растительностью. Хорошо хоть еще похожей на земную, зеленой, а не как, например, на Кантоне-II, ядовито-оранжевой. В придачу ни холма, ни оврага вокруг.

Оглянувшись на возящихся с настройкой анализаторов археологов, Карпин поморщился — глаза яйцеголовых горели неподдельным энтузиазмом. Это значило, что смотреть за ними придется в оба и еще внимательнее. Явно полезут в самое пекло, лишь бы удовлетворить свое неуемное любопытство. А кто за их безопасность отвечает? Он, лейтенант Карпин! Именно ему в случае чего настучат по голове.

Офицер обвел взглядом своих людей. Больше всего стоит доверять соотечественникам, рядовым первого класса Николаю Багрянцеву, Михаилу Стормину, Георгию Шохинцеву и Леониду Добрыненко. Ребята бывалые, не раз с «котами» в локальных стычках схлестывались. И выжили, что о многом говорит. Впрочем, американцы, Джейк Хармен и Роджер Лартини, не менее опытны — командование отбирало для этой миссии лучших из лучших. Послужной список остальных четырех тоже впечатлял. Халифатец Мустафа Джрафир, израильтянин Моше Коэн, немец Курт Линсберг и француз Роже Парон не вчера взялись за оружие, у каждого была на счету не одна боевая операция. Если судить по личным делам, под его командованием собирались отличные бойцы. Дай бог, чтобы им не пришлось демонстрировать свои бойцовские качества...

Прозвучавший с неба грохот заставил лейтенанта вздрогнуть и поднять голову к небу. Из побагровевших низких облаков вывалился похожий на распластанную юлу летательный аппарат и со свистом пошел на посадку с другой стороны «храмового комплекса».

— «Коты», мать их! — выдохнул Шохинцев, стоящий за спиной Карпина.

Лейтенант ничего не ответил, он и сам узнал посадочный гライдер крэнхи — не раз видел такие в прошлом. И это всегда сулило неприятности. Воевать «коты» умели отлично, сказывалось клановое устройство общества и постоянные междуусобные войны, и порой утирали землянам нос. Случалось, конечно, и наоборот. За почти два столетия конфликта две воинственные разумные расы научились уважать друг друга. Недооценивать сильного противника глупо, это земляне и крэнхи усвоили на отлично.

— Весело... — протянул Карпин. — Сержант, вызовите эсминец!

— Есть, сэр! — отозвался тот и достал из подсумка коммуникатор.

Через несколько минут Джексон поднял на командира растерянный взгляд и с трудом выдавил:

— Не отвечает, сэр...

— Приехали... — констатировал лейтенант. — Сколько бойцов несет кошачий гライдер?

— Не больше шестнадцати, — ответил Курт Линсберг. — Как и наш челнок.

— Если «коты» грохнули наш эсминец, то кто им помешает высадить столько войск, сколько

пожелают? — ехидно поинтересовался Мустафа Джайфир.

— Никто... — вздохнул немец.

— Вот-вот, — проворчал араб, недобро покосившись на израильтянина. — Так что мы влипли.

— Разговорчики, сучий потрох! — взревел Джексон.

— Отставить, сержант, — оборвал его Карпин. — Рядовой Хармен, насколько мне известно, вы до космодесанта служили в рейнджерах?

— Так точно! — вытянулся тот.

— По джунглям ходить умеете?

— Да, сэр.

— Тогда осторожно разведайте, где сели «коты» и чем они заняты, — приказал лейтенант. — Постарайтесь не показываться им на глаза и не лезть на рожон. Мне нужна информация, а не ваш труп!

— Есть, сэр! — откозырял американец и бросился к своему вещмешку.

Не прошло и нескольких минут, как Хармен, раскрасив лицо зелеными полосами, скрылся в зарослях. Карпин изучил в бинокль близлежащую местность и вскоре понял, что, кроме самого комплекса, обороныться негде. Очень не хотелось соваться туда, но иного выхода он не видел. С «котами» шутки плохи. Да и приказ, несмотря ни на что, исполнить нужно, тем более приказ самого императора. А он требовал любой ценой обследовать пирамиды древних и попытаться найти там хоть что-нибудь ценное.

Значит, выбора нет, придется жертвовать людьми... А кем пожертвовать? Лейтенант с удовольствием бы отправил на отвлечение внимания одних аме-

риканцев, но это означало конфликт здесь и сейчас. Да и не умели они никогда стоять до последнего — на это способны только русские и немцы. Впрочем, еще, кажется, израильтяне — в свое время в Израиле осело множество русских евреев, имеющих русский менталитет. Они со временем изменили израильтян против их желания, заставили понять многое, чего те раньше не понимали. О чем речь, даже вторым государственным языком Израиля в начале двадцать второго столетия стал русский вместо английского.

Немного подумав, Карпин определил состав группы отвлечения. Возглавит ее, понятно, сержант Джексон, с ним пойдут двое русских, Стормин и Добрыненко, с соответствующим приказом. Они не позволят американцу отступить, если станет слишком «жарко». И израильтянин в придачу — надо разделить их с арабом, а то еще друг другу в глотки вцепятся вместо того, чтобы общего врага бить.

— Доктор Хеменс, — повернулся он к старшему археологу. — Мне нужно обсудить с вами кое-что.

— Полковник, — поправил его тот. — Мы здесь все военные, лейтенант. В такие экспедиции гражданских специалистов не отправляют.

Карпин обрадовался. Теперь ясно, почему археологи не устраивали балагана, обычного для яйцеголовых. И слава Всевышнему, не придется следить за каждым их шагом, что в условиях боя может стать немалой обузой.

— Однако общее командование на вас, я вмешиваться не стану, — продолжил Хеменс. — У меня свой приказ.

— Обследовать комплекс?

– В том числе.

– Прошу учесть, делать это придется очень быстро, часть моих бойцов отвлечет «котов», остальная группа займет комплекс, а вы его осмотрите, насколько это возможно.

– Хорошо. Прошу дать нам хотя бы несколько часов.

– Не могу обещать, господин полковник! — помрачнел лейтенант. — «Коты» — противник серьезный.

– Знаю, — как-то странно усмехнулся Хеменс, потерев пальцами шрам на щеке. — Поэтому не призываю, а прошу.

– Также... — начал Карпин, но не договорил.

Из-за комплекса донесся грохот, и над джунглями снова показался глейдер крэнхи. Он быстро набрал высоту и скрылся в облаках. Лейтенант помрачнел. Похоже, отправился на орбиту за подмогой... Интересно, знают «коты» об их отряде или нет? Если знают, дело совсем худо. А они вполне могли заметить возвращающийся на эсминец челнок и сделать из этого свои выводы.

По прошествии получаса зашелестели кусты, и на поляне возник Хармен в сопровождении Багрянцева, которого лейтенант отправил в боевое охранение.

– Разрешите доложить, сэр! — двинулся к Карпину американец.

– Докладывайте.

– «Котов», как и нас, шестнадцать. Дюжина бойцов и четверо безоружных. Занимаются обустройством лагеря, в сторону комплекса даже не смотрят.

Лейтенант задумался. Довольно странная картина — крэнхи обычно атаковали без промедления и дрались отчаянно. Выходит, они не подозревают о земной группе? Как такое может быть? Не заметили возвращающийся челнок? А куда он тогда делся? Вернуться на борт эсминца челнок, судя по времени, прошедшему между его стартом и прибытием «котов», явно не успел. Спрятался на одной из трех местных лун и сейчас лихорадочно вызывает помочь с ближайшей земной базы? Так враг его сразу запеленгует. Скорее всего, пилоты, поняв, что эсминец уничтожен, сидят в какой-то расщелине тихо, как мыши. Его группа оставлена на произвол судьбы, помощи ждать неоткуда. А вот «котам» помочь придет очень быстро, достаточно вызвать базовый корабль.

Значит, что? Только одно — не дать высадившейся на планете группе связаться со своими. Насколько он знал, коммуникационное оборудование археологов вполне способно заглушить связь. А на земной базе в соседней звездной системе тем временем поймут, что эсминец не отзывается, и отправят кого-нибудь выяснить, что произошло. Больше ни на что надеяться лейтенант не мог. И надеялся — всем известно, что в земном космofлоте своих на произвол судьбы не бросают, всегда выручают по мере возможности.

Приняв окончательное решение, Карпин обернулся к своим людям и по очереди окинул каждого взглядом. Тяжело это — посыпать других на верную смерть... Но это его долг, как офицера.

— Собраться вокруг меня! — скомандовал лейтенант.

Подождав, пока десантники выполнят команду, он продолжил:

— У нас есть приказ: осмотреть комплекс первыми. Несмотря ни на что! И мы обязаны это сделать. Значит, внимание «котов» отвлечет отдельная группа из четырех бойцов. Ее возглавит сержант Джексон, с ним отправятся Стормин, Добрыненко и Коэн.

— Есть, сэр! — откликнулись названные.

Затем сержант хмуро сказал:

— Разрешите обратиться, сэр...

— Обращайтесь.

— У нас совсем нет тяжелого вооружения. Только легкие плазмеры и по пять запасных батарей у каждого. Даже мин — и тех нет! Комплектация снаряжения — по минимуму.

— Неужели ни у кого в запасе нет ничего интересного? — прищурился лейтенант,бросив вопросительный взгляд на соотечественников — те ухмылялись, всем своим видом говоря: ну чего еще ждать от американца?

— У меня десятка полтора «змеек» в заначке, — с невинным видом заявил Добрыненко.

Карпин изумленно вздернул брови — голь на выдумки хитра. «Змейками» в космодесанте называли гранаты объемного взрыва с фронтальным сектором поражения, весьма действенное оружие. Сектор поражения определялся по сигналу «свой-чужой». Они были на особом учете у командования, каждая выдавалась под расписку — считались слишком дорогими. Каким же образом Добрыненко утаил целых полтора десятка? Он покосился на Джексона и незаметно хмыкнул — вид американца стоил особого опи-

сания: челюсть отвисла, глаза округлились, лицо вытянулось. Видимо, он мало сталкивался с русскими...

— А у меня — четыре «паучка», — безразлично добавил Стормин, насмешливо покосившись на сержанта, от этого заявления вообще превратившегося в соляной столб.

Еще веселее! Мины, реагирующие на тепловое излучение определенного вида крупных животных или разумных существ. Обычно их настраивали на «котов» — человек мог пройти по минному полю совершенно безопасно, мины реагировали только на крэнхи. От них не спасали даже доспехи полной защиты! «Паучки» создавали на месте взрыва облако плазмы такой температуры, что любой материальный объект мгновенно превращался в пар. И были они на очень строгом учете — в случае утери хоть одной создавалась специальная комиссия.

— Еще есть два супер-узи с шестью магазинами класса «шершень» и десятью мини-гранатами на каждый, — с невозмутимым видом сообщил Коэн.

Каргин вздернул брови — удивил его израильянин. Хотя ничего странного, если разобраться: в Израиле и до сих использовали пулевое оружие, а не плазмеры — считали их ненадежными. И лучших автоматов, чем израильские, на данный момент в мире не существовало, в отличие от прежних времен — тогда лучшим являлся русский автомат Калашникова, как сейчас русский же плазмер Иванова. В общем, неплохо — отражающие доспехи «котов» рассчитаны на плазму, против пуль, тем более разрывных пуль класса «шершень», они бессильны. Мини-гранаты тоже сыграют свою роль.

— У меня, помимо плазмера, только десяток мечетательных ножей, — пробурчал пришедший в себя Джексон.

— Бросать умеете?

Сержант вместо ответа сунул руку в подсумок, достал оттуда три ножа и слитным движением швырнул их в ствол стоящего метрах в пятнадцати дерева. Они вонзились на расстоянии не более полупальца друг от друга. Добрыненко присвистнул и впервые посмотрел на Джексона с некоторым уважением. Лейтенант вздохнул — бросает, конечно, хорошо, но поди подберись к «коту» на расстояние броска. Раньше учуёт! Ниух у них, сволочей, не хуже, чем у земных собак.

Немного помолчав, Карпин подошел к бойцам и негромко сказал по-русски:

— Не подведите, ребятки...

— Сделаем, товарищ лейтенант, — прогудел Добрыненко. — Деды наши за Русь стояли, и мы постоим.

— Точно! — на губах Стормина появилась злая ухмылка. — Порадуем «котиков». Уж повеселятся, болезные...

— Не подведем, господин лейтенант, — тоже по-русски добавил Коэн.

Интересно, в его личном деле ничего не говорилось о знании русского языка...

— Мой предок родом из России, — понял недоумение Карпина израильянин. — Уехал в Израиль в начале двадцать первого века, бывший русский офицер, воевал в Афганистане и Чечне. С тех пор в нашей семье знание русского языка и русской

культуры стало обязательным. Да и что такое честь знаем не понаслышке.

— Ясно, — лейтенант снова окинул взглядом уходящих на смерть и едва сдержал вздох. — Мы начнем, когда услышим, что начали вы. Думаю, сможем ударить «котам» в тыл. Вперед!

Собрав все необходимое, группа отвлечения скрылась в джунглях. Карпин мысленно перекрестил их вслед и пожелал удачи. Дай Бог, чтобы она улыбнулась ребятам...

— Полковник, — подошел он к Хеменсу. — Будьте готовы, сразу после того, как группа сержанта начнет работать, мы занимаем комплекс. С вами я оставлю двух бойцов, а с остальными зайду «котам» в тыл.

— Хорошо, лейтенант, — ученый пристально посмотрел на Карпина. — И вот еще что...

— Что?

— Подмоги не будет. Ни нам, ни «котам». Придется обходиться своими силами. Это все, что я имею право вам сообщить.

Так и думал, что с этой проклятой миссией что-то не так! Значит, подмоги не будет ни у той, ни у другой стороны? Что это может значить? А только то, что судьбу комплекса предстоит решать именно их группе. Видимо, командование договорилось с «котами» не устраивать большой драки — она никому не нужна даже ради артефактов древних. Но почему на такое дело послали неподготовленных людей, если могли отправить сработавшийся отряд? Или таково было условие крэнхи?

— Я повторяю, лейтенант, больше я пока не имею права ничего говорить, — ответил полковник на его требовательный взгляд.

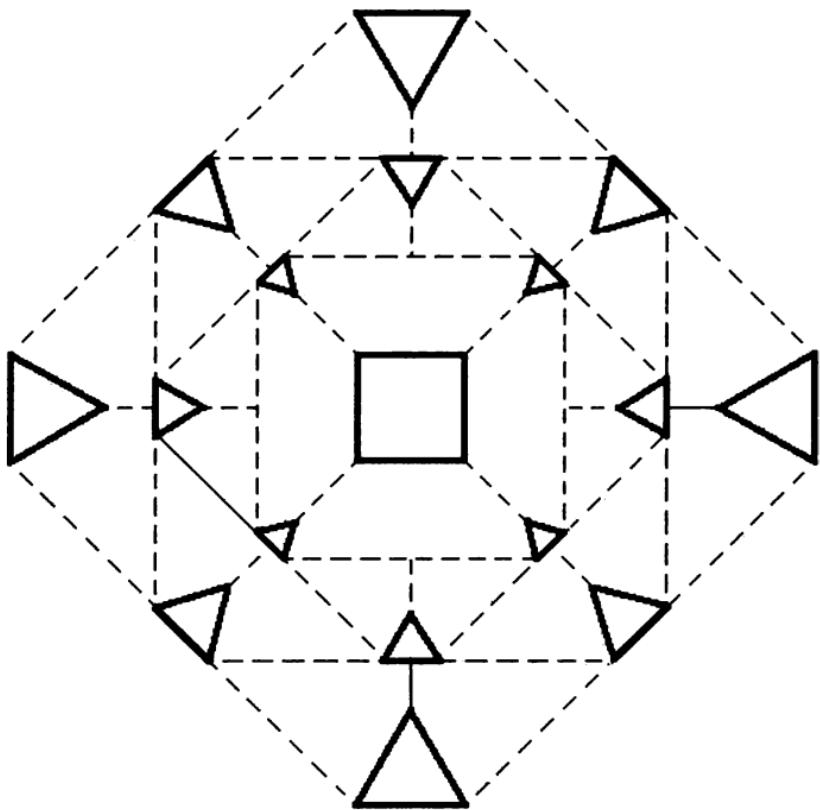
Карпин отметил слово «пока». Что же, черт побери, здесь происходит? Миссия, получается, с двойным, если не с тройным дном. Офицеру это очень не нравилось, он никогда не любил хитрых игр разведки, но выбора не имел.

Что ж, раз к «котам» тоже не придет подмога, можно и побрыкаться.

Бойцы тенями скользили между пирамидами комплекса, используя для укрытия любой куст или дерево, которых здесь хватало. Издалека доносилось шипение плазмеров и глухие взрывы «змеек» – отряд сержанта Джексона свою задачу выполнил, отвлек внимание «котов». К сожалению, связи, чтобы выяснить, как у него обстоят дела, не было – аппаратура археологов оказалась способна перекрыть только все диапазоны разом, избирательно она работать не могла. Не тот уровень оборудования.

Сразу после того, как раздались первые выстрелы, группа выдвинулась к комплексу. Он состоял из каменного куба и шестнадцати трехгранных пирамид разных размеров. Однако ни одна из них не имела входа, что стало ясно сразу после беглого осмотра. Необходимо было вскрывать стены, но чем? Археологи под охраной десантников бросались от пирамиды к пирамиде, лихорадочно изучали их, но ничего не находили. Сплошная бело-зеленая поверхность, на которой никак не отразились прошедшие тысячи лет. Только символы древних говорили, что все это было создано разумными существами.

Выведя на планшет карту расположения зданий комплекса, лейтенант покачал головой. Что-то та-

кое расположение значит, вот только что? В центре находилось кубическое здание из того же бело-зеленого камня, пятьдесят на пятьдесят на пятьдесят метров, по его углам были четыре пирамиды, отстоящие на семьдесят метров, создавая большой квадрат. По сторонам этого большого квадрата стояли четыре пирамиды побольше, образующие еще один квадрат, по углам которого тоже находились четыре пирамиды. А завершали картину еще четыре, самые большие. Опять же стоящие на некотором отдалении от сторон последнего квадрата. Каждая пирамида была связана подвесными мостиками из непонятно-

го белого материала или с тремя другими (последний ряд), или с пятью (средние ряды), или с шестью (первый ряд). На уровне мостиков каждую пирамиду окружал парапет в полметра шириной. Впрочем, называть мостиками эти ровные белые, кажется, пластиковые полосы без поручней было не совсем верно, но как их еще назвать Карпин просто не знал.

Возникало ощущение, что это не комплекс зданий, а какая-то магическая фигура, головоломка, от разгадки которой зависит его жизнь. Лейтенант даже потряс головой, чтобы избавиться от наваждения, но это не помогло. Тогда он решительно направился к археологам, решив не думать о том, что понять все равно не в состоянии.

— Что нибудь прояснилось, господин полковник?

— Ничего! — устало ответил тот. — Сплошные стены! Аппаратура не показывает наличия в этих чертовых пирамидах пустот. Но по логике вещей они должны быть! Особенно после...

Хеменс резко замолчал и настороженно уставился на Карпина.

— После чего?

— Не имею права говорить, — неохотно буркнул полковник, явно досадуя на себя за то, что проговорился.

— Ясно, — усмехнулся лейтенант. — Я оставлю вам двух бойцов для охраны, а сам ударю «котам» в тыл.

— Поступайте, как считаете нужным, — отмахнулся Хеменс. — Вполне возможно, что ваша победа в противостоянии будет иметь решающее значение в нашей миссии.

Карпин откозырял и отошел. С археологами он решил оставить одного из американцев, Роджера Лартини, и Мустафу Джрафира — никогда не считал арабов способными воевать по-настоящему, иначе не проигрывали бы все войны последних столетий. Поэтому и не доверял Джрафиру, сожалея, что командование навязало ему халифатца — лучше бы еще одного немца или русского дали. Или хотя бы израильтянина. Толку было бы намного больше.

У остальных двух соотечественников тоже нашлось нестандартное вооружение — те же «змейки», дымовые шашки и не положенные рядовым по штатному расписанию запасные батареи повышенной емкости для плазмеров. Да и немец с французом оказались не промах, захватили с собой светошумовые гранаты. Жаль, что отряду не выделили ни одного снайпера, насколько бы облегчилась задача. Но придется исходить из того, что есть.

По прошествии пяти минут группа покинула комплекс и двинулась в сторону все еще продолжающегося боя — отряд сержанта пока держался. Опытные бойцы двигались волчьим скоком: сто шагов бегом, сто — шагом. Перед выходом Шохинцев взобрался на высокое дерево и определил точное направление. Предстояло сделать немалый крюк, чтобы обойти «котов», а это время, тогда как терять его было нельзя, если лейтенант хотел застать хоть кого-то из ушедших с Джексоном в живых.

Однако обойти врага не удалось — командир «котов» оказался не лыком шит, посадил на дереве дозор. Землян обнаружили на подходе и тут же обстре-

ляли. Они сразу рассредоточились и вскоре сняли одинокого крэнхи с дерева. Но этот краткий бой стоил жизни Роже Парону...

Лейтенант немного постоял над погибшим, затем присел и провел ладонью над лицом француза, закрывая широко распахнутые глаза. Ему не впервые было терять товарищей по оружию, но Карпин так и не привык к этому. В голове колотилась одна-единственная мысль: «Не уберег...» У парня ведь остались в Лионе две маленькие дочки, которые уже никогда не дождутся папу...

— Вперед! — хрипло приказал лейтенант, взяв себя в руки.

Хоронить Парона времени не было, поэтому бойцы двинулись дальше, бросив по последнему взгляду на погибшего. Они быстро скрылись в зарослях и не видели, как сразу по их уходу почва под мертвым телом превратилась в жидкую грязь и с чмокающим звуком втянула в себя француза. То же самое случилось и с убитым крэнхи.

Отряд неслышно скользил по джунглям, люди бросали настороженные взгляды на деревья, помня, что недавно произошло. Однако, как ни странно, больше «котов» в кронах не оказалось. Звуки боя впереди настораживали лейтенанта, он не предполагал, что четырем десантникам удастся создать столько шума. Только когда до места событий осталось шагов сто, Карпин окончательно осознал, что что-то здесь не так. Он поднял руку, скомандовав бойцам остановку. Шепотом переговорил с Шохинцевым, затем взобрался на ближайшее высокое дерево, чтобы осмотреться.

Увиденное настолько поразило лейтенанта, что он замер на ветке с приоткрытым ртом. «Коты» вели бой с кем-то неизвестным! Никак не с людьми! Странные существа выглядели непривычно для человеческого взгляда: круглые торсы, три ноги, конусообразная голова, четыре руки. Земляне таких еще никогда не встречали. На чужаках были сплошные доспехи, против которых огонь кошачьих плазмеров оказался бесполезен. Но помимо крэнхи четырехрукие атаковали еще и остатки отряда Джексона! Карпин мельком заметил за рощей невдалеке самого сержанта и, кажется, Добрыненко. Похоже, новым врагам совершенно все равно, кто перед ними — люди или «коты».

Спустившись с дерева, лейтенант быстро ввел бойцов в курс дела. Они ошарашенно уставились на командира, не в силах поверить в такое. Однако поверить пришлось: из кустов выскочили двое четырехруких и без промедления обстреляли землян из какого-то незнакомого оружия, выпускающего из коротких, широких дул небольшие кольца синего света. Эти кольца сжигали все на своем пути. Хорошо хоть летели они недалеко, всего метров на тридцать. Затем гасли. Не пострадал никто, люди успели попадать на траву и откатиться в стороны.

— Кто это, хрен им по лбу?! — растерянно спросил Багрянцев.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Карпин. — Какая-то новая цивилизация.

— Нашли время, блин... — пробурчал десантник, поливая чужаков огнем плазмера.

– Наверное, тоже хотят заполучить артефакты Лонхайт, – предположил Линсберг. – А тут мы с «котами» под ногами мешаемся.

– Как бы новой большой войны не было... — пожалел Хармен. — «Коты» — противник хотя бы известный, знаем, чего от них ожидать. А что эти могут? Вдруг у них есть корабли, способные планеты взрывать?..

– Тихо! — прервал паникерские разговоры лейтенант, едва сдержавшись, чтобы не выругаться — американец есть американец. И ничего тут не поделаешь, придется принимать его таким, каков есть.

Огонь плазмеров не причинял четырехруким никакого вреда, только заставлял отступать на шаг-другой. Убедившись в этом, лейтенант понял, что нужно отходить. Куда? А только к комплексу. Больше никаких укрытий поблизости нет. Однако как отходить? Огонь чужаков не давал поднять головы. Лейтенант повернулся к Шохинцеву, чтобы отдать приказ использовать «змейку», но тот и сам догадался. Граната сработала — четырехрукие упали и больше не поднялись.

Увидев, как травяной ковер превратился в жидкую грязь и с хлюпаньем втянул в себя тела чужаков, Карпин не выдержал и облегчил душу русским матом. Это еще что такое?! Да что, черт его дери, происходит на этой поганой планетке?! Но времени на размышления не было, поэтому он вскочил и скомандовал отступление. Как ни странно, во время боя никто не пострадал. Неужто удача на их стороне? Дай-то бог!

Стычка следовала за стычкой, справляясь с четырехрукими помогали только гранаты, а их оста-

лось очень мало. Чужаки действовали на удивление грамотно, как видно, воевали не впервые, и это ничего хорошего землянам не сулило. Враги возникали словно ниоткуда, могли появиться из-за дерева, которое люди только что миновали, и сразу же открывали огонь. Вот только чаще всего этот огонь никого не задевал. Однако заставлял двигаться в весьма определенном направлении.

Вскоре до лейтенанта дошло, что враги целенаправленно отжимают отряд к комплексу. А еще через некоторое время он понял, что туда же гонят и крэнхи.

— Что делать будем, командир? — хмуро спросил Багрянцев, тоже все понявший. — Мне как-то не очень хочется оказаться в одном пространстве с обозленными «котами»...

— А у нас выбор есть? — поднял на него глаза Карпин. — Гранаты закончились, плазмеры против четырехруких бессильны. Остается только отступать.

— Я не о том, командир...

— Да понятно! Но знаешь, есть старая поговорка. Враг моего врага...

— Во как! — вздернул брови Багрянцев и ненадолго задумался. — Лады, можно и так. Если только наши дорогие «котяtkи» пожелают.

— Поглядим, — не обратил внимания на его сомнения лейтенант. — Все равно оборону держать придется в комплексе. Так что, вперед!

Не всем удалось дойти. Прикрывая отход, погиб Георгий Шохинцев... Кольцо синего света, выпущенное одним из четырехруких из своего странного оружия, поразило парня прямо в лицо. Карпин

глухо выругался, глядя как тело десантника погружается в мгновенно ставший жидким грунт. Странности этой неудачной экспедиции постепенно складывались в сознании лейтенанта в цельную картину. Очень похоже, что четырехрукие — это охрана комплекса, некие роботы, оставленные древними, чтобы никто не посягнул на их наследие. Пожалуй, по приходу придется допросить доктора Хеменса с пристрастием, невзирая на субординацию — он явно что-то знает, но молчит, сволочь. А если бы сразу сказал, это помогло бы сберечь жизни ребят.

Как только оставшиеся в живых четверо бойцов пересекли внешний квадрат комплекса, четырехрукие отошли обратно в джунгли, прекратив атаку. Навстречу Карпину тут же вышел прятавшийся за ближайшей пирамидой Хеменс в сопровождении Мустафы Джрафира.

— Что происходит, лейтенант? — поинтересовался археолог.

— Вам лучше знать! — отрезал Карпин, с гневом глядя на него. — Кто эти четырехрукие?!

— Четырехрукие? — с искренним недоумением переспросил полковник. — Вы кого имеете в виду?

Поняв, что он ничего не знает, лейтенант нехотя рассказал о столкновении с неизвестным противником и том, как поверхность планеты заглатывает погибших. С каждым его словом лицо Хеменса мрачнело все больше.

— Вот, значит, как... — едва слышно сказал он, когда Карпин замолчал.

— Господин полковник, не пора ли рассказать обо всем откровенно? — спросил лейтенант.

— Возможно, и пора... — понурился тот. — Мне приказано открыть вам правду, только если не будет другого выхода.

— А его и нет... — невесело усмехнулся Карпин. — Никто из нас домой не вернется, это уже ясно. Гранат и мин не осталось, а плаズмеры для четырехруких — что слону дробина. Мне кажется, они решили согнать сюда и нас, и «котов», а затем всех вместе уничтожить.

— Возможно, — пожал плечами полковник. — Хорошо, я расскажу.

Однако ничего он рассказать не успел. Из ближайших к комплексу зарослей выскоились двое крэнхи в легких отражающих доспехах. Они не стали стрелять, наоборот, демонстративно опустили оружие. А затем один поднял в руке белую тряпку, что говорило о неплохом знании земных обычаяй — у «котов» символ вызова на переговоры был совсем иным. Скрещенные над головой руки.

Лейтенант удовлетворенно кивнул. Похоже, командир крэнхи сделал те же выводы, что и он сам. Понял, что вчерашним врагам стоит временно объединиться, чтобы отбиться. Между собой можно разобраться и позже. Он встал и скрестил руки над головой, сообщая, что тоже знает чужие обычайи. «Кот» кивнул, снял шлем, отдал его напарнику и направился к комплексу. Карпин пошел ему навстречу. Похоже, это именно командир — крэнхи признавали только договоренность равных по рангу.

— Ртэ Тхарау, — представился «кот», когда лейтенант приблизился. — Тирхет¹ малого прайда.

¹ *Тирхет* — звание, подобное лейтенанту. Младший офицер в полевых войсках крэнхи.

Он говорил на интерлингве, выказывая тем самым уважение достойному врагу.

— Владимир Карпин, — представился в ответ землянин. — Лейтенант, командир сводной группы.

Он тоже говорил не на своем языке, а на крэ'нхау¹, его в военных училищах изучали в обязательном порядке. «Кот» оценил это, так как едва заметно приподнял уголки губ. Карпин с интересом изучал его — до сих пор с живыми крэнхи так близко он не сталкивался, Мертвых, конечно, видел не раз, но это не то. Странное существо. Фигурой походит на человека, только ноги немного короче. Лицо напоминает сплюснутую кошачью морду, покрытую, как и все тело, очень короткой шерстью палевого цвета. Выступающие клыки ясно говорят о том, что эта раса развилась из хищников. Уши полукруглые, плотно прижаты к голове. Подвижные кошачьи усы. На лбу три черных полосы — символ ранга.

— Насколько я понимаю, вы тоже столкнулись с... этими? — вежливо поинтересовался крэнхи.

— Столкнулись, — подтвердил человек. — К сожалению, наши плазмеры против них оказались бесполезны.

— Наши тоже, — недовольно дернул усами Тхаренай. — Пришлось отступить.

— А вы заметили, что и нас, и вас целенаправленно гнали к комплексу?

— Заметил, естественно. И мне это очень не нравится.

¹ Крэ'нхау — основной язык планеты Крэнх, родины расы крэнхи.

— Только выбора нет, — помрачнел лейтенант. — Откуда они появились, хотел бы я знать...

— Прямо из грунта, — сообщил тирхет. — Отправленный вами отряд едва успел открыть огонь, как земля между нами стала жидкой, и из нее полезли эти непонятные существа. Кстати, хотел высказать свое уважение. Ваши бойцы, конечно, полегли все, но сумели уничтожить более полутора десятков врагов.

— Полегли, значит... — перед глазами Карпина появились лица Добрыненко, Стормина, Джексона и Коэна. — Земля вам пухом, ребята...

— И память светлых богов, — Тхарau сложил руки перед грудью и поднял глаза к небу. — Они были достойными воинами и заслужили право на небесный чертог.

— Благодарю, — наклонил голову лейтенант. — Но вернемся к нашим делам. Я думаю, что четырехрукие — охрана комплекса.

— Очень может быть... — задумчиво сказал тирхет. — Но почему тогда нас гнали именно сюда?

— Возможно, чтобы уничтожить наверняка, — предположил Карпин.

— Не уверен, — снова пошевелил усами Тхарau. — Впрочем, увидим. А пока я хотел бы сообщить, почему пошел на переговоры.

— Думаю, это ясно, — позволил себе едва заметную усмешку лейтенант. — В такой ситуации глупо воевать на два фронта. Я и сам думал о том, что нам с вами стоило бы объединиться на время и совместно дать отпор новому врагу.

— Ваше предположение верно, — тирхет посмотрел ему прямо в глаза. — Вы согласны?

— Да. Другого выхода у нас просто нет. Ведите своих бойцов,

— Хорошо.

— Кстати, а вам известно, что подмоги не будет? — поинтересовался Карпин. — Ни вам, ни нам.

— Известно, — во взгляде Тхарау появился гнев. — Сообщили. Но причины я не знаю, а тот, кто знал ее, погиб.

— Зато наш жив, — сжал кулаки лейтенант. — И я эту причину из него вытрясу! Мне почему-то кажется, что она одна и для нас, и для вас.

— Похоже, что так... — отчетливо скрипнул зубами тирхет. — Значит, я веду бойцов. Полагаюсь на вашу честь.

— Прошу выждать пять наших минут или... три с половиной ваших лерт, кажется.

Крэнхи ничего не ответил, только поклонился и скрылся в зарослях. А Карпин вернулся к комплексу.

— Мы объединяемся с «котами», — сообщил он.

— Вы с ума сошли, лейтенант! — так и подпрыгнул полковник.

— А вы, доктор Хеменс, лучше рассказывайте все! — с яростью выплюнул Карпин. — Что, черт вас дерн, это значит?! Почему только шестнадцать человек?! Почему подмоги не будет?! Почему крэнхи тоже шестнадцать?!

— Расскажу... — понурился тот. — Но все же вы зря решили объединиться с врагом.

— Не зря. Все равно никто из нас — ни человек, ни «кот» — живым отсюда не выберется. Так что давайте. Тирхету, кстати, это тоже интересно знать — их

научный персонал погиб. Знает только, что их оставили на произвол судьбы, как и нас.

— Господин лейтенант, — прервал его Мустафа Джадир. — «Коты» идут. Стрелять или нет?

— Нет! Нам сейчас вместе драться с четырехруыми.

Люди и крэнхи заняли оборону вокруг внутренних граней одной из четырех самых больших пирамид. И те, и другие понимали, то толку от этого мало, но сдаваться не собирались, намереваясь дорого продать свои жизни.

— А вот теперь, доктор, говорите, — Карпин покосился на незаметно подошедшего Тхарау.

— Вы уверены? — устало спросил тот.

— Да!

— Понимаете ли вы, что если мы выживем, то и вас, и меня ждет трибунал?

— Понимаю, — криво усмехнулся лейтенант.

— Меня, кстати, тоже, — оскалившись, вставил тирхет.

— Пусть будет так... — тяжело вздохнул Хеменс. — В общем, этот комплекс открыт довольно давно, около пяти лет назад. И нами, и крэнхи. Данная планетная система, как вы знаете, не раз переходила из рук в руки. Многие, наверное, задавались вопросом, по какой причине за ничем не примечательную систему ведутся столь яростные бои...

— Задавались, — согласился лейтенант. — Я тоже этого не понимал. Но почему тогда комплекс не исследовали вдоль и поперек?

— А в него никто не мог проникнуть! Ни с воздуха, ни по суше. Он казался миражом, призраком, хотя ска-

неры фиксировали наличие материальных объектов. Но при попытке приблизиться к комплексу на расстоянии двух километров искривлялось само пространство-время — такой вывод сделали физики. И хоть летательный аппарат, хоть наземная машина оказывались за пределами запретной зоны, перемещаясь туда практически мгновенно! Было предпринято больше сотни попыток, но все они оказались безуспешны.

— А дальше?

— Дальше?.. — сгорбился Хеменс. — А дальше во всех четырех углах запретной зоны за одну ночь возникли плиты из неизвестного нашим ученым материала с надписями на языке древних, который еще лет сто назад был расшифрован в достаточной мере. На этих плитах сообщалось, что проникнуть на территорию комплекса может только отряд из двенадцати воинов и четырех невооруженных «мудрецов». Причем давалась таблица дат по календарю Лонхайт, когда это возможно. Проходы в защитном поле держались открытыми не более получаса, если перевести на наше время. Теперь вам ясно почему и наш, и крэнхианский членок так быстро стартовали?

— Ясно... — лейтенанту очень не понравилось услышанное. Получается, их отряд просто отправили на убой? Да, так и получается.

— Но это еще не все, — продолжил археолог. — Вечером того дня, когда обнаружили плиты, планету в очередной раз атаковали крэнхи. Все четыре плиты мы вывезти не успели, одна досталась им. Через несколько дней от их командования поступило предложение о перемирии. Мы в ответ предложили, чтобы каждая сторона отправила на исследование комплек-

са по отряду указанной древними численности, так как до открытия ближайшего «окна» осталось всего десять дней. Они согласились. Теперь вы знаете всё.

— Но почему нам ничего не сказали?.. — с тоской спросил Карпин. — Неужели бы мы хуже дрались, если бы знали правду?

— А это вопрос уже не ко мне, а к командованию, — поднял руки Хеменс. — Мне самому не понравилось использование людей вслепую, но приказ есть приказ. Не мне вам объяснять, что это такое. Сами офицер.

— Вы правы, — вынужден был согласиться лейтенант. — А теперь нам осталось только достойно умереть.

— Вот именно, — мрачно согласился крэнхи. — Мне тоже многое стало ясно. Искренне благодарен вам за это.

— А вот и четырехрукие пожаловали... — подал голос Багрянцев.

Действительно, из джунглей появился ряд закованых в зеркальные доспехи фигур. Они шли рядами, как на параде, держа строй. Первый ряд. Второй. Третий... Десятый. Даже если бы за спиной у землян и крэнхи была расположена база снабжения, с неограниченным боезапасом и безотказным квартирмейстером... Шансов справиться со столькими врагами все равно бы не было. Четырехрукие шли убивать беззащитных.

Беззащитных? Лейтенант протянул руку тирхету, и — руки встретились. Лицо Тхарау повело в гримасе, встопорщившей усы:

— Нас меньше...

Землянин улыбнулся в ответ:

– Но мы – сильнее!

Не было лишних слов. Два плазмера синхронно повернулись стволами в сторону врага и разом плюнули огнем. Следом, подхватывая порыв командиров, ударили уцелевшие бойцы обоих отрядов. Волна пламени прокатилась по наступающим рядам, но огненные шары стекали с доспехов четырехруких, не причиняя им видимого вреда.

Люди и крэнхи продолжали стрелять. Кто-то молился, кто-то пел на родном языке. Они готовились встретить смерть, как подобает воинам.

– Мы вместе! Мы – сильнее!

Голос Тхарау летел над полем боя, и было в этом что-то... невыносимое. Звуки вокруг умирали один за другим, кроме одного, страшного, пронзительно-хрипящего крика.

– Мы – вместе! – услышал себя Карпин, давя пальцем на спуск разрядившегося плазмера, Он, землянин, русский, потомственный офицер в в седьмом колене внезапно понял, осознал, ЧТО именно кричит...

И как-то вдруг, сразу, наступила тишина.

И что-то изменилось вокруг. Казалось, сама атмосфера стала иной. Доброжелательной, что ли? Лейтенант не знал, он во все глаза смотрел на опустивших оружие четырехруких. Почему они не стреляют, почему не атакуют? Что произошло? А фигуры в доспехах между тем начали уходить в землю. Не прошло и двух минут, как она поглотила их. Затем в воздухе прозвучал музыкальный аккорд, и ребра пирамид засветились белым огнем.

— Господин лейтенант, смотрите! — заставил Карпина вздрогнуть голос рядового Хармена. — Это же...

Из боковой грани ближайшей пирамиды один за другим выходили одетые в одинаковые светло-серые комбинезоны странного покроя люди и крэнхи. Погибшие. Джексон, Добрыненко, Стормин, Коэн, Парон, Шохинцев... Живые! Они улыбались, светло улыбались. И ничего не говорили.

Небо над комплексом вдруг засветилось, облака заиграли разными цветами, и из ниоткуда грянул пронизывающий до костей голос, который каждый услышал на своем родном языке:

— Сообщество крэнхи... к постижению Пути допускается... Сообщество людей... к постижению Пути допускается...

Мгновение молчания, и с какой-то непривычной, ошеломляющей до глубины души теплотой прозвучало:

— Вступительный экзамен сдан. Добро пожаловать в первый класс!

А затем наступила тишина. Потом что-то звякнуло. Как-то не всерьез, растерянно выругался Багрянцев. Ему ответил Джексон. Боец из крэнхи передернулся усами и двумя ладонями потер нос. Держась за левую сторону груди, привалился к камню доктор Хеменс. Тхарау легким движением сбросил с плеча ремень плазмера и, пошатываясь, побрел куда-то, на ходу расстегивая комбинезон.

— Сподобились, блин... — выдохнул Карпин.

И глупо, счастливо, совершенно безответственно улыбнулся.

Глава 2

— Внимание, командующий на борту! — звонкий голос вахтенного офицера заставил встречающих вытянуться во фронт.

Пронзительно засвистели дудки боцманов, почетный караул вскинул табельные плазмеры в приветственном салюте. Десантники вытянулись по стойке смирно и отдали честь. Створки шлюзового отсека разъехались в стороны, и в ангар ступил сухопарый среднего роста человек лет шестидесяти на вид в безукоризненно сидевшей на нем форме с погонами контр-адмирала Объединенного Флота. В одном глазу поблескивал древнего вида монокль. Он окинул ангар требовательным холодным взглядом и не спеша двинулся вдоль строя. Следом шел с небольшим кейсом в руках личный адъютант, молодой белокурый лейтенант. Худое лицо нового командующего космической станцией «Роберт Хайнлайн» было совершенно невозмутимым, однако все знали, что контр-адмирал Карл фон Бок подмечает все и всегда, любой, даже малейший недостаток — он слыл невообразимым педантом даже среди своих соотечественников, немцев, и больше всего на свете ценил порядок.

Многие удивлялись назначению фон Бока, особенно на эту базу, где порядка не могло быть по определению — ведь на ней базировались истребительные подразделения «безумцев». Кое-кто, правда, подозревал, что творящееся на «Роберте Хайнлайне» окончательно вывело командование из себя, особенно если вспомнить последние, совсем уж дик-

кие инциденты. И оно решило хоть как-то компенсировать этим назначением творящийся здесь бардак, надеясь, что «старый сухарь», как за глаза называли контр-адмирала, сможет хоть как-то обуздать «безумцев».

— Господин контр-адмирал! — сделал шаг вперед подтянутый, даже щеголеватый полковник. — Вспомогательный личный состав базы построен и ждет ваших приказаний! Докладывал заместитель командующего, полковник Хмелин.

— Вспомогательный? — с недоумением посмотрел на него фон Бок через старомодный монокль. — Что это значит?..

— Истребительные подразделения заняты отработкой новых методов ведения боя! Согласно приказу № 345/18 их запрещено отвлекать.

— Ясно, — кивнул контр-адмирал. — Когда они завершат тренировки?

— Не могу знать! — вытянулся полковник. — Время тренировок не нормировано.

— Тогда вызовите ко мне капитана Суровцева, а также лейтенантов Шнитке и Шнеерзона, я уполномочить вручить им награды за бой у Вестальта-IV.

— Будет исполнено.

Контр-адмирал величественно наклонил голову и, заложив руки за спину, неспешно направился к выходу из ангаря, держа спину столь прямо, словно, как говорят русские, проглотил аршин. Люк мягко скользнул в сторону, и фон Бок ошарашенно замер, услышав рев нескольких луженых глоток:

— Мы красные кавалеристы!..

Из-за поворота коридора рысью вылетел полу-голый длинноволосый субъект на палочке с лошадиной головой и резво проскасал мимо замершего соляным столбом в ошеломлении контр-адмирала. За ним, строго соблюдая строй древней немецкой «свиньи» и тоже верхом на палках следовали четверо очень разномастных личностей, одетых кто во что горазд, но отнюдь не в военную форму. Последний справа заметил фон Бока и браво отдал ему честь вилкой, которую сжимал в руке.

— Что это?! — с трудом выдавил из себя новый командующий, проводив кавалькаду круглыми глазами. Из левого глаза выпал монокль.

— Лейтенант Хряченко проводит психологический тренинг своей эскадрильи! — четко доложил вытянувшийся полковник.

— Психологический тренинг?.. — тупо переспросил фон Бок и потряс головой.

— Так точно, господин контр-адмирал!

— Вы что, издеваетесь?.. — сорвался голос командующего.

— Никак нет! — Хмелин вытянулся с видом придурковатого служаки. — Тренинг проводится согласно расписанию. Каждый тренинг протоколируется, и протокол отправляется в штаб для изучения опыта.

Фон Бок снова потряс головой, а затем вспомнил, какой именно базой командует. Все обмолвки адмирала флота Новицкого, старого друга еще по Академии, во время последнего разговора сразу стали понятны, как и вскользь брошенная им просьба хоть немного призвать разгильдяев к порядку. Ясно те-

перь, каких разгильдяев. Также он понял причину сочувствующих взглядов прежних сослуживцев после того, как они узнали о новом назначении контр-адмирала.

«Безумцы»! Не было на флоте лучших пилотов-истребителей, одна их эскадрилья могла легко разнести в пух и прах четыре, а то и пять эскадрилий противника, поэтому им прощалось практически все. Но нужны же хоть какие-то рамки! О дисциплине речи уже не шло, хотя бы перестали устраивать клоунады, от которых любому кадровому военному сводило зубы.

Карл фон Бок до сих пор лично с «безумцами» дела не имел, разве что изредка на командных учениях смотрел записи их боев — и каждым восхищался. Эти пилоты летали, как боги, и дрались, как черти. Они вытворяли в космосе на своих вертких машинах такое, что в голове не укладывалось. «Безумцы» каждый раз ухитрялись удивить противника, выдумав что-то новое. Лучшие пилоты «котов» буквально охотились за ними, а остальные, увидев аляповато раскрашенные истребители класса «Берсерк» с их характерными обводами, старались побыстрее унести ноги, что удавалось далеко не всегда.

Взять хотя бы ставший уже знаменитым бой у Вестальта-IV, в котором пять истребителей смогли не только уничтожить больше двадцати вражеских, но и взорвать сперва авианосец, где те базировались, а затем и спешащий ему на помощь крейсер первого класса. Последнее до сих пор считалось физически невозможным для истребителей, но

капитан Суровцев с со своей эскадрильей все же сделал это, подбравшись к самим дюзам крейсера и запустив прямо в них несколько ракет. При этом трое из пяти отчаянных парней ухитрились уцелеть, уйдя в пояс астероидов на такой скорости, которой машины этого класса никогда еще не развивали. Как можно было маневрировать между каменными глыбами при подобных перегрузках, никто не понимал. Однако Суровцев со товарищи выжили и вернулись на базу, хотя после этого вынуждены были почти три недели отлеживаться в госпитале.

Тяжело вздохнув, фон Бок двинулся к командному центру базы. Похоже, ему придется значительно труднее, чем он себе представлял. Как призвать к порядку таких вот «красных кавалеристов»? И не повредит ли это делу? Ведь главная задача — уничтожать вражеские корабли, а это «безумцы» умели делать, как никто другой. Но командование устало от их художеств, именно поэтому Новицкий и попросил фон Бока взяться за командование «Робертом Хайнлайном». К сожалению, контр-адмирал не представлял себе уровня сложности этой задачи. До сих пор не представлял — теперь до него начало доходить, какую свинью ему подсунули и почему друзья так сочувствовали, узнав об этом «повышении». Фон Бок тогда только пожимал плечами, удивляясь их реакции, считая себя в состоянии навести порядок на любом военном объекте, благо опыта хватало. Даже в штрафных батальонах, которыми контр-адмиралу когда-то довелось командовать около года, до сих пор царила железная дисциплина — штрафники боялись своего командира больше, чем

врага, и готовы были на все, лишь бы не привлечь к себе его внимания.

Что-то в небольшой кают-компании слева привлекло внимание командующего, и он остановился. Полковник, идущий позади него, застонал, как от зубной боли. Картина, представшая глазам контр-адмирала, была достойна кисти Сальвадора Дали. Встрепанный субъект с двумя огромными красными бантами в черных немытых волосах, голый по пояс, рисовал что-то на стене широкими мазками. Взгляд фон Бока опустился ниже, на его штаны, и контр-адмирал схватился за сердце — веселенькие розовые штанишки с оборками, длиной по колено, были украшены аляповатыми ромашками. Затем командующий присмотрелся к тому, что рисовал этот безумец, и ему стало еще хуже — сидящая в похабной позе голая женщина со всеми анатомическими подробностями.

— Эт-то к-кт-то?.. — с трудом просипел фон Бок, ощущая, как в нем поднимается раскаленная волна ярости.

— Капитан Суровцев... — с явной неохотой сообщил полковник.

— Тот самый?! — изумился контр-адмирал.

— Так точно, — подтвердил Хмелин, выгляди так, словно съел сразу килограмм лимонов.

— Значит, это называется «отработка новых методов ведения боя»?.. — язвительно поинтересовался фон Бок.

— А что я еще мог сказать?.. — попытался оправдаться полковник. — Что герой Вестальта-IV рисует голую бабу на стене кают-компании?!

— Именно так! — отрезал контр-адмирал. — Запомните, я не терплю лжи от подчиненных! Хочу знать, как обстоят дела в действительности, иначе невозможно владеть ситуацией. Приказываю всегда докладывать правду, какой бы она ни была.

— Есть, докладывать правду! — вытянулся Хмелин.

— А теперь мне нужно исполнить порученное, — едва слышно сказал фон Бок и вошел в кают-компанию. — Капитан Суровцев!

— Ну?.. — нехотя протянул тот, оборачиваясь. — Ты кто, мужик?

— Ваш новый командующий, контр-адмирал фон Бок. — Губы контр-адмирала дернулись, он едва сдержался, чтобы не взорваться, но все же пересилил себя.

— Здорово! — расплылся в идиотской улыбке Суровцев. — Это вы командовали обороной базы «Эльвания» в 2343-м?

— Я, — удивился его осведомленности фон Бок.

— Хочу выразить свое восхищение, — поклонился капитан. — Если бы у вас было хоть еще пять истребителей, то вы бы удержали двенадцатый сектор. Но вы и так сделали невозможное.

— Благодарю, — немного отаял командующий, довольный признанием его заслуг даже «безумцами», и перешел на официальный тон: — Капитан Суровцев, за бой у Вестальта-IV командование Объединенного Флота награждает вам орденом Доблести первой степени!

С этими словами он достал из своего планшета и открыл коробочку с высшей наградой Объединен-

ного Флота, затем протянул Суровцеву. Тот слегка растерянно посмотрел на усыпанный бриллиантами орден, затем вытер испачканную краской руку об собственный голый бок и взял его. Покрутил в руках и, ничтоже сумняшися, прикрепил орден на свои цветастые штаны, от чего фон Боку в который раз за этот сумасшедший день стало плохо.

— Служу Земле! — по-уставному рявкнул Суровцев.

После чего, явно потеряв к командующему всякий интерес, повернулся к стене, обмакнул кисть в краску и принял тщательно вырисовывать орден на высокой груди «портрета». Контр-адмирал задохнулся от возмущения, но не найдя что сказать, четко развернулся и двинулся дальше. Он пребывал вне себя от гнева, по его понятиям, армия была сильна исключительно дисциплиной. Но на этих дисциплина не распространялась, более того, было строжайше запрещено применять к «безумцам» дисциплинарные меры, а уговорам они, похоже, не поддаются.

По дороге к командному центру фон Боку пришлось стать свидетелем еще нескольких диких эпизодов из жизни «безумцев». Один катался колесом по коридору и что-то гнусно орал. Второй бегал на четвереньках и лаял по-собачьи. Еще двое с увлечением играли в классики, нарисовав квадраты на полу коридора несмывающейся люминисцентной краской.

Контр-адмирал старался абстрагироваться от этого кошмара, но получалось плохо, так что войдя в командный пункт он был готов уже ко всему. Однако там его встретил столь милый сердцу кадрово-

го военного идеальный порядок. Все находившиеся в центре вскочили и застыли по стойке смирно. Дежурный по смене строевым шагом подошел к фон Боку и четко отдал рапорт, обрисовав текущую ситуацию в секторе, который контролировала космическая станция «Роберт Хайнлайн».

— Когда крэнхи последний раз атаковали? — поинтересовался контр-адмирал.

— Неделю назад! — доложил полковник Хмелин. — По данным разведки, следующего нападения следует ждать в ближайшее время. Насколько нам известно из расшифрованных переговоров командования противника, они надеются выжать нас из восемнадцатого сектора, особенно из окрестностей планетной системы Ен-24.

— Чем их так заинтересовала эта система? Удалось выяснить?

— Аналитики предполагают, что разведчики крэнхи обнаружили на одной из планет системы артефакты Лонхайт.

— Тогда нечему удивляться, — кивнул фон Бок. — А наши разведчики нашли что-нибудь? Артефакты мы отдавать врагу не имеем права, сами знаете их ценность.

— Поиск ведется двумя звеньями, остальные задействованы в прикрытии, — Хмелин что-то прочел в своем паде. — Нам не хватает ресурсов.

— А когда ждать подкреплений?

— Не могу знать! Запрос командованию отправлен, ответа пока нет.

— Значит, будем обходиться наличными силами, — спокойно сказал контр-адмирал.

Однако на самом деле на душе у него было тревожно. Крэнхи являлись серьезным противником, недооценивать их не стоило, не раз били землян. Эта странная то ли война, то ли не война продолжалась уже около двухсот лет и заканчиваться не собиралась. Глобальных столкновений не происходило, однако мелкие стычки случались постоянно. В общем-то, наличие внешнего врага стало для народов Земли спасением — по крайней мере фон Бок считал именно так. Ведь до встречи с крэнхи, которых в просторечии звали «котами», Российская империя и Соединенные Штаты в союзе с Объединенной Европой готовы были вцепиться друг другу в глотки и лихорадочно готовились к большой войне. А такая война, скорее всего, стала бы концом для человечества. Наличие в космосе агрессивной чужой расы заставило разные страны объединить усилия, отбросив разногласия и вражду. Иначе было просто не выжить — и все это понимали. Одной стране не потянуть военный флот, только вместе можно это сделать, да и то ресурсов катастрофически не хватает. Некоторые аналитики считали, что у крэнхи была подобная ситуация, и для них столкновение с землянами тоже стало спасением.

В первое время стычки были яростными, флоты врага рвались к Земле, не стоя за ценой, а затем крэнхи вдруг отошли, причем отошли, когда победа, казалось, уже лежала у них в кармане. Состоялись переговоры, причем на высшем уровне. Со стороны «котов» в них участвовали вожди шести старших кланов, а со стороны людей — российский импера-

тор, американский президент, халифатский султан, европейский премьер и южноамериканский диктатор. К каким именно договоренностям они пришли никто и до сих пор не знал — это было строжайше засекречено, как и сама встреча. Однако слухи ходили самые разные. Именно после этой встречи война и пошла так, как шла сейчас — ни шатко, ни валко. Фон Бок подозревал, что об этом лидеры противников и договорились, но смысл подобных договоренностей уловить не мог. Возможно, конечно, и те, и другие решили, что внешний враг необходим для выживания обеих цивилизаций, подошедших к грани самоуничтожения. Однако это не объясняло всех несуразностей происходящего. Особенно если учесть, что жертв на этой «войне» хватало. Но ни люди, ни крэнхи никогда не бомбардировали населенные планеты, хотя в космосе грызлись отчаянно. Дальние сектора с завидным постоянством переходили из одних рук в другие. Но наиболее ожесточенные сражения велись за планеты, на которых находили артефакты Лонхайт.

Впервые эти артефакты обнаружили немногим больше ста пятидесяти лет назад в системе Бетельгейзе. Изучив находки, земные ученые пришли буквально в неистовство —казалось, эти артефакты специально предназначались для недавно вышедшей в большой космос цивилизации. Расшифровать язык удалось без особого труда, тем более, что ключ к нему нашелся в том же хранилище. И чего в нем только не было! Улучшенные схемы гипердвигателей, которые земные инженеры успешно адаптировали к имеющимся на данный момент про-

изводственным мощностям. Артефакты сократили путь развития Земли в несколько раз. Помимо того хватало данных по медицине, органической химии и многому другому. Не имелось только никаких данных о самих Лонхайт, никто даже не догадывался, как они выглядели, чего хотели, где жили, как и почему исчезли. И исчезли ли.

Также не обнаружили даже намеков на оружие — ни одной технологии, которую можно было бы использовать для убийства себе подобных. Поэтому приходилось обходиться изобретенным самостоятельно. До сих пор самыми смертоносными являлись термоядерные боеголовки. Правда, в войне с крэнхи они уже сто девяносто лет как не применялись, использовали более слабое оружие — видимо, опять по договоренности.

— Проводите меня до моей каюты, — приказал фон Бок адъютанту, тот открыл свой пад, подключился к сети станции и скачал нужную информацию.

— Прошу следовать за мной, господин контр-адмирал, — негромко сказал он.

Каюта оказалась недалеко от командного центра, всего метрах в двухстах. К своему немалому облегчению, по пути командующий не встретил больше ни одного «безумца». Войдя внутрь и кивнув лейтенанту, чтобы следовал за ним, фон Бок окинул взглядом обстановку. Все обычно для космических станций проекта 78-з, никаких излишеств, все сугубо функционально. Вещи еще не доставили, поэтому контр-адмирал опустился в кресло, жестом предложив адъютанту сесть напротив.

— Ну, Вилли, — доброжелательно улыбнулся он, — что ты на все это скажешь? Как тебе первое место службы?

— Мы в цирк попали, дядя Карл?.. — уныло спросил юноша, в которого военную дисциплину вбивали на протяжении всей его жизни, поскольку происходил он из семьи кадровых военных в незнамо каком поколении.

Отец Вильгельма Вольфа был старым другом и однокурсником Карла фон Бока, они вместе учились в военно-космическом училище. Да что там, дружили еще их отцы и деды, внуки всего лишь унаследовали традицию. Контр-адмирал, тогда еще только капитан второго ранга, вместе с другом забирал Вилли с матерью из роддома, поэтому знал его от и до. И считал юношу подающим надежды молодым офицером. Поэтому, когда в списке выпускников училища прошлого года обнаружил имя сына старого друга, то, не сомневаясь ни мгновения, забрал его к себе в адъютанты. Правда тот был этому вовсе не рад и не раз бурчал, оставаясь с контр-адмиралом наедине, что не просил протекции и хочет пройти все ступени служебной лестницы самостоятельно.

— Я сам начинал адъютантом у твоего деда, — отвечал ему на это фон Бок. — Это не помешало мне стать профессионалом, а, совсем наоборот, помогло.

Понимающие посмотрев на Вилли, контр-адмирал горько усмехнулся и приказал:

— Напомни-ка мне, как появились «безумцы». И тогда сам многое поймешь, а не поймешь — разъясню.

— Ну... — на мгновение задумался лейтенант, вспоминая пройденный три года назад курс новейшей военной истории. — Первый раз они были зафиксированы в две тысячи триста пятнадцатом году. До того наши пилоты не могли на равных противостоять пилотам «котов».

— Мальчик мой, не унижай достойного противника, — мягко пожурил его фон Бок.

— Так все так говорят... — растерялся Вилли.

— Ты — не все. Ты заметил, что ни я, ни твой отец ни разу на твоей памяти на назвали крэнхи «котом»?

— Не обращал внимания... Но теперь вспоминаю, что да... Спасибо, что указали мне на это, дядя Карл, больше не повторится.

— Продолжай.

— Так вот, один истребитель крэнхи разменивался на два, а то и три наших. Это физиологическое ограничение, у них быстрее реакция и сильнее костяной и мышечный каркасы. Улучшение наших истребителей давало немногое, все упиралось в пилотов, не способных реагировать с нужной скоростью. Попытки доверить управление компьютеру ситуацию не улучшили — компьютер не обладает человеческой интуицией, способен действовать только по схеме. Крэнхи быстро вычисляли эту схему и уничтожали наши космолеты. Как только ни изгалялись земные инженеры и медики, но ничто не помогало — наши потери намного превышали потери противника.

— Пока все верно, — поощрил контр-адмирал. — Дальше.

— Однажды был обнаружен очередной артефакт Лонхайт, в памяти которого нашли схему телепати-

ческого управления малыми космолетами. Ее без промедления поставили на несколько экспериментальных машин, однако это ничего не дало — реакция пилотов повысилась незначительно. После этого на проект машины рукой, а эти космолеты остались в дальнем ангаре станции «Ярослав Мудрый», на которой проводились испытания. Данную станцию содержала Российская империя, хотя экипаж, как и на всех остальных, был смешанным, но русские все же превалировали. В начале века она контролировала девятнадцатый сектор и постоянно подвергалась нападениям крэнхи, поскольку там нашли немало артефактов. В феврале 2315 года противник неожиданно атаковал станцию большими силами. Во время сражения практически все штатные пилоты погибли, также не осталось запасных машин. Пытаясь хоть как-то продержаться до подхода помощи из соседнего сектора, командующий станцией вспомнил о находящихся на гауптвахте пятерых пилотах-разгильдяях, которых собирался отдать под трибунал за невменяемое поведение. Скорее от отчаяния, чем по здравому размышлению, он распорядился выпустить их и отправить в бой. Однако машин для этих пятерых не нашлось, кроме тех самых, экспериментальных. И пилоты вылетели на них, подключив себе импланты прямой телепатической связи с машиной. Случившееся затем вызвало шок не только у крэнхи, но и у всех на станции. Пятеро нарушителей дисциплины, отринув все каноны ведения космического боя, буквально вымели истребители крэнхи из пространства, уничтожив более тридцати. Их реакция на порядок, а то и больше превыша-

ла человеческую. Когда все закончилось, за вернувшихся пилотов взялись ученые. В конце концов они пришли к парадоксальному выводу — использовать в полной мере машины с телепатическим интерфейсом способны только люди определенного психологического склада, причем каждый из них должен в обязательном порядке являться человеком искусства хотя бы потенциально — поэтом, художником, музыкантом или актером. Имеется в виду — божьей милостью, иметь талант. Вот, в общем-то, и все, что нам рассказывали на лекции...

— Неплохо, но явно недостаточно, — вздохнул фон Бок. — Хотя я и сам не знаю больше. Нужно выяснить, почему они так себя ведут, а главное, почему командование им это позволяет. Я, к сожалению, раньше данным вопросом не интересовался.

— Можно вызвать главного медика станции, — предложил Вилли. — Уж он-то обязан знать.

— По некоторым причинам я не хочу афишировать свой интерес, — неохотно пояснил контр-адмирал. — Поэтому поговорить с медиком, да и с другими людьми, поручаю тебе. Постарайся сделать это аккуратно, мотивируй своей личной заинтересованностью.

Фон Боку не хотелось признаваться, что он просто проигнорировал переданные ему командованием материалы, посчитав себя достаточно компетентным, чтобы разобраться в любой ситуации. Как выяснилось, переоценил себя. И это было очень неприятно.

Внезапно взревевшая сирена боевой тревоги заставила обоих вскочить на ноги и выбежать из

каюты. Контр-адмирал со всех ног ринулся к командному пункту, лейтенант не отставал от него.

— Почему тревога? — выдохнул фон Бок, врываясь в командный центр.

— На подступах к базе зафиксирован авианосец кренхи в сопровождении линкора и двух крейсеров, — доложил вахтенный офицер. — Атака ожидается через сорок минут.

— Беру командование на себя! Приказываю эскадре охранения выдвинуться в сторону противника и связать его боем. Ей придаются восемь эскадрилий штурмовиков. Линкору «Александр Освободитель» оставаться в резерве базы. Истребителям оставаться на базе в боевой готовности.

Вахтенный офицер тут же передал по назначению приказы контр-адмирала. Замершие невдалеке от станции линкор «Президент Рузвельт» и два вспомогательных крейсера в сопровождении четырех эсминцев снялись с места дислокации и двинулись к границам сектора, следуя за идущими впереди эскадрильями штурмовиков, роями вылетевших из стартовых аппарателей «Роберта Хайнлайна». Второй приписанный к станции линкор остался на месте.

— Господин контр-адмирал, а почему вы не отправили в бой «безумцев»? — едва слышно поинтересовался адъютант, которому разрешено было задавать любые вопросы, чтобы набраться опыта.

— Противник атакует не слишком большими силами, — объяснил фон Бок, напряженно глядываясь в тактический голоэкран и отслеживая любое изменение ситуации. — Эскадра вполне в состоянии

отбить нападение. Пусть «безумцы» пока побудут в резерве, их слишком мало, не хотелось бы никого из них терять, слишком ценные.

Крэнхи атаковали по классической схеме, словно по учебнику, что сразу насторожило контр-адмирала — непохоже на них, обычно флотоводцы противника находили чем удивить. Почему же теперь они действуют так кондово? Ведь численный перевес на стороне землян! Что-то здесь не то, крэнхи однозначно что-то задумали. Вопрос: что?

Сражение началось тоже по классической схеме — линкоры и крейсера обменялись залпами ракет на дальней дистанции. Ни одна из ракет не достигла цели, все были сбиты лазерной защитой. Имея численный перевес, земляне начали охватывать силы противника по сфере. А крэнхи почему-то не выпускали истребителей. Странно, почему?

Фон Бок смотрел на все это и все больше недоумевал. Происходящее с каждой минутой не нравилось ему все больше и больше. Почему они медлят? Ведь через несколько минут линкор с крейсерами подойдут на дистанцию прямого залпа — и крэнхи мало не покажется. Огневая мощь земных линкоров в полтора раза превышает мощь их линкоров.

Внезапно из аппаратов вражеского авианосца выскользнули мошки истребителей, всего четыре эскадрильи — двадцать восемь машин. В эскадрилье крэнхи, в отличие от людей, было не пять, а семь истребителей. Контр-адмирал недоуменно пожал плечами — поздно же! Они просто не успеют справиться со штурмовиками, и эскадра без проблем отстреляется.

Того, что случилось дальше, никто не ждал — истребители крэнхи неожиданно разошлись в стороны немыслимыми ни для кого, кроме «безумцев», виражами, обошли строй земных штурмовиков и по ломанным траекториям ринулись к линкору.

— Дайте крупным планом изображение истребителя крэнхи! — хрипло каркнул фон Бок, что-то заподозрив.

Посмотрев на экран, он мертвенно побледнел и крикнул:

— Выпускайте «безумцев», срочно!

Взглянув на экран, побледнели и остальные люди в рубке. Неизвестной формы машина, явно новая модификация, была вся расписана какими-то аляповатыми изображениями невиданных зверюшек. Нос выглядел распахнутой пастью с окровавленными клыками. На капоте был нарисован цветок нежно-vasилькового цвета.

— О господи! — выдохнул адъютант. — У них появились свои «безумцы»...

— Похоже на то... — пробормотал контр-адмирал. — Гром и молния! Шайзе!

Из выходных аппаратов «Роберта Хайнлайна» с шутками и прибаутками в эфире выскользнули тридцать истребителей — шесть эскадрилий. И тут же дали форсажный ход, рвясь к месту боя. А там происходило избиение линкора — от штурмовиков «безумные коты» отмахивались, как от мух, уничтожая их походя, чтобы не мешали. А от залпов крейсеров просто уворачивались.

— Когда они будут на месте? — хрипло спросил фон Бок.

— Через шесть-семь минут, — доложил оператор сканирующих систем.

— Хоть бы линкор уцелел...

При мысли о том, что погибнет линкор, да еще и американский, контр-адмиралу стало дурно — вонь поднимется страшная. По комиссиям зата-скают, замучают вопросами, почему он отправил в бой американский, а не русский корабль, и не было ли здесь злого умысла. Русские же наоборот посчитают, что потеряли из-за него честь, оставаясь в тылу.

Линкор находился уже на последнем издыхании, когда в бой подобно смерчу ворвались «безумцы», одним махом уничтожив два истребителя крэнхи. Остальные тут же перегруппировались и накинулись на нового врага. Началась какая-то безумная карусель, в которой понять что-либо со стороны было невозможно. И люди, и крэнхи творили невозможное.

Земная и крэнхянская эскадры оттянулись в стороны, наблюдая за сражением со стороны. Только экипажу «Президента Рузвельта» было не до того — линкор пытался дотянуть до станции, рысская со стороны в сторону. Подошедший «Александр Освободитель» тоже не стал ввязываться в бой, предоставив «безумцам» самим разбираться с собратьями по безумию. Да и правильно, в этой свалке ему делать было нечего.

— Штурмовикам сопровождать линкор до станции! — приказал фон Бок, не отрывая глаз от тактического экрана.

— Наш истребитель погиб, — глухо доложил вахтенный офицер.

- Кто?
- Лейтенант Шнитке...
- Светлая память... — скрипнул зубами контр-адмирал. — Вывести общий канал в громкую связь.

Он решил, что раз ничего не в состоянии понять визуально, то хотя бы реплики пилотов слышать — может, из них станет хоть что-то ясно. Однако того, что услышал, ожидать фон Бок никак не мог.

— Эй, котяра, ты чего это на носу намалевал? — раздался из динамиков веселый голос капитана Суровцева, говорившего на крэ'нхау, которые все офицеры Объединенного Флота должны были знать в обязательном порядке. — К мисочке молока спешишь?

— Нет, трахнуть бабу на твоем носу собираюсь, — столь же весело ответил ему какой-то крэнхи на интерлингве, ошибиться было невозможно, только «коты» говорили с таким непередаваемым шипящим акцентом.

— Подставь мне бочок, дорогой мой коток! — влез в разговор лейтенант Шнеерзон, израильянин. — У тебя там такой цветочек чуднецкий, так и просится под мою торпеду!

— А поцеловать меня под хвост, обезьяна ты лысая, не хочешь? — ехидно поинтересовался еще один крэнхи. — Я даже духами там помажу, специально для тебя!

- А может скипидарчиком лучше?
- Себе оставь! Для клизмы.

Гробовое молчание царило в командном центре «Роберта Хайнлайна». Фон Бок сильно подозревал, что такое же молчание царит сейчас в центральной рубке крэнхянского флагмана.

— Вот уж родственные души... — осуждающее поджал он губы. — Нашли друг друга.

Безобразие продолжалось еще минут пятнадцать. Как только «безумцы» и «безумные коты» ни издевались друг над другом. Одновременно они вытворяли в пространстве такое, что оставалось только восхищенно качать головами. А затем истребители землян собрались в ромб, то же самое сделали крэнхи. И эти два ромба бешено завертелись друг вокруг друга, уже не стреляя, а, похоже, отдавая таким образом честь достойному противнику. После этого ромбы красиво разошлись и двинулись к своим базам.

— Господин контр-адмирал! — вскинулся офицер связи. — Крэнхи просят не стрелять, они уходят.

— Прекратить огонь! — тут же приказал фон Бок, понимая, что с наличными силами преследовать вражескую эскадру смысла не имеет. — Отбой тревоги!

В том, что крэнхи действительно уходят, контр-адмирал не сомневался — они никогда еще не нарушали своего слова. Дождавшись, пока полуразрушенный линкор доберется до станции, он распорядился тут же начать спасательные и восстановительные работы. Вскоре доложили, что истребители и штурмовики вернулись в ангары, и фон Бок, ощущая крайнюю усталость, решил немного отдохнуть. Новое нападение вряд ли произойдет сегодня.

Однако подремать контр-адмиралу удалось не более двух часов, его разбудил адъютант.

— Ваш приказ выполнен, господин контр-адмирал! — доложил он.

— Какой еще приказ? — спросонья не понял фон Бок.

— Вы же поручили поговорить с главным медиком о «безумцах»... — Лицо лейтенанта стало растревяенным.

— Ах да! — вспомнил контр-адмирал. — Хорошо, докладывай. Только сделай мне сначала чашечку крепкого кофе.

Много времени Вилли на это не понадобилось, кофе он варить умел с детства, тем более миниатюрная электрожаровня в каюте была. Получив вожделенный напиток, фон Бок с наслаждением понюхал его и, сделав первый маленький глоток, вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Удалось узнать следующее, — начал тот. — С «безумцами» все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что если привзвать их к порядку, не позволяя творить безумства, то их полетное мастерство резко снижается — это неоднократно проверено на практике. Поэтому им и позволяют все, тем более что их безумства в общем-то безобидны — физического вреда ни один из них никому не принес.

— Тогда я не понимаю смысла моего назначения сюда, — нахмурился контр-адмирал, — если это только не обычные бюрократические игры.

— Откуда мне знать, дядя Карл? — развел руками Вилли.

— Это все?

— К сожалению, нет.

— К сожалению? — приподнял брови фон Бок. — А почему к сожалению?

— Земля, используя свои таланты таким образом, лишает себя культуры в будущем... — тяжело вздохнул адъютант. — Поскольку таланты большей частью гибнут, становясь пилотами-истребителями, культуру подминают под себя бездари. От рассказанного медиком у меня волосы дыбом встали. По всей Земле отслеживают талантливых детей с самого раннего возраста, направляя их затем в летные школы, хотят они того или нет.

— Это правда?.. — контр-адмирал даже потряс головой от неожиданности. — Хотя интересы Земли требуют этой жертвы...

— А что дальше, дядя Карл? — глухо спросил Вилли. — Цивилизация без культуры мертва. Не убиваем ли мы сами себя таким образом?

— Не знаю, может, и так... — развел руками фон Бок. — Но есть надежда, что эта война в конце концов закончится. Она не вечна. Мне кажется, что у нас с крэнхи значительно больше общего, чем мы думаем.

Он немного помолчал, затем сказал:

— А теперь я, с твоего позволения, вздремну еще полчасика. Устал сильно.

Адъютант вскочил, отдал честь и поспешил покинуть каюту. Контр-адмирал вынул из глаза монокль и снял китель. Однако до дивана он добраться не успел — раздалась трель звонка, сообщающего, что кто-то пришел. Фон Бок ругнулся про себя, накинул китель и, оставив монокль на столе, открыл. Чтобы понять, кто перед ним, пришлось сильно прищуриться — давало знать полученное полгода назад ранение во время сражения в системе Ориона. В дверях возник полковник Хмелин.

— Господин контр-адмирал! — вытянулся он. — Весь личный состав уже собрался в главной кают-компании. Ждем только вас.

«Личный состав собрался? — на ходу застегивая китель, думал фон Бок. — Интересно, зачем? Ладно, разберемся».

Подосадовав про себя на то, что забыл монокль в каюте, контр-адмирал двинулся за полковником. Ладно, впрочем, не в командный центр, обойдется как-нибудь.

Войдя в главную кают-компанию «Роберта Хайн-лайна», способную вместить в себя весь экипаж, фон Бок остановился. Что-то было не так, неправильно. Не сразу до него дошел резкий запах алкоголя. Здесь кто-то пил водку! Но этого не может быть! Пить спиртное на космических станциях строжайше запрещено...

Он ринулся к ближайшему столу, прищурился и увидел капитана Суровцева вместе с еще несколькими «безумцами». Хотя они на сей раз были в форме, однако держали в руках пластиковые стаканчики с водкой, запах не оставлял сомнений. Да они что, совсем с ума посходили?!! Да, им многое позволено, но это уже слишком! Ярость ослепила контр-адмирала и, подняв подбородок, он наконец-то высказал все, что думает по поводу их поведения.

Фон Бок не заметил, как на лице Суровцева появилось все усиливающееся недоумение, сменившееся затем презрением, даже гадливостью. Остальные офицеры, причем далеко не только «безумцы», тоже как-то странно смотрели на него. А затем произошло кое-что, от чего контр-адмирал мгновенно оне-

мел и покрылся испариной. Суровцев молча поставил стаканчик с водкой на стол и повернулся к фон Боку спиной, сцепив на пояснице руки. Знак высшего презрения, знак бойкота. К ужасу фон Бока, один за другим офицеры следовали примеру капитана. Да что случилось?!

В этот момент напряженный взгляд контр-адмирала упал на стол, и он задохнулся от осознания непоправимости своего поступка. Посреди стола стоял стаканчик, накрытый куском хлеба. Это была не пьянка, это был освященный временем флотский обычай поминования павших — только в этом случае на космических кораблях и станциях позволялось пить спиртное. О господи, его позвали на поминование, а что сделал он?!! Это был конец. Конец всему. Жизни, карьере и, самое страшное, чести. После случившегося ни один уважающий себя военный не подаст фон Боку руки.

— Что же вы натворили, дядя Карл?.. — не сдерживая слез, простонал Вилли, не глядя на него.

А затем тоже повернулся и сцепил руки за спиной. Больше никто в кают-компании не стоял к контр-адмиралу, точнее, уже бывшему контр-адмиралу лицом. Ему объявили бойкот, самое страшное, что может произойти на флоте с офицером. Если у попавшего под бойкот не хватало смелости застрелиться, его без выходного пособия вышвыривали в отставку без промедления, а его детей не принимали в военные училища. Этот неписаный закон скрипя зубами были вынуждены исполнять даже американцы, русские сумели настоять на своем. И нарушать его не смел никто.

Развернувшись на непослушных, негнущихся ногах, фон Бок, словно робот, вышел из кают-компании и двинулся к себе. Он потерял честь, потерял навсегда. И способ вернуть ее был только один. Контр-адмирал знал этот способ. Другого просто нет.

— Господа, помянем павших! — снова повернулся к столу капитан Суровцев, поняв, что бывший командующий, отныне для них безымянный, ушел.

— Вот же сноб поганый! — скривился лейтенант Шнеерзон, потерев свой горбатый нос. — Даже монокля своего не напялил. Приперся, наорал, придурак долбаный...

— Монокль?! — Лицо адъютанта побелело и покрылось крупными каплями пота. — Он был без монокля??!

— Да, — кивнул полковник Хмелин. — А что это меняет?

— Все!!! Он же без монокля после ранения почти ничего не видит!!! Он должен был на операцию ложиться, а вместо того принял это назначение...

— Мать твою! — побледнел Суровцев. — Так он же просто не увидел...

И кивнул на стаканчик, прикрытый куском хлеба.

— За ним, быстро!!! — заорал полковник, срываясь с места.

Суровцев перепрыгнул через стол и ринулся за ним. Следом бросились остальные. Ведь все уже поняли, куда и зачем пошел контр-адмирал. Произошла чудовищная ошибка. В этот момент никто даже не думал о том пятне, которое ляжет на них.

Они почти успели. Уже схватившись за ручку люка адмиральской каюты, капитан Суровцев ус-

лышил сухой треск выстрела из древнего, еще двадцатого века люгера.

Контр-адмирал Карл фон Бок восстановил свою честь.

Глава 3

Полуденная жара накрыла город тяжелой пеприной, температура зашкаливала далеко за сорок градусов. Люди прятались в тени, редко кто рисковал выйти на солнце, разве что по крайней необходимости. Даже старожилы не помнили такого жуткого лета в Екатеринбурге. Городские власти начали вентилировать вопрос о подключении столицы Урала к климат-контролю, но это был вопрос непростой. Жители предпочитали отсиживаться в кондиционированных помещениях, выбираясь наружу вечерами, когда жара немного спадала.

По тенистой стороне улицы Малышева не спеша двигался комендантский патруль — два молоденьких флотских лейтенанта в темно-синих мундирах и красных повязках на правых руках.

— Ну и зачем мы тут ходим? — уныло спросил шатен пониже, вытирая пот со лба.

— Мало ли, вдруг какого дурня вынесет в самоволку, вокруг хватает военных училищ и академий, — философски заметил второй, высокий и черноволосый.

— Ну и пекло же!

— Ага. Давай, что ли, зайдем вон в ту кафешку, кваску холодненького хлебнем.

— Давай.

Однако патрульные не успели сделать этого, заметив идущего навстречу парня в серой форме с курсантскими погонами на плечах. Невысокий, с соломенного цвета волосами, крепко сбитый, лет двадцати с небольшим. Лицо простоватое, но взгляд умных голубых глаз цепкий и настороженный.

— А вот и наш клиент, — уныло заметил шатен.

Офицеры переглянулись и направились к курсанту.

— Ваши документы!

— Прошу, товарищ лейтенант, — с этими словами тот протянул карточку удостоверения с информационным кристаллом, такими пользовалось вместо любых других документов все население Российской империи.

Брюнет взял карточку и провел ею над наручным сканером. Прочитал высыпавшееся на личном голографическом терминале, вживленном прямо в левый глаз, и лицо молодого офицера вытянулось. Он неуверенным движением вернул удостоверение, козырнул и извинился за беспокойство. Курсант тоже козырнул и не спеша двинулся дальше.

— Коля, ты чего? — растерянно спросил товарища шатен. — Никогда тебя таким удивленным не видел...

— Мы с тобой, Ефим, похоже, удостоились чести видеть курсанта ВПА¹, — ответил тот, провожая задумчивым взглядом удаляющегося парня.

¹ ВПА — Военно-политическая академия.

— Издеваешься? — обиделся Ефим. — Она разве существует?..

— Существует, — заверил Николай. — В удостоверении, конечно, написано совсем другое, но отец научил меня читать между строк.

— И чего же ты там такого вычитал? — со скепсисом поинтересовался шатен.

— Сам смотри, — криво усмехнулся брюнет. — Альфа-доступ ко всем архивам армии и флота, свободное передвижение по любым засекреченным зонам, запрет задержания без ордера, подписанного директором КВИБ-1 или... — он выдержал небольшую паузу, — лично императором...

— Ни х... себе! — выдохнул Ефим. — Не шутишь?!

— Говорю то, что показал сканер, — развел руками Николай. — Вот так-то, друже. Отсюда вывод может быть только один — ВПА. Какому еще курсанту могут дать такие полномочия?

— Никакому...

Они переглянулись, вспомнив дикие рассказы о Военно-политической академии, ходившие в флотской среде. В это учебное заведение, если оно действительно существовало, нельзя было поступить. Никто не имел понятия, где оно находится. Оказаться курсантом ВПА можно было лишь одним способом — оказаться отобранным по каким-то загадочным критериям специальной комиссией и получить приглашение. Самые талантливые молодые люди обоих полов со всей страны действительно иногда получали некие странные письма, после чего бесследно исчезали. Даже их родители не знали точно, где учатся их чада — некое особо секретное учебное

заведение, находящееся под личным патронажем императора. Карьера его выпускников складывалась по-разному, но они всегда занимали высокое положение.

Разведки всех известных государств страстно жаждали разгадать секрет ВПА, но никому этого сделать еще не удалось. Если даже выпускников похищали, то они умирали, как только на них пытались воздействовать химией или пытками. Гипноз их не брал.

Большинство населения Империи считало ВПА выдумкой, и пресса это мнение поддерживала, публикуя множество развенчивающих глупые слухи статей. Но офицеры и высокопоставленные чиновники им не верили, хотя точно никто ничего не знал. Зато знали, что некое особое учебное заведение действительно существует и готовит специалистов в сфере управления крупными войсковыми соединениями и политического манипулирования. Вот только никакие интриги и взятки не могли помочь пристроить детей высокопоставленных господ туда, и никто давно уже не пытался, зная, что это совершенно бесполезно. Хотя бы потому, что ни один озабоченный преуспеванием своего чада папаша не имел понятия, с кем вообще нужно договариваться.

— Может, и не в ВПА, но парень однозначно учится в крутом заведении, — вздохнул Ефим. — Ладно, бог с ним, нам там не учиться. Пошли соку или квасу попьем, а то совсем невмоготу.

— Пошли.

И патрульные свернули в небольшое кафе, откуда тянуло приятной прохладой — там работал кондиционер.

Остановившийся у перекрестка Михаил удовлетворенно кивнул, увидев это. Похоже, кто-то из этих лейтенантов что-то заподозрил. Не страшно, в их подразделении предателей быть не может, слишком тщательные там проверки. Однако хочешь не хочешь, а доложить об инциденте придется.

Вздохнув, курсант свернулся на улицу Сакко и Ванцетти, зашел во двор, заметил на стене одного из домов ничего не говорящее чужому взгляду граффити и огляделся. Рядом никого не оказалось, и Михаил приложил к определенной точке рисунка ничем не примечательное кольцо, надетое на средний палец правой руки, после чего мысленно активировал перемещение. В глазах на мгновение потемнело, и курсант оказался в небольшом зеленом дворике, уставленном столиками, за которыми сидело трое молодых людей, одетых в такую же, как на нем самом, серую форму.

Поборов тошноту, как всегда бывало после перемещения, Михаил вздохнул — зря, похоже, сегодня выбирался в город, ничего интересного для курсовой не нашел. Сидящие за столами курсанты младших курсов не заинтересовали его, как и он их — здесь давно привыкли к виду возникающих из ниоткуда людей. Их альма-матер была одним из немногих запретных, хранящих величайшую тайну Российской империи — телепортацию. К сожалению, изобрели ее не самостоятельно, а опять же при помощи артефактов Лонхайт, обнаруженных во время дальней экспедиции к центру галактики.

Открыв старую скрипучую дверь, Михаил фыркнул про себя — никогда не понимал для чего нужна

столь глупая маскировка. Сюда же никто посторонний попасть не может! Но руководство Академии продолжало поддерживать привычный имидж — деревянные двери, рассохшиеся скрипучие полы, усатый старик-вахтер в железной будке. А рядом — самое современное оборудование, недоступное больше никому в Империи.

— Мишка, привет, зараза! — ринулся к вошедшему чернявый смуглый парень в такой же форме. — Ты где шлялся?!

— Привет, Айзат, — отозвался он. — Тему для курсовой искал. А что?

— Да тебя Зубр вызывал! Всех на ноги поднял — найти и доставить ему Шмелева. Срочно! Так что ноги в руки и к нему в кабинет! Ждет.

— Твою мать! — выругался Михаил.

Вот только вызвать гнев ректора Академии и не хватало для полного счастья. Старый зубр, как прозвали курсанты Николая Петровича Томилина, по совместительству директора Комитета внутренней имперской безопасности, он же КВИБ-1, был очень строг и не прощал своим подопечным ни малейшей ошибки. Да и характером обладал вредным, въедливым, никогда не упускал ни единой мелочи. Курсанты, которыми он был недоволен, очень быстро переставали являться таковыми — отчисляли из ВПА безжалостно. Причем отчисленным стирали память.

Пока Михаил сломя голову несся по коридорам к кабинету ректора, почему-то вспомнилось, как он получил письмо из Академии. Тогда юноша, только закончивший школу, как и многие другие,

считал ВПА выдумкой. Но после сдачи экзаменов выпускника вдруг вызвали в кабинет директора, где его ждал курьер в форме мышастого цвета. Он вручил Михаилу украшенное сургучной печатью письмо древнего вида. С надписью: «Совершенно секретно. Допуск А-02. После прочтения уничтожить».

Прочтя письмо, он некоторое время пребывал в недоумении — уж не чья-то ли это дурная шутка? Однако курьер заверил его, что нет, никаких шуток. И Мишка, тогда еще Мишка, задумался — такой шанс упускать было бы глупо. Он согласился. С тех пор не раз проклинал все на свете — учили в ВПА очень жестко, даже жестоко, примерно половина курсантов гибла в процессе обучения. Зато выжившие становились специалистами очень широкого профиля, могли занять любой пост в Империи в кризисный момент и справиться. Хоть в армии, хоть на гражданке.

Сам Михаил больше всего тяготел к тактике малых разведывательных операций и очень надеялся, что по окончанию попадет в КВИБ-2 — Комитет внешней имперской безопасности. К сожалению, он мог только написать рапорт о своем желании, а дальше начальство будет само решать, куда направить выпускника.

В приемной он козырнул секретарю Томилина, отставному флотскому кавторангу, списанному по ранению. Тот проверил карточку курсанта и, ничего не говоря, махнул в сторону обшитых кожей двухстворчатых дверей. Михаил незаметно выдохнул и вошел.

* * *

В ожидании вызванного курсанта Виктор Петрович прокручивал в голове состоявшийся пару часов назад разговор со своим бывшим однокурсником, адмиралом Романцевым. И тихо матерился про себя — как же достали эти желающие вернуть все на старые рельсы. Ну почему они не понимают, чем это чревато? Но не понимают, просто не желают понимать.

— Толя, твой Николай совсем зарвался, неужели ты не понимаешь? — тихо спросил директор КВИБ-1, устав доказывать аксиомы.

— Это ты не понимаешь, — не менее устало отозвался адмирал. — Он — мой сын! И этим все сказано.

— И что с того? У нас всех есть дети, но мы почему-то не создаем тайных обществ, идущих вразрез с законами страны.

— Значит, вы недостаточно любите своих детей! Почему мой сын не имеет права получить все, чего я достиг? Почему?!

— Да потому, что убогие дети великих отцов чаще всего губят все достижения этих самых отцов, — раздраженно потер виски Томилин. — Он получит твои деньги, чего еще? Дорожку бархатом выстелить?..

— А хоть и бархатом! — подался вперед Романцев, его глаза горели нездоровым лихорадочным огнем. — Почему он не станет дворянином?! Он по рождению дворянин! Почему он не наследует мой титул?!

— Ты сам прекрасно знаешь, — директор КВИБ-1 едва сдержался, чтобы не грохнуть кулаком по столу. — По законам Империи наследственного дво-

рянства не существует! Его каждый должен заслужить сам. И дворянин — это не привилегия, тебе ли не знать. Это обязанность служить Родине! А твой Николай ничему и никому, кроме себя, служить не желает. Да еще и собрал вокруг себя стаю таких же мажоров и творит вместе с ними непотребства.

— Ой, да какие непотребства?.. — скривился адмирал. — Небольшие развлечения милых мальчиков.

— Милых мальчиков?! — чуть не подавился Томилин. — Развлечения?! Значит, групповые избиения, изнасилования и гомосексуальные оргии ты называешь небольшими развлечениями?!

— О чем ты говоришь?.. — растерялся Романцев.

— Вот об этом! — директор КВИБ-1 судорожным движением открыл верхний ящик стола, достал оттуда папку с бумагами и буквально швырнул ее в лицо собеседнику. — Не хотел я давать тебе это, но ты меня меня вынудил. Читай! Это ты называешь небольшими развлечениями?!!

Адмирал с недоумением посмотрел на старого друга, затем все-таки открыл папку и погрузился в чтение. С каждым новым просмотренным документом он все больше бледнел.

— Нет, это неправда... — прохрипел он, наконец. — Мой Коленька не мог, он хороший мальчик...

— Хороший мальчик?!. — вздернул брови Томилин. — Да если бы не твои заслуги, этот «хороший мальчик» у меня бы давно урановые рудники на Титане осваивал! Документы заверены и проверены. И ты хочешь, чтобы такие, как он, становились aristократами Империи, занимали в ней важные посты

и так далее? И во что они превратят страну лет за двадцать? Не скажешь? Это ты и остальные из вашего кружка не сумели воспитать своих детей, как должно! Так не смейте пенять на законы Империи!

С каждым его словом голова красного, как вареный рак, Романцева опускалась все ниже. Прославленный боевой адмирал, заместитель командующего Объединенным Флотом Земли был, как ни странно, подкаблучником и в обычной жизни находился под влиянием жены, той еще стервы, уверенной, что она все знает лучше кого бы ни было.

— Значит, так, — продолжил директор КВИБ-1. — Твоему Николаю выносится последнее предупреждение. Или он затихнет, или вот это, — он ткнул пальцем в папку, — уйдет в прокуратуру. Да, и дай Марине почтить о делах вашего с ней сыночка, пусть развлечется. Ваш кружок единомышленников распускается — его величество поручил мне высказать тебе свое крайнее неудовольствие.

— Я понял... — хмуро ответил адмирал. — Кольку я выдеру...

— Думаешь, поможет? — скептически поинтересовался Томилин. — Это надо было делать, пока он поперек лавки лежал, а сейчас — поздно. Главное, доведи до сведения сына, что заслуги отца — не его заслуги. И безнаказанным он не останется. А то он так скоро до пожизненного срока допрыгается.

Директор ненадолго замолчал, потом добавил:

— И еще одно. В окружении Николая замечены американские и европейские агенты влияния. Ты понимаешь, что это значит?..

— Только не это... — побелел Романцев.

— Именно, им начал заниматься уже не я, а КВИБ-2! Поэтому даю тебе последний шанс привзвать сына к порядку. Ты все понял, Толя?

— Да...

— Вот и хорошо, иди. Папку захвати с собой. После того, как жена прочтет, уничтожь — это копии.

Проводив взглядом понурившегося старого друга, Томилин тяжело вздохнул. Ну почему многим родителям так хочется, чтобы их чада получали все без усилий? Неужели не понимают, кем вырастут избалованные дети? И что они сделают со страной, выстроенной с таким трудом?

Причем тайные общества и заговоры обычно создают именно те, чьи наследники выросли ничтожествами. Те же, кто сумел воспитать настоящих людей, такими глупостями не занимаются — они просто учат детей всегда быть лучшими. Не жить лучше, а быть лучше! И те сами всего добиваются.

Да, грустно, что на детях гениев природа отыхает, но тут уж ничего не поделаешь. Главное не допустить, чтобы чванливые ничтожества смогли занять ответственные посты — они разрушат все, до чего смогут дотянуться, тому было в истории немало примеров.

Жалко Анатолия, гениальный флотоводец, но может эта встряска поможет ему заставить сыночка хотя бы понять, что ему далеко не все позволено. Если не поймет, придется устраивать несчастный случай — допускать суд над сыном трижды героя России нельзя, слишком большой общественный резонанс это вызовет. После такого

Романцева, конечно, придется отправлять в отставку. А жаль, лучшего боевого адмирала поди найди...

* * *

Сигнал коммуникатора, сообщающий о прибытии вызванного курсанта, заставил Виктора Петровича отвлечься от своих мыслей. В приоткрывшуюся дверь проскользнул затянутый в серую форму подтянутый молодой парень среднего роста. Голубые глаза прибывшего посверкивали с трудом сдерживаемым любопытством. Взъерошенные сломенные волосы явно требовали вмешательства парикмахера.

— Вызывали, Виктор Петрович?
— Вызывал, Шмелев, — отозвался директор. — Садись.

Михаил осторожно присел на краешек стула, пытаясь понять, зачем он понадобился начальству. Задолженностей за ним как будто не числится.

— Вижу, от любопытства с ума сходишь? — приснулся Томилин. — Ладно, не буду томить. Решено поручить тебе вместо практики в Думе задание в дальнем космосе.

— Мне?! — расширились глаза курсанта. — Ура! То есть спасибо...

— Не благодари, — укоризненно проворчал директор. — Это не приключения, а тяжелая поисковая работа. Да и дело очень непростое. Подпиши-ка.

Он пододвинул к Михаилу какой-то бланк. Тот прочитал и в изумлении приподнял брови. Подпись о неразглашении. Но какая! Он такой формы

и не видел никогда. Запрещено обсуждать что-либо связанное с заданием даже с самим Виктором Петровичем. Доклад только лично императору! Знать о сути задания имеют право лишь те, кого его величество внесет в особый список! Курсант некоторое время с сомнением смотрел на бланк, а затем все же подписал.

— Вот и хорошо, — кивнул Томилин. — А теперь слушай сюда. Несколько лет назад на планете Н237 был обнаружен комплекс строений Лонхайт...

И он повторил рассказанное императору о случившемся с группой лейтенанта Карпина. Курсант внимательно выслушал, не решаясь прервать начальство, хотя по лицу было видно, что в его голове теснятся тысячи вопросов.

— И что, больше ничего не известно? — не выдержал, наконец, Михаил.

— Ничего, — развел руками Виктор Петрович. — Связь с группой прервалась сразу же после высадки. А затем поразивший и нас, и крэнхи старт комплекса и его исчезновение. Ученые сходят с ума в попытках понять принцип его перемещения.

— Корабль Лонхайт... — мечтательно протянул курсант. — Это же...

— Вот именно это же, — кивнул директор. — Кто первый его обнаружит, тот получит немало преимуществ. Учти, поисковая операция не Объединенного Флота, а наша, имперская.

— Да, не хотелось бы отдавать корабль в руки американцев.

— Поэтому ты получишь не просто малый фрегат, а созданный на основе обломков другого

корабля Лонхайт. Там есть кое-какая аппаратура, которой нет больше ни у кого.

Михаил думал, что его уже ничем не удивишь, но Томилин сумел сделать это. Значит, поисковые партии обнаружили еще один звездолет древней расы? Причем потерпевший крушение? Интересно. Даже более чем интересно! И созданным по чужим технологиям фрегатом предстоит командовать ему? На такое везение курсант даже не рассчитывал. Ведь по учебному плану на девятом курсе следовало проходить скучнейшую практику помощником депутата Государственной Думы.

— Этот фрегат способен погружаться на шестой уровень гиперпространства, — продолжил объяснения Виктор Петрович.

— На какой?!? — не поверил Михаил. — Вы не шутите?..

— Нет, — усмехнулся директор.

Его ничуть не удивила реакция курсанта. До последнего времени земные гиперфизики были полностью уверены, что погрузиться глубже четвертого уровня физически невозможно. Поэтому для них стало шоком, когда чудом вышло запустить двигатель Лонхайт с найденного корабля и убедиться, что это не так. Полученные данные русские скрыли от остальных землян, и теперь лучшие учёные Империи лихорадочно разрабатывали новую теорию гиперпространства, в то время как их иностранные коллеги и не подозревали о такой необходимости.

— Мало того, у инженеров возникло подозрение, что двигатель, а на фрегат установлен именно двигатель Лонхайт, не копия, не только гиперпростран-

ственний, но и еще какой-то, в нем имеется немало блоков, назначение которых объяснить не смогли. Да и заставить его функционировать в полной мере не сумели, — продолжил удивлять Михаила Виктор Петрович. — Только систему управления гипердвигателем выстроить вышло. Управление двойное — либо ручное, либо мысленное, поэтому отсюда отправишься в биолабораторию на вживление мозговых имплантов для полного слияния.

— Экипаж подобран? — Глаза Михаила горели предвкушением.

— Практически, — безразлично отозвался директор. — Возьмешь с собой двух своих друзей. Все остальные — штрафники. Импы.

— Импы?! — вытаращил глаза курсант. — Но...

Однако тут же задумался. Не простые ведь штрафники, а те, кто сам посчитал себя в чем-то серьезно провинившимся и подал рапорт о переводе в ДИШП¹. В основном там служили бывшие офицеры. Таких в просторечье почему-то называли импами — причин давно никто не помнил. Они бросались в самое пекло и, бывало, зубами выгрызали победу, не жалея себя.

— Импы... — повторил Михал, сразу заподозрив, кем ему придется командовать. — И «безумцы», не бось, есть?..

— Эскадрилья, — подтвердил Томилин.

— Капитан Суровцев со товарищи... — тяжело вздохнул курсант. — Так?

¹ ДИШП — добровольные имперские штрафные подразделения.

— Они самые, — кивнул директор, сверля его взглядом.

Некрасивая история на станции «Роберт Хайн-лайн», во время которой из-за глупой ошибки других офицеров вынужден был застрелиться контр-адмирал Карл фон Бок, долгое время была у всех на слуху. Виновные из русских дружно подали в отставку и ушли в импы. Остальных, впрочем, тоже отзывали их правительства, даже американцев.

— Плюс бывший полковник Хмелин, подполковник Круглов, майор Штейнберг и капитан Тупило, все четверо хорошо известные личности, — добавил Томилин. — Круглов и Штейнберг, помимо основных специализаций, — отличные операторы сканирующих систем, твоему Когану до них пока далеко. Пусть поучится у профессионалов. С остальными членами экипажа познакомишься в рабочем порядке.

Немного помолчав, он добавил:

— Передаю все данные и допуски на твой коммуникатор. Только не забывай, что практику в КВИБ-1 и экзамен по истории никто не отменял. Старт через две недели, после того, как все сдадите. Материальную комплектацию экспедиции поручишь Даниилу, он справится. Все, свободен.

Михаил вскочил и поспешил покинуть кабинет, пока директор не придумал еще что-то, способное задержать старт. Томилин проводил его понимающим взглядом, едва заметно улыбаясь. Вспоминалась собственная молодость — ему бы кто на предпоследнем курсе предложил такое приключение. Руками и ногами бы ухватился.

За дверью директорской приемной Михаила уже поджидали друзья — Айзат Алиев и Даниил Коган, татарин и еврей.

— Ну, чего от тебя Зубр хотел-то? — подался вперед первый.

— О-о-о... — мечтательно прищурился Михаил. — Практику в Думе нам отменили. Другую дали...

— Нам? — подозрительно уставился на него Айзат. — Интересненько...

— Какую другую?! — загорелись глаза Даниила.

— Ну-у-у... — протянул лидер их тройки, хитро ухмыляясь. — А сами как думаете?

— Я давно перестал пытаться угадывать, что еще придет в извращенные умы наших кураторов, — отмахнулся татарин. — Колись давай.

— Ладно, так и быть, — бросил на друзей предвкушающий взгляд Михаил. — Нам поручена миссия в дальнем космосе! Выделен экспериментальный особо скоростной фрегат!

— Брешешь! — разом выдохнули оба.

— Ловите предписания, черти.

Он протянул вперед руку с браслетом и сбросил друзьям зашифрованные допуски и предписания. Они быстро просмотрели полученное на личных голотерминалах¹ и восторженно выматерились — не сдержали напора чувств. Ведь случилось чудо, никак иначе все это назвать было нельзя. Вместо скучнейшего торчания в Думе и компании в политической грязи — поиск в дальнем космосе!

¹ Голотерминал (в просторечие глаша или глашка) — голограммический терминал. Здесь обозначает терминал, вживленный прямо в роговицу правого или левого глаза.

Михаил и сам пребывал в эйфории, однако в то же время пытался понять, почему столь важное дело, как поиск корабля Лонхайт, поручили курсантам. Да, почти выпускникам лучшего учебного заведения Империи, но все равно курсантам. Что-то тут не складывалось, он подсознательно ощущал подвох, неправильность. А значит, надо будет тщательно проанализировать каждую мелочь, чтобы не влеть по полной.

Юноша давно отметил особое внимание к себе со стороны преподавателей и кураторов, его гоняли в несколько раз интенсивнее, чем остальных курсантов, заставляли изучать порой совершенно идиотские предметы, наподобие этикета на дворцовом приеме в честь прибытия иностранного монарха или тонкого манипулирования группами в крупном коллективе. Особенно тошнило от последнего — откровенные пошлость, подлость и жестокость. Использование для своей выгоды всего — от самых лучших до самых худших человеческих качеств. Михаила однозначно к чему-то готовили, но к чему? Понять этого молодой человек так и не смог. Ясно, что к какой-то особой службе, но кроме этого ничего выяснить он не сумел. А задавать прямые вопросы было глупо, никто не ответит, только посмотрят, как на идиота.

— Айда в кафешку, — предложил Даниил. — Надо же отпраздновать такое дело!

— Ладно, пошли, — согласился Михаил. — А в какую?

— В Питере сегодня бардовский концерт в арт-кафе «Чужое небо» на Лиговке.

— Тогда надо в гражданку переодеться, нельзя там формой светить.

И троица друзей двинулась по коридорам к выходу, обсуждая все на свете, но только не свое задание — молчать о важном их научили еще на первом курсе. Кое-что сказать возле кабинета директора ребята позволили себе только потому, что никого рядом не было, да и каждые пять метров коридоров Академии отделялись глушащими полями. А к тому, что любую информацию кураторы в любой момент способны считать с их глашек или коммуникаторов, курсанты давно привыкли.

Навстречу друзьям попался высокий шатен с холодными синими глазами. Он вежливо кивнул и двинулся дальше. Михаил ответил и проводил однокурсника взглядом. Этот парень, Александр Коломцев, никогда ему не нравился, было в нем что-то скользкое, что-то вызывающее настороженность и даже неприятие. Возможно, он неправ, но довериться Коломцеву стало бы ошибкой, тот вполне способен идти к своей цели по головам. Поэтому Михаил старался держаться от него подальше. Соблюдал вежливость — и не более того. Интересно, куда это Коломцев пошел? Похоже, тоже к Зубру.

Выбросив из головы неприятного ему человека, Михаил с друзьями направился в общежитие — переодеваться. А переодевшись, они отправились на телепортационную площадку, откуда перенеслись в Санкт-Петербург. Никто из курсантов не знал, где на самом деле находилась Академия, ведь

попасть в нее можно было только при помощи телепортации. Зато из нее можно было переместиться в любой город России, даже в Луноград, Марсополь и Титанис, столицы русских секторов на Луне, Марсе и Титане. По слухам, тайная система телепортов связывала вообще все поселения Империи. Естественно, в пределах одной планетной системы — межзвездная телепортация так и осталась загадкой для физиков. Но они надеялись со временем преодолеть и этот барьер.

— Вперед! — радостно провозгласил Даниил, взлохматив свою кучерявую шевелюру. — Сегодня я точно с классной девчонкой познакомлюсь!

— Иди уже, Казанова, — подтолкнул его в плечо Михаил.

И друзья, весело переговариваясь, двинулись по Лиговскому проспекту в направлении к выбранному кафе.

* * *

Сергей Елизарович с трудом сдерживал дрожь, следя за конвоиром к кабинету следователя. Вызов в КВИБ-1, в общем-то, не стал для него неожиданностью, уже который год их группа диссидентов ходила по грани. Интересно, можно назвать это арестом? Вряд ли. Вежливое приглашение на собеседование со следователем губернского управления КВИБ-1, принесенное прямо на кафедру курьером в незнакомой мышастого цвета форме. Когда профессор распечатал конверт, ему показалось, что небо обрушилось ему на голову. Коллеги отпилили беднягу валерьянкой и принялись утешать, хотя по-

глядывали на него с опаской — от внимания квибовцев никто в среде интеллигенции ничего хорошего не ждал.

Как оказалось, преподавателя социологии дожидался на стоянке флаер без иллюминаторов, так что он понятия не имел, куда его привезли. Вышел наружу Сергей Елизарович в небольшом, ничем не примечательном дворике казенного вида. Затем оказался в здании, коридоры которого могли принадлежать любому учреждению в Империи. В конце концов профессора привели в кабинет со стенами, покрытыми деревянными панелями. Кроме стола, двух стульев и стеллажа с бумагами и инфокристаллами¹ в нем ничего не было.

Внезапно одна стена отъехала в сторону, и в кабинете, словно призрак, возник светловолосый, совсем еще молодой человек нарочито простецкого вида. Вот только умные и жесткие льдисто-голубые глаза сразу выдавали, что он неглуп. На квибовце была темно-серая форма с двумя перечеркнутыми косой линией шпалами на погонах — профессор понятия не имел, какое звание они обозначают, никогда таких не видел.

— Добрый день, Сергей Елизарович, — добродушно улыбнулся молодой офицер. — Присаживайтесь. Меня зовут Михаил Иванович.

— Здравствуйте, — резко наклонил голову профессор, опускаясь на стул. Он с трудом сдержался от того, чтобы вытереть испарину со лба. — С какой целью меня вызвали?..

¹ Инфокристаллы — информационные кристаллы.

— Обсудить взгляды и действия вашей так называемой группы «Свобода», естественно, — усмехнулся офицер. — Пока вы варились в собственном соку, вас не трогали, но когда на вас вышли западные кураторы и начали финансировать...

— Нам просто помогают друзья из-за границы! — возмутился Сергей Елизарович.

— Вам дать прочесть послужной список каждого из этих «друзей» в ЦРУ и других службах? — сложил руки на столе Михаил Иванович, затем склонил голову набок, с живым интересом наблюдая за собеседником. — Мне нетрудно.

— Ложь! — отрезал профессор. — Они просточувствуют нашей борьбе за свободу.

На самом деле слова квибовца больно ударили его, он и сам не раз замечал странности в поведении западников и никак не мог понять, чего же им на самом деле нужно. Если они действительно из спецслужб, то многое становится ясным.

— И все-таки, — продолжил офицер, доставая из ящика стола папку и пододвигая ее к собеседнику. — Посмотрите.

Сергей Елизарович нехотя взял папку, открыл и принял бегло просматривать лежащие там документы. Действительно, досье на знакомых ему двух американцев и трех европейцев. Все имели либо прямое, либо косвенное отношение к разведке. И трудно сказать, было ли это фальшивкой. Он сомневался, чтобы ради его крохотной группки стали бы проводить столь масштабную мистификацию, не тот уровень.

— Даже это не столь важно, — укоризненно посмотрел на него Михаил Иванович. — Хуже, что вы

начали понемногу привлекать к своей деятельности молодых, студентов, засоряя им умы чуждыми нам идеями.

— Да почему же чуждыми?! — не выдержал Сергей Елизарович. — Что плохого в свободе?! Что плохого в демократии?! Народ сам должен выбирать себе правительство!

— Вы же историк и социолог... — вздохнул квибовец. — Вам ли не знать, что происходит в России при демократии. Наверх всплывают самые подлые и беспринципные люди, демагоги, способные только разрушать то, что построили до них. Они говорят много красивых слов, но что хорошего в реальности они хоть раз сделали для избравших их людей?

— Многое, — не согласился профессор. — Да, переходной период всегда труден, зато потом все станет хорошо. На западе же эта модель работает!

— Опять за рыбу мясо... — скривился Михаил Иванович. — На западе. Поймите, мы и они — разные цивилизации. К тому же там демократии нет, там плутократия, власть денег. Истинные правители находятся в тени, выдвигая на всеобщее обозрение свои марионетки.

— Опять эта старая идея о сионских мудрецах! — презрительно выплюнул Сергей Елизарович. — И не надоело вам это мусолить?

— Ну почему же сионских, далеко не все из них евреи, — откинулся на спинку стула квибовец, глядя на социолога, как на какое-то любопытное насекомое. — Но они существуют, это непреложный факт, нам даже известны имена многих. Мы не трогаем их, пока они не слишком нам надоедают. Если полезут,

то заплатят за все. Причем лично. И они это знают, потому не особо рисуют лезть в Россию. Жить-то хочется.

Он немного помолчал, а затем спросил:

— Скажите, чего вы и вам подобные добиваетесь? Почему любое достижение вашей родины вам как нож в сердце?

— Мы хотим свободы! — гордо выпрямился профессор. — Мы хотим сами решать, как нам жить! Без вашей указки!

— И какой именно свободы вы хотите? — В глазах Михаила Ивановича появилась усталость. — Свободы умирать от голода и холода? Ведь это основная свобода демократических стран. Там никто вам не поможет, как здесь. Там медицина только платная. Образование и жилье тоже.

— Вы не понимаете... — горько усмехнулся Сергей Елизарович. — Ну почему России обязательно надо переться своим, пусть дурацким, но своим путем? Почему не пойти по магистральной дороге, по которой идет все остальное человечество?! Ведь она единственno верная!

— Она тупиковая, — с жалостью посмотрел на него квибовец. — Вы ведь имеете доступ к западным информационным сетям? Чего там больше всего? Извращенной порнографии. Вы разговоры и обсуждения западных обывателей слышали? Там же пустота. На западе вырастили идеального потребителя, полностью покорного властям. Там забыли о чести, достоинстве, вере и мечте. Там у людей один бог — деньги.

— Зато люди имеют право выбирать, как им жить! — отрезал профессор. — Да, там тоже есть не-

достатки, я не стану идеализировать, но зато там четко понимают, что человек произошел от животного, поэтому дают ему возможность самому решить, каким быть.

— А мы тянем человека к небу... — Михаил Иванович смотрел на собеседника с горечью. — Заставляем его расправить крылья... Вот, значит, что вам претит? То, что в Империи люди стремятся ввысь, к небу, а не к корыту, как свиньи...

— Вы опять не так поняли... — простонал Сергей Елизарович, всплеснув руками. — Это хорошо, что человек стремится ввысь! Но пусть он сам выберет этот путь! Понимаете, сам!

— И как же он выберет, если вокруг все живут за закону джунглей — кто силен, тот и прав? — прищурился квибовец. — А ведь это основной закон западной цивилизации. А вот еще один. Каждый сам за себя.

— Да что плохого в том, что человек заботится о себе?! — вспыхнул профессор.

— Ничего. Но кто-то из древних мудрецов однажды сказал: «Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?» Есть ответ?

— Не понимаю, почему вы считаете, что там все только за себя. Это же не так! Иначе они бы не подняли цивилизацию до таких высот!

— И чем же их цивилизация выше нашей? — насмешливо поинтересовался Михаил Иванович. — Мы во многом достигли куда большего.

— Тем, что у них полная свобода самовыражения! — запальчиво выплюнул Сергей Елизарович. —

Тем, что у них отсутствует цензура! У них есть свобода слова!

— Значит, вы считаете, что любое описанное кем-либо извращение должно быть опубликовано? — прищурился квибовец. — Читал я в западных сетях сладострастное описание изнасилования детей, читал... И это вы считаете правильным?..

— Да! — сжал кулаки социолог. — Да и еще раз да! Каждый имеет право на высказывание своего мнения! Каким бы оно ни было!

— А то, что такая мерзость развращает неокрепшие умы, вы учитываете?

— Значит, у человека будет больше степеней свободы выбора.

Михаил смотрел на этого высокоучченого глупца и понимал, что тот искренен в своих заблуждениях, действительно в них верит. Ну почему русскую интеллигенцию так тянет в сторону запада, во все века враждебного России, какой бы государственный строй в ней ни был? Неужели не понимают, что все эти идеи псевдосвободы гибельны для страны? Неужели не понимают, кого хотят вырастить из молодых западники? Почему-то верят в декларируемые цели, не желая задуматься о том, что стоит за ними. Взять хоть Сергея Елизаровича. Великолепный ученый, умница, а несет такую чушь. И Михаил решил все-таки сделать последнюю попытку хоть в чем-то убедить профессора.

— Хорошо, пусть так, — он снова сцепил руки в замок, глядя в глаза собеседника, в которых горела

вера в свою правоту. — Но что вы скажете на то, что у нас за сто двадцать лет ни разу не было изнасилования ребенка? А у них такое происходит постоянно — вы имеете доступ к их сетям, должны знать.

— Не было из-за страха! — отрезал социолог. — В Империи наказание за педофилию настолько страшное и бесчеловечное, что те, кто и хотел бы рискнуть, боятся. Да, такое — плохо, но вы опять же лишаете людей свободного выбора!

— А о изнасилованных детях, значит, можно забыть, да? — нехорошо прищурился квибовец. — Главное, чтобы у насильников была эта ваша свобода выбора? Так, по-вашему, получается? Вы понимаете, кем сейчас выглядите в глазах любого нормального человека?..

— О господи... — простонал Сергей Елизарович. — Да поймите же вы, что свобода выбора как поступить в той или иной ситуации — главное! Да, педофилия — это страшное, жуткое преступление, за которое следует наказывать. Но человек сам, по добреей воле должен отказаться от такого, а не от страха перед наказанием, как у нас!

— То есть на детей, пострадавших от «свободно выбравших», вам плевать?..

— Да нет же! Я просто говорю, что западная модель намного правильнее! Пусть даже там безвинные страдают чаще, чем в Империи, но она все равно правильнее.

— Мне страшно смотреть на таких, как вы... — глухо произнес Михаил Иванович. — Ради своих измышлений вы готовы обречь других людей на жуткую судьбу. И не понимаете, идеалисты вы

сумасшедшие, что даже если вам удастся занести сюда демократию, как сделали в девяностых годах двадцатого века, то ничего не добьетесь. Вслед за вами придут хищники, дождавшись, пока вы порушили все, до чего дотянетесь. Вам плевать, что в Империи социальная защищенность человека в разы выше, чем на вашем хваленом западе. Вам плевать, что у нас напрочь забыли о таких понятиях, как бандитизм, насилие и почти забыли о воровстве. Вам плевать, что у нас никому не позволяют умереть от голода, холода или отсутствия врачебной помощи. Вам плевать, что у нас для человека открыты все дороги — стоит лишь приложить определенные усилия, и ты добьешься многого.

— Да не измышления, а истина! — буквально взвизгнул Сергей Елизарович. — Да, пусть на западе нет ваших так называемых социальных гарантий, зато там есть свобода, которой вы лишили русский народ! И там все равно живется лучше просто потому, что человек волен делать все, что пожелает!

— Вы так думаете? — сцепил руки в замок под подбородком квибовец. — А вы сами-то там жили? Или только бывали как турист?

— Как турист, — с недоумением посмотрел на него профессор. — Но это ничего не меняет.

— Мда, — укоризненно показал головой Михаил Иванович. — Вижу, мы не договоримся. Поэтому у меня есть к вам предложение. Не желаете ли пожить на столь любезном вашему сердцу западе несколько лет? Чтобы самому все увидеть, понять и на себе ощутить.

— Хотел бы я... — тяжело вздохнул Сергей Елизарович. — Я подавал на эмиграцию, мне отказали...

— Так в чем проблема? — хохотнул квибовец. — Организуем вам быстренько депортацию. Штаты вас охотно примут, как беженца от тоталитаризма. Или Европа. Живите. При этом у вас в течение пяти лет будет право на возвращение, стоит лишь обратиться в наше посольство. Правда, возвращение будет с условием, что вы прекратите лить грязь на свою родину. Как вам?

Профессор ошарашенно уставился на него и захлопал глазами. Такого он точно не ожидал. Многие из их круга мечтали уехать, но не получалось — либо не выпускала Империя, либо не принимала заграница. Особенно непонятно было последнее, ведь они — борцы с тоталитаризмом!

— Да, еще одно, — продолжил Михаил Иванович. — Возвращение возможно только для тех, кто в течение проживания за границей не сочинял небылицы о своей бывшей стране, то есть не сотрудничал с лживыми русскоязычными средствами массовой информации наподобие «Голоса Америки», «Свободной Европы» и тому подобными.

— Я возвращаться не собираюсь! — отмахнулся Сергей Елизарович. — И не смейте называть лживыми тех, кто решился сказать о вас правду!

— А вот академик Коцепольский две недели назад вернулся, — ехидно сообщил квибовец, с насмешкой глядя на социолога. — Землю русскую цлевал и плакал, сойдя с трапа членока, прощения просил...

— Коцепольский? — изумился профессор. — Но почему? У него же имя, он мог бы и там...

— О, вы, наверное, не в курсе, что он отказался лгать, а поэтому все четыре года жизни в Нью-Йорке мыл посуду в дешевой забегаловке, другой работы ученому с мировым именем в Америке не нашлось, — развел руками Михаил Иванович. — Он еще долго терпел, другие сбегают обратно года через два.

— Лжете! — буквально выплюнул Сергей Елизарович, он весь пылал возмущением.

Затем ученый все же обуздал себя и вспомнил, что возвращенцы с запада действительно не желают иметь ничего общего с прежним кругом общения, а когда с ними заговаривают о плюсах демократии, шипят и плюются. Впрочем, а чего ждать от предпочевших свободе рабство в Империи? Он искренне не понимал, с какой стати вернулся хотя бы доцент Семиверстов — не было до отъезда большого ненавистника порядков на родине. А теперь молчит в тряпочку и не поддерживает разговоров о политике, только гневно сверкает глазами, когда кто-то начинает разглагольствовать о благословенном западе, и тут же уходит. Почему? На расспросы доцент не отвечал, только криво усмехался и предлагал самим откусывать западного гостеприимства. Сергей Елизарович его искренне не понимал.

— Так что, согласны? — поинтересовался Михаил Иванович.

— Да! — решительно заявил ученый.

— Хорошо. Тогда подпишите эти бумаги.

Квибовец положил перед профессором несколько заполненных убористым текстом листов. Сергей Елизарович внимательно прочел их. Временный от-

каз от гражданства, отказ от претензий и согласие на депортацию. А также заявления в посольства США и Евросоюза с просьбой признать его беженцем от тоталитаризма. Немного подумав, Сергей Елизарович решительно подписал все — его в Империи ничего не держало, дети выросли и жили своей жизнью, отказываясь признавать идеалы отца, а жена два года назад умерла. Шанс наконец-то оказаться в свободном мире профессор упускать не собирался.

Проводив Сергея Елизаровича, Михаил не сдержался и выматерился. Его до онемения поражали такие люди. Никогда не жили на этом чертовом западе, но априори считают, что там лучше, чем на родине. Что ж, тот, кто придумал «лечение», был гением. Пусть едут, пусть сами смотрят — ну не нужны миру денег русские гуманитарии! Им там тяжело приходится. Потому-то большинство и возвращается, уже имея прививку от «западных ценностей». Скорее всего, года через три вернется и этот упрямый дурак.

К счастью, практика следователем в КВИБ закончена. Теперь осталось только сдать экзамен по истории, и можно заниматься подготовкой к экспедиции. Михаил радостно улыбнулся, подошел к стене, нажал на незаметный узор и телепортировался в Академию.

Глава 4

За полукруглым столом сидело четыре человека — двое в форме, двое в гражданском платье. За их спинами была голограммическая доска, возле которой

висела лазерная указка. Перед столом располагались две одинарные парты, одна из которых была занята светловолосым парнем в серой форме, что-то сосредоточенно пишущем на листе пластибумаги. Вторая была пуста.

Михаил еще раз просмотрел написанное — как будто ничего не упустил. Он осторожно покосился на стол экзаменаторов. Надо же, как не повезло, сам академик Шпагин экзамен принимает, а со стороны Академии — полковник Хвостенко. Эти двое славились тем, что безжалостно валили курсантов. Малейшая ошибка — и пересдача. Второй раз не сдал — отчисление.

— Курсант Шмелев, девятый курс, к сдаче экзамена по новой истории готов! — встал и четко доложил Михаил.

— Очень хорошо, молодой человек, очень хорошо, — потер сухонькие ладошки академик. — Приступим. Итак, письменный билет у вас... э-э-э... а, вот, восемнадцатый. То есть становление Империи. Прошу поведать ваши мысли на эту тему без точных дат и конкретных имен, но со своими выводами.

Судя по словам старика, комиссию интересовали отнюдь не точные знания курсанта, а нечто иное. Скорее всего, его интерпретация событий. В чем-то это было проще, в чем-то сложнее — ведь невозможно понять, какими критериями руководствуются экзаменаторы. И почему экзамены в Академии всегда с подвохом, с подковыркой? Ни разу не было, как в обычных учебных заведениях, всегда преподаватели выдумывали что-то эдакое. Всегда заставляли напрягать все свои способности. И это несколько

раздражало, хотя умом Михаил и понимал, что они правы.

— Первые кирпичи в основание будущей Империи были заложены с двухтысячного по две тысячи двадцатый годы, — обдумав предстоящий ответ, начал он. — Эти два десятилетия оказались очень нелегкими для Российской Федерации, но главные задачи все же были решены. Во-первых, власть не попала снова в руки прозападных сил, стремившихся расчленить Россию на десятки мелких государств. Во-вторых, удалось удержать запад от прямой интервенции, к чему шло. В это время создавались за-секреченные научно-исследовательские институты, вкладывались средства в наукоемкие проекты, строились пока еще немногочисленные новые предприятия тяжелой промышленности. Народу жилось очень нелегко, но зато постепенно ликвидировались последствия разрухи девяностых годов двадцатого столетия.

— Осветите теперь период с две тысячи двадцатого года до провозглашения Империи, — попросил академик Шпагин. — А главное — предпосылки данного события.

— Это был очень неоднозначный период в истории нашей страны, — по некоторому размышлению произнес Михаил. — С одной стороны, Россия становилась сильнее, а с другой — было окончательно «проедено» советское наследство, пришло в полную негодность ЖКХ. На восстановление и создание требовались средства, которых катастрофически не хватало. К счастью, государственное устройство в эти десятилетия только называлось демократией,

на самом деле не имея к ней никакого отношения. Это была умно выстроенная криптократия, когда никто посторонний во властные структуры не допускался. И правители страны сумели справиться с проблемами, хотя стоило это России очень дорого — пришлось даже жестко подавлять несколько спровоцированных западными разведками бунтов. Постепенно в стране создавались все новые производства, и к две тысячи двадцать пятому году мы были уже способны выжить вообще без импорта — все необходимое для жизни производили отечественные предприятия. После этого были установлены таможенные барьеры для их поддержки, и наши товары стали стоить на внутреннем рынке в два-три раза дешевле импортных, при этом имея качество намного лучше — примерно через десятилетие как раз и была принята знаменитая концепция надежной экономии, до сих пор работающая в Империи.

— Раскройте суть данной концепции.

— Это отказ от постоянного производства все новых и новых моделей бытовой техники и других товаров долгосрочного пользования. Новинки теперь появляются в продаже только после внедрения действительно кардинальных изменений. Нет смысла менять каждые несколько лет хотя бы холодильник, если старый прекрасно работает и проработает еще двадцать-тридцать лет. Но при том эти же холодильники производятся с десятикратным запасом надежности. После появления на рынке товаров, произведенных по этой концепции, западные фирмы буквально взвыли — это лишило их прибылей, ведь

западные потребители ринулись покупать русские бытовые приборы, способные работать десятилетиями. Буквально через два месяца всеми капиталистическими странами мира был принят запрет о ввозе на их территорию сверхнадежной техники нашего производства. Но правительство России и не стремилось экспорттировать ее, производя в основном для внутреннего потребления. И, невзирая ни на какое давление со стороны, Россия так и не отказалась от данной концепции, поэтому любая наша техника обычно во много раз надежнее заграничной. Тем более что мы обгоняем запад в развитии во многих отраслях.

— Теперь осветите политику правительства в отношении малого бизнеса начиная с две тысячи тридцатого года, — академик одобрительно кивал, но понять, что именно ему понравилось в ответе курсанта, было невозможно.

— В начале указанного года была принята программа долгосрочного государственного кредитования малых и средних предприятий, — Михаил мысленно крыл себя последними словами за то, что при подготовке обратил на эту тему мало внимания. Не думал, что спросят, а спросили! — Самым главным в этой программе я считаю то, что она была направлена на поднятие производства нестандартных товаров народного потребления и улучшения сферы услуг. Например, получить кредит на открытие цветочного магазина или ресторана было невозможно, зато если кто-то придумывал новый прибор или новую услугу, то все наоборот. Возьмем хотя бы корпорацию «Гологратор», мы все пользуемся ее продук-

цией, а ведь начиналась она в те времена с крохотной мастерской, в которой и выпускались буквально на коленке первые еще неуклюжие голограммические проекторы и экраны по оригинальной технологии. Как оказалось, у русских богатая фантазия, наши предки выдумали множество такого, что никому из западников и в голову не приходило. Причем к началу сороковых годов двадцать первого века никого в нашей стране уже не интересовал зарубежный рынок, поэтому правительство в конце концов отказалось от западных стандартов, частично выработав новые, частично вернув советские. Это вызвало очередное нарастание напряженности между Россией и западным миром, торговля между ними практически сошла на нет.

Экзаменаторы сразу уловили неуверенность курсанта и принялись гонять его по этой теме. Михаил с немалым трудом смог ответить на все вопросы, но сам понимал, что ответы неполны.

— Хорошо, — академик Шпагин прервал собиравшегося задать еще один вопрос полковника Хвостенко. — Теперь расскажите мне, как обстояли дела с культурой в России первой половины двадцать первого века.

— В первое и частично второе десятилетие был в стране правила так называемая попса, иначе говоря — популярная, массовая культура, — с облегчением затараторил курсант, этот вопрос он знал досконально, поскольку увлекался музыкой указанного времени. — Она не несла в себе ничего, кроме пустоты, звала людей к корыту, а не к небу, превращала их в животных. Это относится и к музыке, и к лите-

ратуре, и даже к театру и кино. Но при этом существовала иная, альтернативная, истинная культура. Беда в том, что группы и исполнителей, поющих наполненные глубоким смыслом песни, слушали очень немногие. Да и книги, заставляющие задуматься, выходили мизерными тиражами в несколько тысяч экземпляров. Ситуацию спасало только наличие Интернета, где любой желающий мог ознакомиться с шедеврами альтернативной культуры. Прозападные силы стремились лишить людей даже этой отдушины и под видом борьбы за защиту авторских прав с каждым годом все сильнее перекрывали кислород, добиваясь запрета то одного, то другого сайта. Ситуация начала меняться только к концу десятых годов, а окончательно изменилась в двадцатых, когда за дело взялся комитет по культуре, официально не существующий, но на деле имевший огромные полномочия. Его создали из по-настоящему творческих людей. Как смогли добиться, чтобы в него не проникли приспособленцы, осталось неизвестным. Возможно, эта структура изначально возникла самостоятельно, а только потом была поддержана правительством. Но начало происходить нечто странное, — Михаил увлекся и стал жестикуировать. — На пути у бездарей, толкающих людей вниз, в пропасть, начали возникать препоны, зато там открывались все дороги. Группы, не имевшие раньше возможности записать концерт, внезапно получали контракты от лучших студий. Книги, зовущие распахнуть крылья и взлететь, неожиданно публиковались большими тиражами. Один за другим снимались фильмы и сериалы, трогающие душу,

и отнюдь не о жизни бандитских группировок или офисных хомячков, как раньше. Все это происходило медленно, постепенно, исподволь. Но через двадцать пять лет ситуация в русской культуре выглядела совершенно иначе. Западная псевдокультура, за исключением редких по-настоящему талантливых произведений, практически перестала пользоваться спросом у нас на родине. Появилось огромное число патриотических песен, книг и фильмов. При этом еще и зовущих человека вверх, говорящих, что он человек, а не животное, жаждущее только удовлетворять свои скотские желания. И...

— По этому вопросу достаточно, молодой человек, — прервал отвечающего академик. — Осветите отношения между Россией и западом в указанный период.

— Отношения? — криво усмехнулся Михаил. — Это если можно назвать их так. Элитам западных стран, особенно США, очень не нравилось, что еще в нулевых годах двадцать первого века Россия начала уходить из-под их власти, постепенно отказываясь от навязанных ей чуждых парадигм демократии, либерализма, толерантности и прочей чуши. В десятых годах эта тенденция усилилась, достигнув своего апогея в конце двадцатых. Со стороны США и сателлитов следовали провокация за провокацией, в нескольких бывших республиках СССР произошли так называемые цветные революции, спровоцированные, по всей видимости, американской разведкой. К счастью, как я уже говорил, русскому правительству путем хитрого лавирования и немалых уступок удалось не допустить войны до пол-

ного перевооружения армии. НАТО напало только в две тысячи двадцать пятом году. Они не ждали того, что их встретило — по всем границам России возникло защитное поле, протянувшееся на высоту двадцати километров. А из замаскированных бункеров ударили гравитационные орудия, превращающие их авиацию в мелкие обломки. Тайно вкладываемые в научные разработки немалые средства дали результат, и мы опередили весь мир в технологиях, причем сумели скрыть это от противника. Поэтому война закончилась буквально за неделю. Натовские войска понесли гигантские потери в технике и живой силе. Мы же потеряли взвод солдат и две подводные лодки. Правда, самую большую роль в том, что натовцы запросили мира, сыграла орбитальная станция «Перун». Ее составные части около десяти лет выводились на орбиту под видом спутников разных назначений, а с началом военных действий соединились в одно целое. Станция атаковала лучевым и гравитационным оружием мало-населенные районы США, чем сильно напугала их правительство. На вопли демократической прессы о кровожадных русских мы не обратили ни малейшего внимания, выставив западному миру ультиматум, суть которого сводилась к одному: вы не трогаете нас, мы не трогаем вас. Им пришлось принять этот ультиматум, но, естественно, «хозяева мира» затаили злобу и принялись лихорадочно изобретать и производить новое оружие. Вторая война началась после объявления о восстановлении Российской империи в две тысячи пятьдесят восьмом году. И она далась нам куда тяжелее...

— Благодарю, — кивнул Шпагин. — А теперь переходите к главному — созданию Империи такой, как мы ее знаем. Но коротко.

— Не знаю, как можно рассказать об этом коротко, — вздохнул курсант. — Слишком объемная тема. Но попытаюсь. Похоже, идея восстановления Империи начала циркулировать в верхах Росси еще в начале нулевых годов двадцать первого столетия. Иначе ничем не объяснишь появление таких книг, как «Проект Россия» и ей подобные. Помимо того сотнями писались и публиковались фантастические произведения проимперского толка. Понятно, что без вмешательства сверху, пусть даже непрямого, такое было бы невозможно. В двадцатых годах профессор То...

— Я сказал — без имен! — поднял ладонь Шпагин.

— Простите... — спохватился Михаил. — В двадцатых годах образовалось несколько военно-патриотических объединений, в которых, как ни странно, нашли общий язык коммунисты и монархисты. Затем эти объединения слились в одно, внутри которого со временем и родилась концепция социалистической монархии. После выкладки основных ее положений в Интернет началась буквально вакханалия. Кто только ни изгалялся над авторами концепции. Кричали, что от объединения ежа и ужа ничего хорошего не будет, но авторы продолжали гнуть свою линию, не обращая внимания на оскорблений. Так продолжалось несколько лет, а затем сайт объединения внезапно закрылся. А само оно прекратило свое существования, причем все его активные члены уволились с прежней работы и куда-то уехали, ни

один не остался на прежнем месте жительства. Судя по некоторым косвенным данным, они вошли в число разработчиков государственного устройства будущей Империи.

Экзаменаторы переглянулись, а затем академик Шпагин три раза хлопнул в ладоши.

— Но откуда такие данные, молодой человек? — поинтересовался его ассистент, профессор Немаев. — Их нет в учебниках...

— Это мои собственные изыскания, — слегка покраснел курсант. — Я интересовался данным вопросом и несколько месяцев просидел в архивах КВИБ-1 и КВИБ-2, там остались кое-какие данные. К сожалению, достоверных доказательств не сохранилось, пришлось делать выводы по косвенным. И... Я прав?

— Поздравляю, — улыбнулся полковник Хвостенко. — Полностью правы. Не думал, что можно раскопать это, не думал. Прекрасный анализ!

— Присоединяюсь к коллеге, — кивнул академик. — И тоже поздравляю. Но продолжайте.

— Опять же судя по косвенным данным, именно в конце двадцатых годов в верхах — имеются в виду люди, относящиеся к тайным структурам власти в стране — было принято решение о восстановлении Империи, но с учетом всех прежних ошибок и недостатков. Россия жила, развивалась, а созданная на основе вышеуказанного объединения структура постепенно подбирала себе лучших историков, социологов, политологов и экономистов. Каждое положение будущего устройства Империи шлифовалось годами, проверялось в различных корпорациях

и иных крупных коллективах. Как известно на данный момент, к середине сороковых годов к разработке подключился Московский институт социологии, которому и были переданы все лавры — реально создававшая все структура предпочла остаться в тени. Насколько мне кажется, она функционирует и по сей день, являясь предохранительным механизмом Империи, способным навести в стране порядок, даже если император окажется неспособным на это.

Экзаменаторы переглянулись. Академик опустил веки, по губам полковника скользнула незаметная усмешка, он на мгновение склонил голову. Их ассистенты недоверчиво покосились на начальство, но промолчали. Михаил заметил этот безмолвный разговор, но ничего в нем не понял.

— А дальше? — склонил голову набок Шпагин.

— Не знаю, стоит ли освещать всем известное, — пристально посмотрел на него молодой человек. — Разве что крайне коротко. При помощи книг, фильмов, газетных статей и социальных сетей идея великой Империи все прочнее обосновывалась в общественном бессознательном русского народа. Демократы и либералы к началу пятидесятых годов составляли едва ли треть процента от общего числа населения. У остальных понятия «демократия», «либерализм» и «толерантность» вызывали в лучшем случае гадливость. Поэтому, когда уже созданные к тому времени имперские структуры вышли из подполья и объявили о скорой коронации императора, по стране прокатился вал восторга. За рубежом это событие вызвало ужас и ненависть, потоки грязи в прессе, призывы остановить кошмар любой ценой.

Россия не обратила внимания на реакцию «мирового сообщества», она готовилась к коронации. И восемнадцатого июля две тысячи пятьдесят шестого года император Александр Четвертый взошел на престол.

— Очень хорошо, молодой человек, — одобриительно кивнул академик. — Сообщите теперь мне основные положения государственного устройства Империи.

— Россия — монархическое государство, в котором монарх является скорее кризисным управляющим и координатором глобальных проектов, чем реальным правителем, — помолчав около минуты, заговорил Михаил. — Монархия не наследственная, но по каким критериям отбирается наследник престола и кто его отбирает — остается загадкой по сей день. После коронации все, до нее знавшие будущего императора, дают подпиську о неразглашении его фамилии, у него остается только имя и порядковый номер, например Александр IV или Павел III. Предпоследний император носил имя Афанасий I. Место жительства его величества скрывается, поскольку западные разведки не раз устраивали покушения на императоров, и часто удачные. Императором может быть и мужчина, и женщина, хотя императрицы за всю историю всходили на престол всего дважды — это Софья II и Ирина I. Дворянство в Империи также не наследственное — только личное, даваемое за заслуги. И оно не дает привилегий, оно добавляет обязанностей — дворянин отвечает перед законом куда строже, чем не дворянин. То, что позволено последнему, не позволено первому. Безопасность

государства обеспечивают комитеты внутренней и внешней безопасности, иначе говоря, КВИБ-1 и КВИБ-2. Существует, правда, еще флотская разведка и ГРУ, но они заняты несколько специфическими вопросами, касающимися крэнхи.

— Достаточно, — поднял ладонь Шпагин. — Теперь осветите события в первые годы после коронации первого императора.

— Как я уже говорил, коронация вызвала на западе ужас и ненависть, там, захлебываясь от злобы, орали о предательстве идеалов демократии, и прочее в том же духе. Быстро стало ясно, что дело идет к войне. К сожалению, западники сумели натравить на Империю буквально весь мир. Этую войну называют трехлетней, поскольку длилась она с середины две тысячи пятьдесят восьмого года по конец две тысячи шестьдесят первого. Ценой величайшего напряжения сил и огромных потерь мы победили. Самым трудным оказалось справиться с Китаем и Японией, их войска сумели преодолеть пограничные защитные поля и захватить около пятисот километров нашей территории, прежде чем были уничтожены. На захваченной территории они устроили самый настоящий геноцид русского населения, за что потом и расстались с собственной государственностью. Китай, Япония, Афганистан, Иран и Пакистан вошли в состав Российской империи сначала на правах вассалитета, а через сто с небольшим лет, благодаря политике активной ассимиляции, общим референдумом попросились в основной состав. Нелегко было навести там порядок, но наши предки справились,

и сейчас это обычные имперские провинции, где почти забыты местные языки — в обиход все больше входит русский. То же самое относится к странам Восточной Европы, Прибалтики и Финляндии. Восточная часть Германии, Турция и Греция также вошли в состав России, не говоря уже о бывших республиках СССР. Император Александр IV заявил, что раз Русь вынудили туда прийти, то она останется там навечно. На все претензии он отвечал: «Нечего было нападать. Мы вас не трогали, мы жили своей жизнью, но вас это почему-то не устраивало. Так что вы сами виноваты», — Михаил на мгновение помрачнел. — Наши потери в той страшной войне составили больше сорока миллионов человек...

— Неплохо. А теперь...

Экзамен длился больше четырнадцати часов, курсанта гоняли по всем темам, причем всегда требовали не только исторические факты, а прежде всего его личную интерпретацию событий и догадки об их подоплеках. Когда молодой человек в восемь вечера пошатываясь вышел из аудитории мокрый, как мышь, он просто прислонился к ближайшей стенке и медленно сполз по ней на пол, тупо глядя перед собой. Далеко не сразу Михаил смог встать, чтобы добраться до телепорта и перенестись в общежитие.

* * *

По одной из аллей Апраксина двора шли нагруженные гитарами и другими инструментами трое молодых ребят. Один светловолосый и два темноволосых, один из последних имел восточную наруж-

ность, а второй ярко выраженную еврейскую. Они о чем-то негромко переговаривались, бурно жестикулируя.

— Мишань, это не корабль, это чудо какое-то! — захлебывался от восторга Айзат. — Он же...

— Сферу полевой защиты выставил? — прервал его Данька. — А то говоришь о таких вещах, еще подслушает кто...

Он встревоженно огляделся по сторонам.

— Выставил, конечно! — обиделся татарин. — Ты за кого меня принимаешь? За идиота?!

— Тихо вы! — осадил друзей Михаил.

Со дня экзамена прошло трое суток. Первый день курсант просто отсыпался, благо разрешили. Зато на следующий Старый Зубр передал друзьям координаты телепортации на секретный космодром под Томском, где их дожидался фрегат, который после бурного обсуждения решили назвать «Тень». Стремительные обводы совсем небольшого, всего метров сто в длину матово-черного корабля сразу восхитили ребят. Даже семь выпукостей истребителей и катера в специальных гнездах на корпусе не портили его. А уж когда друзья начали знакомиться со спецификациями экспериментального фрегата, они вообще онемели от изумления.

Мало погружения на шестой уровень гипера, так еще и система невидимости, способная скрыть «Тень» от самых современных и мощных сканеров. Из оружия инженеры поставили два обычных для кораблей такого класса мезонных орудия и шесть гиперторпед, однако дополнили все это новинкой — распространяющимся через третий уро-

вень гиперпространства гравитационным лучом. Против него пока еще никто не придумал защиты просто потому, что никто не знал о существовании подобного. Истребители с катером тоже оказались необычными — у них имелись свои слабые гипердвигатели! Как их смогли втиснуть в крохотные пятиметровые космолеты? Михаил был просто ошарашен. А что можно сказать об искине последнего поколения с вычислительной мощностью равной городскому компьютерному центру как минимум? Правда, этот искин отличался вредным характером, но они все такие, с ними не сразу удавалось найти общий язык, ведь с искином можно только подружиться, убедить, его не заставишь делать то, что он не считает нужным — потому искинов и использовали только русские, они не боялись бунта машин, в отличие от американцев и европейцев, поскольку в Империи искины имели те же права, что и люди, они подписывали контракт на службу. Для представителей «свободного мира» это почему-то казалось чем-то непредставимым.

Сканирующие системы «Тени» тоже были новинкой, созданной по совершенно иной технологии, чем все прежние. Они через имплант подключались прямо к мозгу оператора, расширяя его мыслительные и аналитические способности. При этом охватывали сферу в половину светового года и позволяли сканировать прямо из гиперпространства во всех диапазонах большинства известных типов излучения.

О чём речь, даже камбуз на фрегате представлял собой чудо новых технологий — вместо привычных холодильников использовалось не так давно

изобретенное стазисное поле, способное сохранять еду свежей и даже горячей столетиями — была бы энергия. Все оборудование корабля создавалось на ходу — на деле оно представляло собой колонии на-нороботов.

Но самым главным и, наверное, самым важным было полное включение капитана, операторов, пилотов и канониров в общую ментальную сеть через искина. Естественно, при помощи специализированных мозговых имплантов. Иначе говоря, они все вместе с кораблем становились единым целым в случае необходимости. Но это было опасно, человеческий мозг быстро истощался в таком режиме, поэтому экипаж получил приказ использовать режим слияния только в самом крайнем случае.

Весь следующий день друзья знакомились с возможностями и особенностями систем «Тени». И никак не могли поверить, что это чудо отдали даже не офицерам, а им, обычным курсантам, еще не окончившим Академию. И это вызывало у всех троих подозрения — что-то здесь явно не так, была случившаяся некая тайная причина. Вот только как понять, какова она? Михаил решил отложить этот вопрос, пока не получит какой-либо новой информации.

Остальной экипаж все еще не прибыл — импы на данный момент сражались в системе Альфы Лебедя, и быстро добраться до Земли просто не могли. Это «Тень» способна на форсаже преодолеть такое расстояние за полтора дня, погрузившись на шестой уровень, другие корабли нет, самым скоростным нужно как минимум трое суток. Но, согласно утверждению командования, пилоты появятся через

день, остальные попозже. Что ж, до старта еще около двух недель, успеют сработать.

Свободный вечер удалось выбить с величайшим трудом, но пропускать запланированный еще два месяца назад концерт своей группы Михаил просто не мог — это означало бы подвести людей, понадеявшихся на него. Ведь именно он являлся лидером и основным вокалистом «Темного пламени», да и создателем тоже. Увлечение музыкой двадцатого и двадцать первого веков дало о себе знать. Поначалу Михаил исполнял только бардовские песни неформалов на гитаре, а затем на каком-то почти дохлом архивном сервере обнаружил записи русских пауэр-металл-групп и пришел в дикий восторг. Там нашлось столько потрясающих вещей, зовущих к небу, заставляющих распахнуть крылья и взлететь, что осталось только развести руками. И никому это потрясающее культурное наследие не было нужно! Вот тогда, еще на третьем курсе, Михаил и решил создать свою группу, чтобы вернуть людям то, что они забыли. Как ни удивительно, но «Темное пламя» быстро стала довольно популярной в Питере. А позже появились подражатели, тоже начавшие исполнять песни в забытых ныне стилях.

— Эй, выходи из нирваны! — хлопнул Михаила по плечу Айзат.

— Да, что-то ты задумался, — поддержал друга Даниил. — Уже пришли.

Действительно, они стояли у входа в арт-кафе «Муромец», где имелся довольно большой зал с неплохой акустикой, подходящий для исполнения тяжелого рока и металла. Перед дверьми уже

кучковался народ, и довольно немало — человек пятьдесят. В основном питерские студенты и курсанты. Среди них нашлось немало знакомых, и следующие несколько минут друзья пожимали им руки, хлопали по плечам и вообще всячески приветствовали.

Однако пришло время готовиться к концерту, и Михаил поспешил внутрь. Остальные музыканты «Темного пламени» были уже на месте и подключали аппаратуру — играли они по ста-ринке, без современных наворотов, наподобие симп-модуляторов, напрямую вмешивающихся в психику слушателей. Разве что использовали помимо гитар и ударных два а-синтезатора, представляющих собой покрытые узорами золотистые шары, висящие в воздухе, — их создали опять же по технологиям Лонхайт еще лет сто назад, и с тех пор все земные музыканты пользовались ими, поскольку эти инструменты способны были заменить любой другой, даже скрипку. Правда, научиться играть на них мог далеко не каждый, уж очень это сложно, нужно было чувствовать, какой узор в какой момент выдаст нужную ноту. Но те, у кого хватало терпения, таланта и трудолюбия, своего со временем добивались.

Публика постепенно собиралась, и вскоре люди забили практически весь зал. Михаил даже удивился — не ждал, что столько народа придет. Пожалуй, почти тысяча человек. Надо же!

— Миш, так на следующем концерте ты точно не сможешь выступить? — спросил второй солист, Сергей Сольвин.

— Я вообще с Земли улетаю и не знаю, когда вернусь, — развел руками курсант. — Так что тебе все карты в руки. Нашел кого-нибудь голосистого?

— Нашел. Потрясно парень поет. Жаль, сегодня он прийти не смог, чтобы ты его прослушал. Еще есть пара ребят для бэк-вокала и второй басист.

— Сам решай. Понимаешь, я вообще не уверен, что смогу дальше заниматься группой... Мне остался год учебы, а после нее меня направят, скорее всего, в дальний космос. Так что сам понимаешь...

— Жаль... — искренне огорчился Сольвин. — Но справимся.

Действительно, группа жила уже своей, независимой от создателя жизнью. Чаще всего ребята выступали без Михаила — он далеко не всегда мог вырваться. Они знали, что их солист учится в каком-то хитром училище и понимали, что музыка для него в основном хобби.

Тем временем аппаратура была подключена и настроена. Отрешившись от всего, Михаил выступил вперед и подошел к микрофону, странно улыбаясь, он уже был не здесь, его душа раскрывалась, стремясь к небу.

— Здравствуйте, — негромко произнес певец. — Сегодня с вами группа «Темное пламя»! Мы снова пришли напомнить о музыкантах, которых давно нет в этом мире! Но их музыка останется в веках!

Немного помолчав, он добавил:

— Сегодня мы вспомним наследие групп «Louna», «Гран-Куражъ», «Когсика» и «Черный кузнец» начала двадцать первого века! Итак, первая песня называется «Штурмую небеса» и принадлежит группе «Louna»!

Услышав легкий ритм палочки барабанщика, Михаил коснулся пальцами струн, запрокинул голову и запел:

Тем, кто принял этот бой.
Чья жизнь была игрой без правил.
Тем, кто в небо взял разгон,
Судьбу свою на кон поставил.

Этот трек посвящается им —
 кто оставил на память другим
Свой полет через тернии к звездам.
Этот текст посвящается всем тем,
 кто понял в свои 27,
Возвращаться уже слишком поздно...

Зал взревел, вверх взметнулись сотни рук с растопыренными указательным пальцем и мизинцем — распространенный в прежние времена знак поклонников тяжелого металла. Именно Михаил снова ввел его в оборот, а молодежь радостно подхватила.

К сожалению, информации по группе не сохранилось, только их песни, да и из них курсант выбрал всего одну, в отличие от того же «Гран-Кураж». Остальные не вызвали тех чувств, как «Штурмая небеса». Именно с этой песни Михаил почти всегда начинал концерт.

Стены зала исчезли, сменившись бушующими в открытом космосе световыми волнами — техники включили иллюзоры. Музыканты оказались стоящими на плывущих в пространстве обломках асте-

роидов. Потоки разноцветного тумана заполонили все вокруг.

— А теперь «Ангел-хранитель», группа «Гран-Куражъ»! — объявил Михаил.

Пальцы левой взяли первые аккорды, медиатор в правой пробежался по струнам. А затем он запел, отдаваясь пению всей душой, держа столб — не зря в свое время обучался вокалу в консерватории. Зал неистовствовал.

Стань ветром, крылья любят небо!
Стань словом — рифмой для поэтов!
Стань светом, будь для нас звездою!
Дай силу, что зовём мы любовью!

Спев несколько песен «Гран-Куража», Михаил перешел к «Корсике», а после нее — к «Черному кузнецу». Он не видел ничего вокруг, существовали только музыка, звезды и небо. Они со вторым солистом играли голосами, заставляя зал смеяться и плакать. Музыканты тоже выкладывались по полной.

Три часа концерта прошли незаметно, и публика еще долго не отпускала музыкантов, требуя выступления на «бис». И Михаил играл, не зная, когда ему в следующий раз выпадет такое счастье — а сейчас он был счастлив и честно признавал это.

К сожалению, его ждала совсем иная судьба, чем быть музыкантом, и молодой человек четко осознавал это. Что ж, пусть будет, что будет. А он постарается с честью выдержать все испытания.

Глава 5

— Внимание, капитан на борту! — вскочил бывший полковник Хмелин, нынче старшина импов, прикомандированных к фрегату «Тень». — Смирно!

Михаил, впервые в жизни надевший знаки различия капитана военного корабля, на мгновение застыл в проеме люка кают-компании и обвел взглядом вытянувшихся по стойке «смирно» членов экипажа. Ознакомившись с их личными делами, курсант долго не мог прийти в себя — ему выделили лучших из лучших, мастеров своего дела. Одна пятерка безумцев Суровцева чего стоила! Вот только почему, кроме друзей, все остальные в экипаже импы? Неужто задание настолько опасное, что возвращение не предполагается?.. Ведь добровольные штрафники на другие не вызывались, стремясь искупить свою вину кровью. Причем степень вины и ответственности определяли сами.

Итак, он с ребятами и девять импов — итого двенадцать человек экипажа, не слишком много для фрегата, но в общем-то вполне достаточно, особенно для разведывательной миссии. Михаил по очереди оглядел каждого. Ну, безумцы — это понятно, странно только, что они не только истребители, но и пилоты самого фрегата, что чревато такими маневрами, от которых и зубы повыпадать могут. Илья Суровцев, Федор Хряченко, Сулейман Шайганов, Никодим Чайка и Вахтанг Сванидзе. Все пятеро хорошо известны на флоте и своими невозможными победами, и дичайшими эскападами, от которых коман-

дование волком выло. Единственные из землян, кто кроме наград своей родины имели еще и ритуальные костяные Жезлы Чести крэнхи — однажды эти жезлы обнаружили в оставленном противником строении с письменными пояснениями, кому и за что они должны быть вручены. В общем, ничего удивительного — «коты» издавна жили по своему кодексу чести, для них наградить поразивших воображение храбростью бойцов врага дело обычное, в прошлом, во время войн кланов до встречи с людьми крэнхи часто так поступали. Но из землян эта пятерка оказалась первой. Специальным приказом командования награжденным позволили носить награды с парадной формой. Правда, это было до перехода в импы — последние никаких наград принципиально не носили, считая себя до искупления вины недостойными.

Остальные четверо штрафников тоже стоили пристального внимания. Полковник Вячеслав Семенович Хмелин уже несколько лет считался в штабе одним из пяти лучших стратегов и тактиков Объединенного Флота, и, если бы не инцидент с фон Боком, вскоре стал бы как минимум контр-адмиралом. Военный врач Виктор Иванович Круглов являлся великолепным хирургом, не раз проводил сложнейшие операции в полевых условиях, множество людей было обязано ему жизнью. Борт-инженер Тупило Харитон Марьянович оказался среди импов только потому, что тоже был среди объявивших бойкот покойному фон Боку. Мастера лучше него, способного по винтику перебрать любой корабль и обнаружить неисправность,

найти было бы трудно. Правда, ворчлив был до безумия, но с этим его недостатком все смирились. А когда в добровольные штрафники ушел генерал-лейтенант Роберт Исаакович Штейнберг, посчитавший себя виновным во взрыве экспериментального орудия и гибели расчета, взвыли не своим голосом две самые крупные оружейные компании Империи, в которых он до службы на флоте работал ведущим специалистом. Но поделать ничего не смогли — таков был выбор самого оружейника.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался Михаил.

Как ни странно, но еще с двадцатого века, еще с советских времен, невзирая на восстановление Империи, в армии осталось принятый обращение «товарищ», а не «господин». Не считая, конечно, Объединенный Флот и Космодесант, но там использовался не русский язык, а интерлингва.

— Здравия желаем, товарищ капитан! — хором отозвался экипаж.

— Итак, через час мы стартуем. Вернемся только по исполнению задания или после того, как израсходуем все запасы топлива.

— Разрешите обратиться, — выступил вперед Хмелин.

— Обращайтесь, — пристально посмотрел на него Михаил.

— Имеем ли мы право знать о сути задания?

— Да, имеете, поэтому я и попросил экипаж собраться перед стартом в кают-компании. Все подписали подпиську о неразглашении?

- Так точно!
- Хорошо, — кивнул капитан. — Прошу садиться.

Он прошелся туда-сюда, затем коротко поведал о случившемся на планете Н237. После этого немногого помолчал и добавил:

- Ваша подпись позволяет знать также и то, что мы втроем — курсанты последнего курса Военно-политической академии. Да-да, той самой, она все же существует, не удивляйтесь.

Импы переглядывались, это изумило их куда больше исчезновения группы лейтенанта Карпина и появления корабля Лонхайт. Слишком много слухов ходило о ВПА, причем настолько диких, что ни один здравомыслящий человек им не верил.

- Значит, нам нужно искать то, не знаю что... — слегка скривился Хмелин. — И не знаю где.

— Именно так, — усмехнулся Михаил, устраиваясь на одном из диванов, стоящих у стен. — Думаю, что наша экспедиция — далеко не единственная. Да и другие заинтересованные стороны своих поисковиков за тем же отправили. Американцы и европейцы так точно.

- Арабы и евреи — тоже, — согласно кивнул Круглов. — Эти своего не упустят.

— О крэнхи не забудьте, — недовольно проворчал Тупило, впрочем, он был недоволен всегда и всем. — Скорее всего, корабли старших кланов сейчас лихорадочно шерстят космос. И соперников будут отстреливать только так.

— Меня больше занимает, как искать, — задумчиво потер висок Штейнберг. — Соперники — дело обычное. С чего думаете начинать, капитан?

— Думаю, все же с осмотра места происшествия, — ответил Михаил. — Оно объявлено нейтральной зоной по договоренности с кланами. По крайней мере, его величество подписал договор об этом с послом крэнхи.

— Даже так? — приподнял брови Хмелин. — Ну, хоть что-то. Хотя мне кажется, что там давно все по камешку просеяно, и если что-то было, то это что-то уже нашли. Все-таки прошло больше двух недель...

— Я и сам это понимаю, — вздохнул молодой капитан. — Но с чего еще можно начать? Я, если честно, не представляю — мы с друзьями головы сломали, пытаясь что-то другое придумать, но не смогли.

— Да уж, поди тут придумай... — покачал головой Суровцев. — Но давайте все же мозговой штурм устроим, не помешает.

Идеи посыпались, как подарки из мешка Деда Мороза, но после подробного рассмотрения каждой приходилось ее отбрасывать. Никодим Чайка даже предложил сунуться в Ангайскую туманность недалеко от Плеяд — ученые подозревали, что там можно найти немало артефактов Лонхайт. Давно уже никто не рисковал делать это — ни один, даже самый совершенный корабль оттуда еще не вернулся.

— Возможно, и туда придется идти, — завершил, наконец, дискуссию Михаил. — Значит, для начала все же отправимся на Н237. Возможно, ничего там не найдем, но мне почему-то кажется, что найдем, — а своей интуиции я привык доверять. Первый пилот!

- Я! — встал Суровцев.
- Вот кристалл с расчетом курса. С возможностями корабля вы достаточно ознакомились?
- Надеюсь, — загорелись азартом глаза «безумца». — Характеристики впечатляют, особенно шестой уровень гипера.
- Благодаря этому мы будем в той системе через сутки с небольшим, — встал Михаил. — Через десять минут нам предоставят стартовое окно, поэтому все по местам!
- Есть! — отозвался экипаж.

Перейдя в рубку, курсант опустился в капитанское кресло — ничего нового, во время практики доводилось командовать даже крейсерами, не говоря уже о фрегатах и корветах. Разве что на мостице линкора еще не стоял, но это, скорее всего, еще впереди. Он начал проверять систему за системой, пробегаясь пальцами по сенсорам четырех капитанских пультов, находящихся сбоку от подлокотников.

Кроме капитана в главной рубке находились на своих рабочих местах первый и второй пилоты, штурман, канонир и два оператора сканеров пространства. Иначе говоря, Суровцев, Хряченко, Хмелин, Штейнберг, Круглов и Даниил Коган, как младший оператор.

— Пилотам подключить контур мысленного управления! — скомандовал Михаил, сам делая это.

— Есть!

Перед глазами капитана развернулись цветные трехмерные схемы навигационной системы «Тени». Имплант начал подключать их к мозговым центрам, и вскоре Михаил перестал ощущать свое тело, став

кораблем. На периферии сознания он чувствовал пилотов, от них тянуло предвкушением. Еще бы, на таком чуде они еще не летали! Пробные вылеты не в счет.

— «Тень» — диспетчерской, — сообщил капитан. — К старту готовы.

— Диспетчерская — «Тени». Старт через две минуты. Стартовое окно на орбите по координатам...

Получив координаты, Михаил передал их искину, тот подставил данные в навигационную программу и запустил отсчет.

Если бы кто-то смотрел со стороны, то он увидел бы любопытное зрелище. Два поросших деревьями холма внезапно отъехали в стороны, открыв глубокий провал в земле. А затем раздался тихий свист, и из провала выскоцизнула скрытая маревом раскаленного воздуха тень, мгновенно скрывшись в низких облаках. После этого холмы вернулись на свое место, и ничто больше не нарушало покой сибирской тайги.

— Вышли на орбиту в указанных координатах стартового окна, — сообщил первый пилот. — Через пять минут должны освободить окно. Запускаю основные двигатели.

Михаил отслеживал действия Суровцева через имплант. Наблюдать за работой двигателя древних было крайне любопытно, хоть он и не первый раз видел это. По сравнению с ним земные работали совершенно иначе. И это не говоря уже о ментальном управлении. Для последнего приходилось постоянно выстраивать в сознании сложные образы — хорошо хоть, что в этом мог помочь искин,

самостоятельно научиться такому было бы затруднительно.

Вот только беспокоила его некая тень, присутствующая в схеме мысленного управления на заднем плане, причем никто другой ее почему-то не видел. Вспоминались слова Старого Зубра о том, что двигатель не только гиперпространственный, но и какой-то еще. Михаила беспокоило, почему недостаточно изученный двигатель установили на корабль, ведь такого обычно никто и никогда не делал. Нет, все-таки в этом задании слишком много странностей!

Отсчет завершился, и звезды словно прыгнули фрегату навстречу — он вошел в гиперпространство. И тут «безумец» показал себя — корабль, казалось, вывернуло наизнанку, по сознанию людей ударила сперва звуковая, а затем световая волна. Суровцев, не проходя промежуточных этапов, сразу с первого нырнул на шестой уровень гипера. Не самоубийственно, но очень неприятно, такого старались не делать. Однако Михаил не стал его останавливать, только хмыкнул про себя — форсит пилот, хочет показать чего стоит, все свое мастерство. Ну что ж, не плохо сработано, невзирая на неприятные ощущения.

Информационные потоки с навигационного кристалла с расчетом курса сплетались в некое кружево, прежде чем занять свое место в общей картине. Искин виртуозно манипулировал данными, выдавая их пилоту уже адаптированными для человеческого восприятия. Тот одна за другой воздействовал системы фрегата, выводя его в ходовой режим. Наконец коррекция курса была завершена по основным ре-

перным точкам, и «Тень» набрал ход, пронизывая гиперпространство.

Первой остановкой на пути к Н237 был двадцать седьмой пограничный сектор, который контролировала русская пространственная станция «Аркадий Стругацкий». Там Михаил планировал получить информацию о текущей диспозиции флотов людей и крэнхи, чтобы не нарваться на крупное соединение последних.

— Старшина Хмелин! — встал капитан, одновременно отключаясь от контура мысленного управления. — Принимайте командование! Первая вахта ваша. Смена через четыре часа. Ваш сменщик — рядовой Штейнберг. Остальные, кроме пилота, свободны. Пилоты сменяются по согласованному графику.

— Есть! — бывший полковник пересел в его кресло.

— Внимание экипажу, обед через полчаса в кают-компании, — донесся по громкой связи голос Даниила, выполняющего в полете роль кока, поскольку готовил он отлично.

Уже выходя их рубки, Михаил предвкушающее облизнулся — Данька обещался в честь первого дня полета устроить настоящий пир, в том числе сварить настоящий украинский борщ, который его друзья просто обожали.

* * *

Двух дежурных операторов сканирующих систем пространственной станции «Аркадий Стругацкий», русского Ивана Копытова и американца Джозефа Некрофта, заставил вздрогнуть зуммер предупреж-

дения о выходе из гиперпространства неопознанного корабля. Они хотели было объявить тревогу, но компьютер сообщил о получении кодов доступа — это был русский поисковый фрегат новой модификации, потому его сразу и не опознали.

— Вам разрешено пристыковаться к восемнадцатому причалу шестой аппарели, — произнес в микрофон Копытов, после чего предупредил о прибытии гостей командира станции, адмирала Таревича.

Услышав предупреждение, тот несколько удивился — кораблей с Земли он сегодня не ждал. Возможно, это курьер? Хотя вряд ли, курьерские корветы имели совсем другие коды доступа. Но на всякий случай решил лично встретить фрегат, не то мало ли что. Быстро собравшись, адмирал вызвал платформу внутреннего монорельса и направился к шестой аппарели.

Пока Таревич добирался, фрегат успел вплыть внутрь станции и теперь крученой траекторией двигался к причалу. Судя по филигранной точности и одновременно наглости маневра адмирал сразу понял, что его пилотирует «безумец», и немало удивился данному обстоятельству. Это с какой же стати? Разве это не гражданский корабль?! Нет, что тут не то...

Корабль тем временем четко повернулся вокруг своей оси и одним импульсом маневровых двигателей завершил полет, войдя в захваты причальных ферм с первой попытки. Таревич только восхищенно пощекал языком — хорош, мерзавец, ничего не скажешь, хоть и наглец редкий. Впрочем, от «безумцев»

другого ожидать было бы трудно — все до единого асы.

Едва фрегат успел отключить двигатели, как его оказавшийся вплотную перед мостками входной люк распахнулся, и на них ступил совсем еще молодой человек в незнакомой темно-серой форме со знаками различия капитана имперского военного корабля. Так, не гражданские. Таревич насторожился. Заметив его, незнакомец подошел и отдал честь.

— Здравия желаю, товарищ адмирал! — щелкнул он каблуками. — Капитан поискового фрегата «Тень» Михаил Шмелев. Вот мои полномочия.

Он протянул Таревичу карточку. Тот считал ее, ознакомился и чуть не подавился. Полномочия этого сосунка поражали, таких не имел никто из его знакомых. Прямой доступ к информации любого уровня! Обязанность каждого офицера Империи оказывать любую требуемую помощь! Запрет задерживать вне зависимости от обстоятельств! Да кто он такой?!

— Чем могу помочь? — постарался не выдать своего изумления адмирал.

— Нам необходима информация о приблизительной диспозиции наших и вражеских сил в секторе, — ответил Шмелев. — Уходим в дальний свободный поиск, не хотелось бы нарваться на крупное соединение крэнхи.

— Ясно, — кивнул Таревич. — Сейчас отдам приказ. Задерживаться на станции будете? Каюты выделять?

— Благодарю, не надо, — покачал головой капитан. — Нет времени, задание срочное.

— Тогда через десять минут получите данные, — кивнул адмирал, которого это устраивало больше всего, поскольку наличие на станции человека с такими полномочиями могло обернуться немалыми неприятностями.

Через четверть часа фрегат мягко отошел от причальных ферм, снова диким образом крутнулся вокруг своей оси, затем одним крученым прыжком выскользнул в раскрывшуюся диафрагму аппарели. Все наблюдавшие за этим дружно выматерились, пожелав придуруку-пилоту множество неприятностей — чудом не задел ничего! Только Таревич усмехнулся — похоже, никто, кроме него, не понял, что этот небольшой кораблик пилотирует «безумец». Ну и хорошо, что не поняли, меньше опасности, что информация уйдет, куда не надо.

* * *

— Внимание, подошли к точке выхода! — объявил искин. — На орбите обнаружены шесть кораблей крэнхи. Крейсер и пять мини-эсминцев по нашей классификации.

— Передай коды опознания на их частоте, — распорядился Михаил.

Он очень надеялся, что полученные от Старого Зубра коды сработают, и «коты» не станут атаковать — не хотелось бы глупо погибнуть. А от совместного залпа шести кораблей не уйти даже такому скоростному фрегату, как «Тень».

— Приняли! — с облегчением сообщил Хмелин. — Но требуют срочно выйти из гипера.

— Выходите!

Фрегат на мгновение задрожал и вышел в реальное пространство, оказавшись в окружении кораблей противника. Всем стало не по себе, в такой ситуации ни один еще не оказывался.

— Вызывают... — с удивлением обернулся к капитану Штейнберг.

— Ответьте! — выпрямился тот.

На экране появилась приплюснутая кошачья морда палевого окраса. Цветные полоски над левым глазом говорили, что перед ними крэнхи довольно высокого ранга из высшего клана Ййа-Ртхэ. Принадлежность к малому клану осталась неясной. Крэнхи окинул землян ничего не выражавшим взглядом черных глаз и заговорил на интерлингве с обычным для его расы шипящим акцентом:

— Здравствуйте! Рад приветствовать вас.

Я — нархэт Гши Тайхау, командир эсминца «Поиск».

— Михаил Шмелев, командир фрегата «Тень», — встал и представился курсант, он говорил на крэ'нхау, чтобы показать свое уважение собеседнику.

— Мы равны по рангу, — наклонил голову «кот».

— Мы равны по рангу, — повторил его фразу землянин.

В культуре крэнхи чинопочтание было возведено в такую степень, что оставалось только изумляться. Переговоры, любые, могли вести только равные. Если один был выше, то между ним и собеседником обязательно должен был стоять посредник, иначе это считалось оскорблением и смывалось только кровью в поединке без оружия, зубами и когтями.

— Согласно договоренности между нашими вождями, место, где находился комплекс, должно быть

осмотрено совместно, — продолжил Гши Тайхау. — Любые находки должны быть поделены на две равные части. Если это невозможно сделать, то изучение должно производиться также совместно.

— Мне это известно, — Михаил не выдал своей неосведомленности, ему об этом ничего не сказали. Но иного выбора все равно не имел — в руках крэнхи была сила, поэтому придется подчиниться, а тем временем послать запрос на Землю.

— В таком случае передаю вам координаты приземления в ваших единицах измерения. На месте сформируем совместную поисковую группу.

Экран погас, а искин сообщил о получении сжатого пакета информации с координатами. «Тень» должна была сесть в трехстах метрах от места, где прежде находился комплекс Лонхайт.

— Один из их эсминцев пошел на посадку! — сообщил Круглов, глядя на экран сканера.

— Садимся! — бросил Михаил и поежился.

Ему было сильно не по себе. Договоренность о совместных действиях с крэнхи? Что за новости? А «коты» лгать не станут, они никогда не лгут, считают это ниже своего достоинства. Тогда почему ему об этом ничего не сообщили перед стартом? Или договоренность достигнута уже после того, как «Тень» ушла в гипер? Вполне возможно. Вот только вся эта ситуация, все это задание не нравились Михаилу все больше. Он и раньше ощущал какую-то недоговоренность, неправильность, а теперь и подавно.

Фрегат мягко вошел в атмосферу, покрывшись защитным полем. Сейчас его вел не Суровцев, а Федор Хряченко, долгие годы считавшийся лучшим атмо-

сферным пилотом Объединенного Флота. Пальцы «безумца» нежно скользили по пульту, словно выри-совывая некий невидимый никому, кроме него само-го, образ. Корабль двигался по самой экономичной траектории, совершая любой маневр с подчеркнутой четкостью. Хряченко явно форсил перед крэнхи.

Прямо над точкой посадки движущийся носом вниз фрегат почти остановился, сделал сальто, одновременно разворачиваясь вокруг своей оси. То из одной, то из другой маневровой дюзы вырывались струи огня, выравнивая корабль. Он пошел вниз и мягко опустился на выдвинувшиеся опоры, только легко покачнувшись.

— Федька, ты ох...л?!! — вызверился на пилота Суровцев. — Совсем мозгов лишился?!

— А что такое? — удивился тот.

— Да то, что ты сейчас расписался в том, кто сидит за пультом, придурок!!! Кроме тебя на Земле этого маневра никто не выполнит! И «котам» это прекрасно известно!

— Бли-и-и-н... Не подумал...

— Это неважно, — прервал собиравшегося еще что-то сказать Суровцева Михаил. — Пусть знают, лишь бы не помешали задание выполнить.

— Дело в том, что год назад два малых клана объявили лично ему кровную месть, капитан, — кивнул в сторону ухмыляющегося Хряченко тот. — И если на этом эсминце есть кто-то из этих кланов, то стоит ждать неприятностей.

— Черт... — скривился курсант.

Действительно, кровная месть среди кланов крэнхи — далеко не шутки. Похожие на котов гуманоиды

ды относились к этому крайне серьезно, чтобы отомстить, они готовы были на все. Правда, если месть не мешала воевать с общим врагом, в ином случае ее откладывали на некоторое время, но свершали всегда, рано или поздно. Или гибли сами.

— Вызывают, — сообщил Штейнберг.

На экране появилось лицо давешнего крэнхи.

— Малый клан Гшэ-Тхойнг приветствует своего кровного врага, Хрр-яч-ченко! — торжественно заговорил он. — От имени кланазываю тебя на ритуальный поединок! На ножах.

Проклятье! Михаил с трудом сдержал ругательства. Вот уж пофорсил пилот так пофорсил... Но надо было что-то делать, и он принялся лихорадочно пролистывать в памяти информацию по обычаям крэнхи. Стоп! А что если?..

— Он-тххэ лльятт! — выдал капитан, встав с кресла. — Перед любым поединком воин сначала обязан выполнить свой долг! Поэтому — он-тххэ лльятт!

— Вынужден признать правоту равного, — наклонил голову Гши Тайхау. — Долг — превыше всего. Я согласен отложить поединок до завершения поисков.

— Я также согласен, — склонил голову Федор. — И я принимаю вызов.

Михаил только вздохнул — не принять означало расписаться в своей трусости, а это поставило бы крест на любом сотрудничестве. Такого командование не простило бы. Скорее всего «кот» убьет Хряченко — человек не мог сравниться ни с одним из их расы ни в силе, ни в скорости реакции. Вот же проклятье!

Между тем сам «безумец» ничуть не волновался по поводу своей возможной гибели — он посмеивался, одновременно выводя системы корабля в режим «на грунте».

— Предлагаю создать поисковые группы из четырех разумных с каждой стороны, — заговорил крэнхи.

— Согласен, — наклонил голову Михаил. — Каким оборудованием ограничимся?

— Ваши предложения?

— Мы возьмем специализированный для подобных миссий вездеход, на его борту есть все необходимое.

— Мы тоже, — кивнул Гши Тайхай. — На подготовку нам необходимо пять ваших стандартных часов.

— Сейчас семнадцать часов по московскому времени, — посмотрел на часы Михаил. — К двадцати двум мы будем готовы.

— Хорошо.

Крэнхи отключился.

— Что думаете по поводу всего этого? — повернулся к экипажу Михаил. — Нам командование о договоренности с «котами» ничего не сообщало. Дали только коды, передача которых должна была предотвратить атаку.

— Трудно сказать, — отозвался Хмелин. — Кто их знает, наших стратегов доморощенных. Возможно, договор заключило командование Объединенного Флота, а мы просто оказались на месте раньше других. Если сюда прибудет корабль ОФ, то придется объясняться...

— Не хотелось бы, — скривился капитан. — Черт возьми, нравятся мне все же «коты». Они тут, судя по данным сканирования, уже больше двух суток, но не стали сами искать, нас ждали. Наши бы давно все перерыли...

— Именно наши, русские, вряд ли, если бы существовал договор, — возразил Круглов. — А вот американцы или европейцы — точно. Для них слово «честь» ничего не значит. Раз никто не видит, то плевать на все договора...

— Я имел в виду наш вид как таковой, людей, — пояснил Михаил. — Русских безопасников тоже не следует идеализировать. Да и я сам, если это будет на пользу Родине, на многое пойду, пусть даже меня потом посчитают подлецом. Ладно, это разговоры в пользу бедных. За дело!

Они принялись обсуждать, какую аппаратуру взять с собой помимо имеющегося на борту вездехода класса «Витязь» — такие Империя не поставляла Объединенному Флоту, используя только для собственных нужд. На самом деле это был танк на антигравитационной подушке, вооруженный до зубов, только оружие легко снималось, чтобы в случае надобности использовать машину как обычный вездеход. А на «Тени» был «Витязь» новой модификации, имеющий генераторы защитного поля нулевого класса — благодаря им танк мог уцелеть даже в центре ядерного взрыва. Правда, аккумуляторы могли удержать защитное поле всего в течение получаса, но этого обычно хватало, чтобы успеть уйти оттуда, где он подвергался опасности.

Пять часов подготовки к экспедиции прошли незаметно — дело нашлось всем. Поисковая группа, как и договаривались с крэнхи, состояла из четырех человек — самого Михаила, Штейнберга, Айзата и Круглова. Последнего, как врача, включили на всякий случай — вдруг кому-то срочно понадобится медицинская помощь. Из оружия решили захватить обычные плазмеры и пулевые пистолеты. Это, конечно, не считая вооружения самого «Витязя».

Люди работали молча, каждого глодало нехорошее предчувствие, причины которого они не понимали. В них медленно просыпалось что-то древнее, давно изжитое человечеством, забытое, но при этом не ушедшее, а только уснувшее. И люди неосознанно готовились к чему-то непонятному и необъятному, что ждало их впереди. Их глаза то и дело вспыхивали белыми искорками, но ни один почему-то не обратил внимания.

Впрочем, ничего удивительного...

Глава 6

Ворота нижнего шлюза «Тени» с тихим шелестом раздвинулись, и танк медленно выплыл наружи. В то же мгновение сквозь мембрану защитного поля крэнхянского эсминца продавился пятиметровый ребристый диск, покрытый бесчисленными выступами и полукруглыми антеннами, — их аналог вездехода, тоже на антигравитационной подушке. Две принадлежащие разным цивилизациям машины сошлись между кораблями, на мгновение замерли

и двинулись к месту, где совсем недавно находился комплекс Лонхайт. Доехав до прогалины, вездеходы остановились. Михаил вздохнул, проверил свой защитный комбинезон и покинул машину. То же самое сделал и Гши Тайхай. Приблизившись к крэнхи, землянин приветствовал его поклоном равного по обычаям кланов. Тот также поклонился.

Краем глаза окинув местность, капитан с трудом сдержал гримасу недовольства — до самого горизонта раскинулись бесконечные джунгли. Зеленая стена, в глубине которой царила какая-то своя хищная жизнь — то и дело раздавался то рев, то стрекот, то хрюп, то какое-то фырканье. Всегда терпеть не мог джунгли!

— Вы сканировали местность с орбиты? — поинтересовался Михаил.

— Естественно, — подтвердил Гши. — К сожалению, ничего интересного не обнаружили, хотя использовали самое совершенное оборудование. Только недавно засыпанные каверны в грунте. Вполне возможно, что они были засыпаны именно во время старта комплекса.

— А вы сами видели старт? — не сдержал любопытства землянин.

— Видел, — бросил на него задумчивый взгляд крэнхи. — Ни один корабль, ни ваш, ни наш, на такое не способен. Комплекс внезапно окутался силовыми полями, точнее, увеличил их напряженность на два порядка. И за полминуты поднялся на орбиту, словно сопротивления воздуха и силы притяжения для него просто не существовало. Затем нам показалось, что само пространство вывер-

нулось наизнанку, не только комплекс, но и все вокруг стало на полсекунды двухмерным. Когда мы пришли в себя, корабля Лонхайт на орбите уже не было. Приборы зафиксировали возмущение гравитации, ничего больше. Но это явно было что-то иное.

— А их сообщение?

— Мы не понимаем, что оно означает. Два слова — пора взрослеть. Причем каждый услышал их на своем родном языке. Они передавались одновременно радио и гравитационной связью. Но крэнхи и земляне на кораблях услышали их так, словно это сказал кто-то находящийся рядом.

Подобных тонкостей Михаил не знал и немало удивился. Похоже, они действительно столкнулись с чем-то невероятным, с чем-то превышающим все, что до сих пор доводилось встречать. В глубине души молодой человек испытывал азарт, но не показывал этого. Все же сильно повезло, что это задание поручили именно ему.

Капитан бросил взгляд вперед. Судя по оставшимся следам, комплекс был довольно тяжел, по примятой траве четко видно, где находились его пирамиды и центральный куб. Трудно представить, что эти каменные фигуры — на самом деле космический корабль.

Человек и крэнхи переглянулись, а затем медленно пошли вперед. Оба надеялись, что сумеют найти хоть что-нибудь, чтобы оправдать возложенные на них надежды.

Перед границей бывшего расположения одной из пирамид внешнего ряда Михаил остановился и при-

сел, рассматривая примятую траву. Гши последовал его примеру. Странно, что огромные каменные пирамиды всего лишь примяли траву. Или они на самом деле держались на силовых полях? Тоже возможно, но факт остается фактом — немалых размеров и веса сооружение почти не оставило следов своего пребывания, только слегка примяло траву.

Бездеходы сперва двигались за офицерами, затем зависли над грунтом примерно в полуметре. Судя по проскакивающим искрам на антеннах, экипажи включили режим активного сканирования.

— У вас есть предположения о том, для чего Лонхайт оставили здесь этот комплекс? — тихо спросил крэнхи.

— Разве что мои личные, — ответил человек. — В свое время много размышлял о них и их артефактах.

— Был бы не против услышать.

— Хорошо. Смотрите, не кажется ли вам странным, что в наши или ваши руки попадает только то, что мы способны понять?

— Кажется, — шевельнул усами Гши. — Насколько мне известно, ни одного артефакта, в котором учёные не смогли бы разобраться, так и не обнаружили. А ведь Лонхайт превышали нас в развитии очень сильно, поэтому после них должно было остаться немало вещей, которые остались бы загадкой, как, например, воину или даже шаману времен четвертой Войны Кланов не удалось бы понять, для чего нужны инфокристаллы. В случае же с древними возникает ощущение, что все артефакты оставлены ими специально, причем предназначены для цивилизаций нашего уровня.

— Вот именно! — поднял палец Михаил. — Это я и хотел сказать. Чем больше я размышляю о Лонхайт, тем сильнее у меня ощущение, что они на самом деле никуда не ушли и тайно наблюдают за нами и вами, время от времени подбрасывая одной или другой цивилизации то, что может быть ею на данный момент освоено.

— Интересная мысль, — заметил крэнхи. — Но в таком случае возникает не менее интересный вопрос: какие цели они преследуют?

— Чтобы понять это, нужно знать их образ мышления, — вздохнул человек. — А мы его не знаем, да о чем речь, мы не имеем понятия даже о том, как выглядели сами Лонхайт. Чем они жили? Где? Как? Знаете, у меня при мысли о них в мозгу появляется одно-единственное понятие — переход.

— Вы имеете в виду переход цивилизации из биологической в ментально-энергетическую фазу существования? — насторожился Гши.

— В общем-то, да, — подтвердил Михаил. — Хотя это лишь часть понятия, скорее тут имеет место морально-этическое изменение, а переход на энергетический уровень — всего лишь следствие.

— У нас немало спорят о концепции перехода, — немного подумав, сообщил крэнхи. — В каждом клане существует свое одобренное вождями мнение, но много групп населения с ним не согласны. И... — он бросил на землянина острый взгляд. — И многие считают, что эта глупая война давно изжила себя. Что мы обязаны помириться, чтобы вместе идти вперед.

— Я считаю, что это правильно, — усмехнулся Михаил. — Но беда в том, что и у нас, и у вас имеются огромные внутренние разногласия, которые нивелирует только наличие внешнего врага.

— Вы правы... — На лице Гши ненадолго возникла странная гримаса. — Однако наши кланы постепенно объединяются, и лет через сто, надеюсь, станут едины. А ваши?..

— Об этом, к сожалению, пока речи не идет, — помрачнел человек. — У нашего клана, Российской Империи, и остальных слишком разное мировоззрение.

— Да, с вами, русскими, вполне можно иметь дело, вы знаете, что такое честь, — кивнул крэнхи. — С теми, кого у вас зовут американцами или европейцами, нельзя связываться. Не досмотришь — обманут, так как способны думать лишь о сиюминутной выгоде. Поэтому наш посол отправился в Империю, а не к ним. С ними нам обсуждать нечего.

Немного помолчав, он произнес:

- Давайте начинать поиски.
- Хорошо.

Они переглянулись, затем связались с вездеходами. Оба экипажа сообщили, что ничего опасного сканирование не обнаружило. Человек и крэнхи дружно ступили вперед, на примятую траву, где совсем еще недавно стояла одна из крайних пирамид комплекса. Ничего не случилось. Вот только воздух тут был насыщен озоном, причем граница ощущалась четко.

— Любопытно, — заметил Гши. — В двух метрах отсюда запаха озона нет...

— А здесь есть, — закончил за него Михаил.

Сейчас они говорили на крэ'нхау, не обратив внимания, на каком именно языке общаются.

— А приборы ничего не сообщают...

— Да уж, сканирование тут, похоже, бесполезно.

Вполне возможно, что на самом деле озона нет, а идет воздействие прямо на мозговые центры. Например, некое неизвестное ни нам, ни вам излучение...

— Вполне возможно, — не стал спорить крэнхи. — Идемте дальше.

Они двигались очень осторожно, внимательно глядя под ноги, чтобы не упустить даже мелочи. Но, к сожалению, ничего на траве не было, даже сучков и опавших листьев — казалось, траву тщательно вычистили. Это было неестественно и вызывало настороженность. Никаких следов старта космического корабля отсюда тоже не наблюдалось.

Внезапно раздался протяжный звон, как будто кто-то наступил на пластину резонатора. Между Михаилом и Гши вылетели из земли три разноцветных кольца света, облетели их вокруг и с хлопком исчезли. Трава на мгновение преобразовалась в нечто непонятное, создав из себя письмена, совсем не похожие на известные символы Лонхайт. А затем все вернулось в прежнее состояние.

— Штейнберг! — бросил в микрофон коммуникатора ошарашенный Михаил. — Что, черт возьми, происходит?!

— Зафиксирован энергетический всплеск неизвестной природы, — деловито ответил тот. — Скорее всего, это сложно модулированный сигнал. Больше ничего не могу сказать до полноценного анализа.

Судя по недовольному подергиванию усов Гши, с его вздохом ответили примерно то же самое.

— Похоже, мы с вами влезли на минное поле, — хмыкнул Михаил.

— Возможно, — наклонил голову крэнхи. — Идемте назад?

— Не уверен, что нас выпустят...

Как оказалось, землянин был прав — выйти за пределы границ бывшего комплекса они не смогли. Невидимое, неощутимое для сканеров, но от того не менее мощное силовое поле никого не выпускало, хотя свободно впустило.

— Ловушка? — предположил Гши.

— Не думаю... — задумчиво покачал головой Михаил. — Мне почему-то кажется, что это некий тест. Не могу объяснить, но почти уверен в этом.

— Интуиции воина стоит доверять, — заинтересованно посмотрел на него крэнхи. — У нас этому учат с детства.

— У нас тоже, — усмехнулся землянин, умолчав, что такому учат только в их Академии.

— Если вы правы, и это тест, то мы обязаны его пройти.

— Да, это наш долг. Интересно, здесь кто-то уже бывал до нас?

— Как ни странно, да, — сообщил Гши. — Сразу после старта комплекса сюда ринулись и наши, и ваши, договорившись об очередности, но ничего подобного ни с кем не случилось. Затем было принято решение отойти, пока не возник не нужный ни одной стороне конфликт. Через два дня ваш флот почему-то ушел, не оставив даже наблюдателя. При-

чин я не знаю, но сам факт настораживает. Возможно они что-то нашли?

— Мне об этом ничего не известно, — нахмурился Михаил. — Но странно, что тогда и люди, и крэнхи свободно покинули эту зону.

— У меня есть одна догадка, и она мне не нравится... — Крэнхи даже усы опустил, он выглядел, словно съел что-то очень кислое.

— И?.. — насторожился землянин, уже догадываясь, что сейчас скажет собеседник.

— До сих пор сюда ни разу не проникали вместе люди и крэнхи. Если не считать группы лейтенанта Карпина и тирхета Тхарау. И они исчезли. Как можем исчезнуть и мы...

— Да, вполне может быть, что механизм ловушки включает совместное присутствие человека и крэнхи. Проверим?

— Как? — приподнял усы Гши.

— Я отдаю приказ одному из своих людей зайти в зону одному, — пояснил Михаил. — А потом он попробует выйти.

— Что ж, это мысль. Согласен.

Немного подумав, Михаил приказал сделать вышеуказанное Айзату, поскольку знал, чего ждать от татарина в любой ситуации, в отличие от импов. Тот обрадовался, сидеть в танке все же было скучновато, а тем более, когда друг и командир попал в беду, а ты ничего не можешь поделать. Ведь чертовы приборы ничего не показывали, утверждая, что силового поля нет, хотя оно было, и это очень раздражало.

Айзат быстро экипировался, надев на всякий случай скафандр. Затем выбрался из вездехода и дви-

нулся к капитану. Границу он преодолел легко, словно там ничего не было, однако подойти к Михаилу не смог. Невидимая, упругая преграда возникла перед татарином, не дав приблизиться к капитану. Несколько бесполезных попыток преодолеть ее ничего не дали.

— Теперь попробуй выйти!

Как ни странно, но Айзат легко выбрался за пределы зоны, как назвал про себя это странное место Михаил, вспомнив «Пикник на обочине», прочитанную несколько лет назад книгу живших в двадцатом столетии писателей Аркадия и Бориса Стругацких. Затем такую же попытку сделал крэнхи из экипажи Гши. Все повторилось.

— Выходит, мы правы, — констатировал капитан. — Ловушку активирует совместное попадание в зону человека и крэнхи. Любопытно...

— Может окончательно убедимся? — хмуро спросил нархэт. — Пусть вместе зайдут.

— И что мы выиграем от того, что еще одна пара застрянет здесь?

— Наверное, ничего. Но я хочу убедиться, что мы не ошибаемся. Согласитесь, такое слишком необычно.

— Хорошо, — со вздохом согласился Михаил. — Но остальные пусть даже носа сюда не суют!

— Естественно, — кивнул Гши. — Я отдам своим приказ.

Айзат и молодой крэнхи по имени Лху Йаннау, выслушав распоряжения своих командиров, дружно переступили границу зоны. И буквально через минуту повторилось случившееся раньше — протяж-

ный звон и световые кольца. Выйти эти двое тоже не смогли, зато на сей раз легко подошли к Михаилу и Гши. Те переглянулись.

— Что ж, мы были правы, — заметил человек. — Приказываю экипажу «Тени» только наблюдать. И, естественно, сканировать зону всеми доступными способами, — он снова повернулся к крэнхи. — Есть у меня подозрение, что нас хотят провести через какой-то лабиринт, добиться чего-то.

Тот некоторое время молча размышлял, затем склонил голову и отдал своему экипажу такие же распоряжения. После чего все четверо взяли наизготовку оружие и осторожно двинулись к центральному квадрату бывшего комплекса.

Не успели они пересечь границу внешней призмы, как пространство вокруг мгновенно изменилось. Люди и крэнхи оказались стоящими на гигантской ленте Мебиуса, джунгли исчезли, словно кто-то стер их ластиком — только сама лента и пустое пространство вокруг, насколько хватает взгляда. Под ногами причудливыми зигзагами вился световой пунктир.

— Ну и что это такое?.. — растерянно пробормотал Михаил, не заметив, что сказал это вслух.

— Понятия не имею, — отозвался Гши, приняв вопрос на свой счет. — Но возможности Лонхайт впечатляют. Вот теперь мы, похоже, наконец увидели их настоящую мощь. Но это, — он обвел рукой висящую в пустоте белую ленту, на которой они стояли, — что-то означает. От нас чего-то хотят. И я никак не могу понять чего.

— Я тоже, — признал землянин. — Идти вперед? А смысл? Минут через десять мы окажемся в этой же точке, только с другой стороны ленты.

— Командир, разрешите обратиться, — вмешался Айзат.

— Обращайтесь, — с интересом посмотрел на него Михаил.

— Гордиев узел.

— В смысле?

— В прямом, — усмехнулся татарин и указал на поверхность ленты.

— А это идея, — прищурился капитан.

Он достал плазмер, установил его на полную мощность и выстрелил в ленту метрах в трех впереди. Там образовалось отверстие с рваными краями. Михаил подошел и усмехнулся, увидев льющийся оттуда дневной свет. Айзат оказался полностью прав, это задача на простоту решения. Махнув остальным, капитан шагнул в отверстие и оказался между первым и вторым рядом пирамид комплекса, на траве. Точнее, конечно, самих пирамид уже не было, только следы от их пребывания.

Рядом с Михаилом беззвучно возник из воздуха Гши, а за ним Айзат и Лху.

— Любопытно, — оскалил зубы нархэт. — Но чего они этим добивались?

— Я не знаю, — развел руками капитан. — Возможно, действительно задача, требующая простейшего решения. Логика создателей всего этого для меня пока непостижима, она, похоже, совсем иная, чем у нас с вами.

— Что ж, идемте дальше.

Они осторожно двинулись к следующему треугольнику примятой травы, раза в два меньшему, чем тот, через который вошли. Перед границей на мгновение остановились, снова переглянулись и ступили вперед. В то же мгновение Михаил оказался в одиночестве на бесконечном белоснежном поле, остальные трое исчезли.

Ну и что это такое? Чего теперь хотят чертобы Лонхайт? Как понять? Молодой человек выругался сквозь зубы, оглядываясь по сторонам, но ничего, кроме белой поверхности, так и не увидел.

— Идти вперед, любить и делать дело...¹ — сам не зная почему прошептал Михаил пришедшие на память слова древнего поэта. — Вперед? И все?..

Он покачал головой в сомнениях, но действительно решительно двинулся к горизонту. Белая поверхность мягко ложилась под ноги, но ничего не менялось вокруг. Капитан продолжал идти, отбросив ненужные мысли, заставив себя думать только о достижении цели. В глазах вдруг потемнело.

...Впереди высился сложенный из политых маслом поленьев костер, на котором висела прикованная к столбу ржавыми цепями хрупкая, избитая до синевы девушка в рваном и грязном платье. В руке Михаила полыхал факел. За спиной слышался вой безликой толпы: «Сожги ведьму!» Кто-то толкал его в спину, злобно шипя: «Поджигай, не то сам головы лишишься!» Растерянный молодой человек поднял

¹ Слова Андрея Макаревича.

взгляд и встретился им с наполненными болью и отчаянием глазами «ведьмы». По ее щекам пробежали две слезинки, проделав в грязи дорожки. Михаил гордо выпрямился, повернулся и швырнул факел прямо в лицо жирному священнику с маленькими сальными глазками, фальшиво гнусавящему молитву. Тот завизжал. И в то же мгновение в тело Михаила вонзились несколько копий. И снова настала тьма...

...Капитана в изодранной красноармейской форме втолкнули в комнату, в которой за столом сидел немецкий офицер с брезгливым лицом. Он тут же начал убеждать пленного предать, обещая взамен жизнь, угрожая тем, что в случае отказа его смерть будет медленной и страшной. Михаил снова выпрямился и плонул немцу прямо в блекло-голубые глаза. Тот возмущенно заорал, вскочил и несколько раз выстрелил из парабелтума пленному в живот. Молодой человек победно усмехнулся, опускаясь на грязный пол. В глазах опять стало темно...

...Подбитый русский истребитель рушился на здание Капитолия. Его израненный пилот безумно смеялся, зная, что может еще выпрыгнуть и попасть в плен, но не собирался делать этого. Пусть твари, пришедшие на его родную землю убивать и мучать, получат по заслугам! А его жизнь не имеет ни малейшего значения! Михаил уже видел запрокинутые вверх, перекошенные ужасом лица американцев, стреляющих вверх в надежде отвести от себя летущую смерть, и предвкушающие скалился. Сейчас, сволочи, сейчас! Получите! Взметнулось пламя, и для него все закончилось...

Эпизод за эпизодом, случай за случаем, и в каждом Михаил должен был сделать выбор. И он делал, исходя из собственного кодекса чести! Чаще всего отдавал жизнь за други своя, и не считал это чем-то особенным. Так русские воины поступали испокон веков, так было должно, так было нужно. Иначе просто нельзя. А те, для кого дороже всего собственная шкура, достойны лишь презрения — они ничтожны и пусты. Что-то сгорошло в душе Михаила, что-то менялось раз и на всегда, он сам не знал, что именно, но не придавал этому значения.

И вот он уже языком пламени несется сквозь бесконечность вселенной, открывая по пути все ее тайны, смеясь навстречу ветру звезд, пронизывающему всю его сущность. Мириады нитей, на конце каждой из которых трепетал живой мир, сходились к рукам Михаила, он что-то сплетал из них, но что — не имел понятия. Просто, опять же, так было нужно. Это ощущалось на грани пустоты, на грани последнего дыхания, на грани самого существования. Навстречу несся кто-то другой, непохожий и одновременно похожий на него.

То ли мгновение, то ли тысячелетие, и Михаил обнаружил себя снова стоящим на примятой траве. Напротив застыл с широко распахнутыми глазами Гши. Человек не стесняясь плакал. И впервые в жизни видел невероятное зрелище — слезы на глазах крэнхи. Воина! Но сейчас они понимали друг друга так ясно, что все остальное перестало иметь значение, они стали чем-то большим, чем были раньше, и то, что в прошлом казалось важным, перестало

являться таковыми. Кроме чести, разумеется. Кроме веры и души.

Айзат с Лху выглядели не менее потрясенными, чем их командиры, они неверяще смотрели то друг на друга, то на мир вокруг. Никто не знал, что прошел другой, ведь у каждого свой ад и рай, но все четверо сильно изменились, испытав очень много. И для каждого, наверное, прошло много лет. Они сделали для себя множество выводов, но при этом четко осознавали, что не видевшие такого их просто не поймут.

- Жестоко... — прошептал Михаил.
- Испытание, — не согласился Гши. — Не прошедшие его недостойны. И это правильно.
- Правильно, — в тон ему отозвался Лху.
- Да, правильно, — поддержал Айзат. — Но все равно жестоко.

Им было не по себе — и людям, и крэнхи. Слишком тяжелый выбор пришлось делать, и не раз. Наверное, если бы хоть один выбрал не то, пошел против чести, то он бы не вышел. Почему-то в этом они были уверены.

Некоторое время постояв, чтобы избавиться от наваждения, все четверо двинулись дальше по направлению к центральному кубу комплекса, след от которого был четко виден на траве. Пережитое потрясение еще долго не отпустит, это понимали все, но говорить об этом не хотели — слишком личное. Все это нужно было еще осознать.

Четверо разумных шагали в ряд, и казалось, что они рассекают собой некую невидимую грань, сдвигающуюся в небытие, в никуда. И их шаги смещали

саму реальность, меняли ее, направляли туда, куда она в ином случае никогда не свернула бы. Изменились судьбы сотен миллиардов людей и крэнхи, но четверо еще не знали о том, к чему приведет их путь. А откуда-то издалека на них смотрели мудрые, устальные глаза тех, кто давно перешел грань, и сейчас вел к ней молодые народы.

Дойдя до границы куба два человека и два крэнхи не стали останавливаться, они дружно шагнули и ступили на примятую траву. Они готовились, что снова начнется нечто невероятное, и оказались правы. Пространство и время свернулись в безумный клубок, и все четверо оказались стоящими на спутавшихся в нечто непредставимое узких дорожках, пересекающихся под самыми невероятными углами. Трехмерный зеркальный лабиринт, отражающийся в бесконечность.

Михаил потерял из виду остальных, но не беспокоился об этом, уже поняв, что испытания Лонхайт индивидуальны. Сейчас он пытался понять, что требуется сделать. Капитан внимательно осматривал лабиринт, но кроме пересекающихся зеркальных дорожек ничего не видел. Тогда он попытался абстрагироваться от того, что видно невооруженным глазом, и заглянуть глубже. Что-то этот узор из дорожек Михаилу напоминал, но что?

Молодой человек принял лихорадочно размышлять и вспоминать. И наконец понял — черт возьми, да это же звездная карта шестьдесят четвертого пограничного сектора! Только с добавлением некоторых неизвестных объектов. И странные связи между планетами, причем только населенными. Они

были собраны в шестиугольники, иногда пересекающиеся, иногда нет. Между этими шестиугольниками тянулись более толстые дорожки, изредка сходящиеся в узел. Картина была настолько сложной, что у Михаила заболела голова.

Что это может быть? Что это значит? А значит, и что-то очень важное, как бы здесь в схематическом виде не была выдана основополагающая концепция мироздания, осознанная Лонхайт, но не людьми и крэнхи. Эта догадка заставила Михаила похолодеть — если он прав, если сумеет понять, что видит, то все развитие цивилизации пойдет иным путем, чем до сих пор.

Откуда пришло это понимание, Михаил не знал, но ощущал, что все верно, что он не ошибается. А раз так, то он не имеет права на ошибку. Никогда до сих пор ответственность за всю Землю и не только не ложилась на его плечи. Сейчас — легла. И он обязан справиться, обязан понять. Но как понять, если для этого просто не хватает знаний?..

Словно в ответ его мыслям некоторые дорожки окрасились в красный цвет, словно кто-то проложил маршрут между звездами. И начался этот маршрут за границами сектора. Вот только двигаться по нему было бы крайне неудобно, слишком ломаный, несколько раз пересекает сам себя, одна звезда отстоит от другой очень далеко, другие совсем рядом. Непонятно, что за навигатор мог выдумать такую чушь! Хотя, если предположить, что маршрут предназначен для кораблей, передвигающихся не через гиперпространство по прямой, а каким-то иным способом, то все становится на свои места.

Действительно, ведь «комплекс», стартовав, не ушел в гипер, а размазался в двухмерную тень. А если предположить, что он способен мгновенно переместиться в другую точку пространства? Но при том строго определенную. И сейчас Михаил видит перед собой схему его возможных перемещений...

Эта догадка заставила вздрогнуть и поежиться. Коли он прав, то просто обязан найти «комплекс» — тайна подобного перемещения не должна достаться никому, кроме России. Или хотя бы всем, чтобы ни у кого не было преимуществ. Или вообще никому, если уж на то пошло.

Картина начала усложняться, появилось множество других шестерок миров, а связи между ними вообще стали бесчисленными, но совершенно нелогичными — с точки зрения Михаила. Слава богу, что он понимал, что земная формальная логика — далеко не истина в последней инстанции.

Но все-таки чего от него хотят? Капитан растерянно смотрел на невозможной сложности схематическую картину мироздания, уже осознавая, что эта модель куда более верна, чем все известные на родине. Более верна? Так возможно требуется отбросить все, что он знал раньше? Вот просто взять и отбросить!

— Я знаю только то, что я ничего не знаю! — вырвались у Михаила слова, которые многие источники приписывали Сократу. — Но я готов учиться!

В то же мгновение его завертело в вихре, и все вокруг расплылось, звезды вытянулись в полосы, и он оказался в совсем другом сегменте пространства. Но

изображенном таким же образом — бесчисленные шестиугольники, каждым углом которых являлась планетная система, и связи между ними. Капитана повлекло к одному из узлов. Но насколько Михаилу было известно, в этой точке, находящейся на границе сразу трех секторов, одного человеческого и двух крэнхянских, ничего не было. Кроме разве что нескольких астероидов без всяких полезных ископаемых, чистый базальт.

В точке внезапно вспыхнул слепящий белый огонь, в котором началось бешеное мельтешение неизвестных как будто, но в то же время подсознательно знакомых символов. Как это могло совмещаться, Михаил понятия не имел, но совмещалось. Казалось, сейчас он узнает очередной символ, поймет, что стоит за ним, но не успевал сделать этого, поскольку одному символу приходил на смену другой. Но не взирая на это, в сознании постепенно вырисовывалась какая-то неясная пока картина, и Михаил четко осознавал, что сейчас ему передается в память немалый массив информации. И сумев прочитать его, землянин получит ответы на множество вопросов. Причем таких, которые тысячелетиями оставались без ответов.

Запомнив координаты светящейся точки и переведя ее в привычные по гиперпространству величины, Михаил попробовал сам двинуться к ней, не ожидая, пока невидимый вихрь перенесет его. И у него получилось! Рывком капитан оказался перед постоянно изменяющимся полупрозрачным цветком. С ним были связаны, похоже, десятки тысяч миров, если судить по толщине связующих жгутов.

Но что он такое?! Некий центр? Или всего лишь региональный узел некой глобальной сети, точками которой являются миры?

Точно! Глобальная сеть, связывающая буквально все миры вселенной! Именно это, похоже, пытались показать Михаилу. Но какова природа связи? Ведь связаны в основном населенные миры. Неужели основным признаком включения мира в сеть является наличие на нем разума? Похоже на то...

Заставив себя отвлечься от мыслей о сети, Михаил сосредоточился на том, что же все-таки нужно сделать, чтобы выйти из этого иллюзорного пространства в реальное. Он протянул руку к полупрозрачному цветку.

— Ключ доступа! — возник в сознании безличный образ, не голос, а именно то ли зрительный, то ли ментально-эмоциональный образ.

Перед глазами проскочила вереница сложных символов, причем каждый был наполнен силой. Какой силой? Михаил понятия не имел, но ощущал, что не ошибается. Он протянул куда-то руку, опять же зная, что поступает, как надо. И что-то изменил в самой сути мироздания, так ему, по крайней мере, показалось. Это что-то было основой многоного, на чем стояла земная и не только земная цивилизация. Откуда-то пришло осознание, что теперь то же самое стоит сделать и в реальности. И мир станет другим. Лучше и чище.

Одновременно Михаил сомневался — ведь так считают Лонхайт, а они не люди, они, похоже, давно перешли в энергетическое состояние, так что не в состоянии понять человека и его заботы о хле-

бе насущном. Тем более, что он всегда и все будет решать только сам! Прислушаться к кому-то можно, но любую информацию, прежде чем принимать важное решение, требуется как следует осмыслить.

Как только молодой человек осознал то, что не станет идти ни у кого на поводу, что всегда останется собой, что никто не сможет убедить его ни в чем, если не приведет достаточно весомых аргументов, в глазах полыхнуло огнем. Он проморгался и понял, что находится на примятой траве в центре бывшего комплекса. Причем в одиночестве.

Не успел Михаил забеспокоиться, как из воздуха, словно проявляясь на фотографии, возник Гши Тайхау с прижатыми к голове мохнатыми ушами и встопорщившимися усами. А следом за ними Айзат и Лху, с разницей где-то в полсекунды. Они тоже выглядели не лучшим образом.

— Вы видели тот полупрозрачный цветок, не знаю как назвать его иначе? — поспешил спросить капитан.

— Я видел, — неохотно отозвался Гши, явно пребывая в раздумьях. — Но нам никто не поверит...

— Не поверит, — вынужден был признать Михаил.

Действительно, невозможно заставить практических, привыкших верить только в то, что видят и ощущают, людей, поверить в существование некой непонятной сети, связывающей в единое целое все населенные миры. Ведь приборы на вездеходах скорее всего ничего не зафиксировали.

— Но мы же видели! — возмутился Айзат.

— Видеть-то видели, но доказать не можем, — дернул усами Лху Йаннау, покосившись на командира.

Как ни странно, тот не одернул его, невзирая на нарушение субординации, он продолжал над чем-то лихорадочно размышлять.

— Вы определили координаты цветка? — спросил наконец нархэт.

— Определил, — подтвердил капитан. — Думаю, нам следует отправляться туда.

— Я тоже так считаю.

— Тог...

Михаил не договорил, вокруг них внезапно завертелся разноцветный вихрь, и все четверо оказались за границей комплекса, словно их перенесли телепортом. Только ощущения были другими, точнее, их не было вовсе, кроме визуальных эффектов.

— Мать твою! — не сдержался Айзат. — Простите, товарищ капитан...

— Да уж... — покрутил головой Михаил. — Пожале, мы впервые столкнулись с настоящей силой Лонхайт.

— Думаю, вы правы, — скривился Гши. — Стойте, что это?!

Он указал пальцем в небо. Там то и дело возникали белые вспышки, слышались отдаленный гул и грохот. Все это могло означать только одно — на орбите шел бой, и бой неслабый.

— Вот черт! — вскинулся капитан. — Да какого хрена?! Они там одурели?! Договорились же...

— Вот именно, что договорились... — растерянно поддержал его нархэт.

Они переглянулись, безмолвно согласовав дальнейшие действия, почему-то поняв друг друга с полуувзгляда, и ринулись к своим кораблям, одновременно отдавая экипажам приказ готовиться к старту.

Глава 7

Адмирал Романцев стоял на мостице флагманского линкора и внимательно наблюдал за изменениями ситуации на висящем прямо в воздухе голографическом тактическом экране огромного размера. Сражением такого масштаба ему еще не приходилось командовать. Причем началось оно совершенно неожиданно, с провокации, как ни грустно признавать, земного корабля — американского крейсера «Вашингтон». Ведь с крэнхи было договорено о совместном исследовании планеты, где раньше располагался комплекс Лонхайт, на планету уже сели два корабля — русский фрегат и крэнхянский эсминец.

От случившегося отчаянно несло тухлятиной, и Романцев это четко осознавал. Адмирал даже сумел отправить тайно от американцев и европейцев курьера на Землю, сообщая его величеству о случившемся. Похоже, заклятым «друзьям» не по вкусу пришлось то, что совместными с крэнхи исследованиями занялись не они, а русские, вот и предпочли спровоцировать сражение, лишь бы не дать имперцам возможности узнать что-то новое. Как бы эти твари поднявшийся на орбиту фрегат не уничтожили, с них станется.

А ведь день так хорошо начинался! С Земли пришел приказ штаба ОФ сменить дислокацию основного флота, переместиться к планете Н237 и охранять исследовательскую миссию, не позволив противнику захватить земной корабль. Прибыв в указанные координаты, Романцев, как и ожидал, обнаружил там огромный флот крэнхи, явно принадлежащий не одному или двум кланам, а всем шести. В этот момент адъютант вручил адмиралу красный пакет, запечатанный печатью штаба имперского, а не объединенного флота. Только прочитав его, Романцев узнал, в чем дело, и был немало изумлен. Особенно тем, что объединившиеся непонятно почему крэнхянские кланы отправили посла, причем только в Россию, проигнорировав Америку и Европу, что тем, понятно, крайне не понравилось. Однако на словах они согласились, что Империя имеет приоритет в совместных исследованиях, потребовав поделиться их результатами. Как сейчас выяснилось, только на словах...

Романцева никогда не интересовали игры дипломатов и разведок, он был чисто военным и дело свое знал на отлично, не зря имел высшие награды многих стран Земли, а также стал единственным за последние сто лет трижды героем России. Поэтому адмирал расположил свои корабли в удобном для возможного эскадренного сражения положении, что теперь очень помогло, и принялся ждать.

Уже который день командующий пребывал в отвратительном настроении, с досадой вспоминая последний разговор с сыном. Только во время этого

разговора до Романцева дошло, какого слизняка он вырастил, и адмирал недоумевал, как это могло произойти. Неужели из-за вседозволенности? Пожале на то, мать слишком тряслась над «ненаглядной деточкой». Николай, услышав, что ему грозит пожизненный срок, завизжал от ужаса и принял умолять отца помочь. Романцев передал ему ультиматум главы КВИБ-1, потребовав разорвать отношения со своими дружками, но вскоре, несмотря на все заверения Николая, понял, что бесполезно что-либо говорить — это существо, по недоразумению зовущееся его сыном, ни на что не пригодно, только развлекаться желает. Да еще и Марина, жена, орала как резаная, требуя защитить дорогого сыночка от нападок всяких сволочей. Прочтение ею папки с документами ничего не дало, она завопила, что мальчики имеют право на отдых, и пусть поганые квибовцы не лезут не в свое дело. Тогда адмирал задумался уже о том, с кем же он прожил жизнь. И стоит ли эта скандальная, пустая женщина хоть чего-то. Не выдержав, он в сердцах послал Марину к черту и отбыл на флот, на прощание потребовав от сына прекратить позорить седины отца, иначе придется призвать его в армию — может там смогут из дурака человека сделать.

Заставив себя не думать о семейных проблемах, Романцев снова посмотрел на тактический экран — ничего особо не изменилось, к счастью, основные силы кренхи так и не вступили в бой, только передовые эскадры. Чтобы этим американцам, ни с того ни с сего выстрелившим по линкору «котов», и на том свете икалось! Он надеялся, что их уже

черти вилами на раскаленных адских сковородках ворочают. Крэнхи, естественно, ответили на неожиданную атаку всеми силами, передав в эфир, что земляне не имеют чести. Романцев приказал постоянно отправлять сообщение, что произошла ошибка, что это случайность, но «коты» не отвечали.

— Господин адмирал! — повернулся к командующему офицер связи, израильянин, старший лейтенант Игаль Слепак. — По секретному каналу получено сообщение от стартовавшего только что с поверхности планеты фрегата «Тень», приписанного к службе свободного поиска Российской империи. Коды, переданные им, верны.

— Координаты? — хрипло каркнул Романцев.

Офицер связи передал их на коммуникатор командующего. Тот быстро оценил полученное и выругался — чертов фрегат шел в самое пекло, где как раз сцепились двенадцать земных и крэнхянских кораблей. Мало того, среди земных русских не было! Европейские, южноамериканские и халифатские.

Как выяснилось, сообщение с фрегата слышали не только на флагмане ОФ. К его точке выхода на орбиту тут же устремилось множество кораблей, от американских до израильских. Вот же проклятье! Похоже, дорогие союзнички, чтоб им в ад провалиться, решили пойти ва-банк и захватить получивший какую-то важную информацию фрегат любой ценой. В это время опомнились крэнхи и тоже двинули свои силы к месту предстоящих событий.

— Защитить фрегат любой ценой! — выдохнул Романцев. — Выпускайте «безумцев»! Им передай-

те, что любой, кто попытается захватить этот самый фрегат без моего личного приказа, — враг. И поступать с ним следует соответственно!

Этот приказ вызвал множество возмущенных всплесков со стороны американцев и европейцев, но подвергаться атаке «безумцев» никому не хотелось, поэтому их корабли нехотя оттянулись от точки выхода. А адмиралу стало страшно — он осознал, что только присутствие крэнхи не дало сейчас землянам передраться. До этого был один шаг. Ненависть между «свободным» миром и империей копилась веками, и этот нарыв был на грани прорыва.

Романцев, отбросив все ненужные мысли и сомнения, внимательно смотрел на тактический экран, иногда легкими движениями ладоней меняя на нем что-либо — эти движения передислоцировали отдельные корабли и целые соединения. Взгляду адмирала предстала самая странная из когда-либо виденных картин — земной и крэнхянский корабли поднимались на орбиту в едином защитном ордере, прикрывая друг друга. Как это возможно?! Что тут, черт возьми, вообще происходит?!

Когда фрегат русских и малый эминец крэнхи наконец оказались в космосе, они тут же завертелись в каком-то непонятном тактическом приеме, Романцев такого никогда не видел и даже упоминаний ни о чем подобном не встречал. Что они вытворяют? Зачем?! Но ничего понять не смог, хотя и заметил, что оба корабля вполне успешно уходят от всех атак — а их атаковали и земляне, и крэнхи. Причем некоторые из кораблей «котов» наоборот защищали

вышедших на орбиту, стреляя в своих! Да что же это такое?! Что здесь творится, будь оно все проклято?!

Похоже, американцы, получив приказы своего правительства, решили сделать все, чтобы захватить русский фрегат или хотя бы уничтожить его, рискуя тем самым войной с Империей. Они рвались к «Тени», забыв обо всем, не обращая внимания на вызовы и приказы командования. Бразды управления флотом окончательно выскользнули из рук Романцева, и он просто не знал, что делать дальше.

— Товарищ адмирал, — дотронулся до его плеча кто-то, он говорил по-русски, а не на интерлингве. — Ситуация «Красный штурм».

Возле Романцева стоял, протягивая ему небольшой ярко-алый конверт, неприметный офицер — всего лишь капитан третьего ранга. Он никогда ничем не выделялся, только сам адмирал и его русские заместители знали, что на самом деле это уполномоченный представитель КВИБ-2.

Командующему от этих слов стало нехорошо — «Красный штурм» означал начало полномасштабной войны с США и Объединенной Европой. Он понимал, что в этот момент на всех русских кораблях арестовывают американских и европейских офицеров, а на их кораблях — наоборот русских.

Он с треском разорвал конверт, на сей раз запечатанный личной печатью императора Александра VI, и вчитался. От полученных приказов волосы адмирала чуть не встали дыбом. Его величество сошел с ума?!! Он предлагает?.. Нет, не предлагает, приказывает. А Романцев — военный, он обязан исполнить любой приказ, присягу давал. Значит, выполнит. Вот

только случится ли то, что предполагает его величество?..

В этот момент нужной точки орбиты достигли шесть эскадрилий «безумцев», они с ходу накинулись на крэнхянские, европейские и американские корабли, взяв под защиту «Тень» и «Поиск». Завертелась кровавая карусель. За считанные мгновения несколько линкоров и крейсеров приказали долго жить — их пилотам и канонирам было не тягаться с «безумцами». Остальные, поняв, что их за своих больше не считают, огласили эфир руганью, крича, что проклятые русские за это заплатят. Но на их вопли никто не обратил внимания.

Через две минуты после начала общей свалки к месту боя подошли несколько истребительных эскадрилий крэнхи, чьи машины были раскрашены самым диким образом, из чего следовал однозначный вывод, что это тоже «безумцы». Они без промедления включились в сражение, помогая своим земным собратьям. При виде этого Романцев даже глаза протер, но на тактическом экране ничего не изменилось — люди и крэнхи сражались вместе против своих сородичей, защищая два уже порядочно побитых небольших корабля. Да откуда его величество узнал, что так будет?!

Совместно земные и крэнхянские «безумцы» как метлой вымели из окружающего пространства все корабли, они уничтожали каждый осмелившийся приблизиться к фрегату или эсминцу.

— Господин адмирал! — заговорил офицер связи. — Исходя из перехваченных переговоров, у крэнхи происходит то же, что и у нас. Флоты двух

кланов отказались выполнять приказы командования и стремятся любой ценой захватить или уничтожить эсминец «Поиск». Кораблям остальных четырех кланов отдан приказ атаковать их без запроса «свой-чужой».

— Свяжитесь с крэнхианским командующим, — зло бросил Романцев, вспомнив приказ императора.

— Слушаюсь! — отозвался Слепак.

Через несколько минут на экране сбоку появился крэнхи, седой, весь испещренный шрамами, четко видимыми даже сквозь густую шерсть. Его желтые глаза горели с трудом сдерживаемым гневом. Адмирал поклонился ему четко выверенным церемониальным поклоном, «кот» ответил тем же.

— Айтхар¹ Йон-Артау!

— Адмирал Романцев!

— Мы равны по рангу! — оба одновременно завершили ритуальную фразу.

— У нас, похоже, общая проблема, — заговорил землянин. — Бунт части наших флотов, принадлежащих определенным кланам. У нас восстали американцы и европейцы.

— А у нас — Шха-Майянх и Тхай-Меййон, — неохотно сообщил крэнхи. — Они откуда-то получили информацию о том, что от находок на этой планете будет зависеть дальнейшая судьба и нашей, и вашей цивилизаций.

Так вот почему американцы с европейцами встали на дыбы! В свете сообщенного Йон-Артау все

¹ *Айтхар* — крэнхианский адмирал.

странные последних дней прояснялись. Что же такого нашли ребята с фрегата? Ведь из-за этого Империя теперь в состоянии войны со Штатами и Европой, если он не ошибается. Объединенного флота Земли больше не существует! Такого вероломства император не простит. Да и у крэнхи дела обстоят не лучше — два самых сильных и больших клана объединились против остальных.

— Мне поручено сообщить, что четыре клана будут соблюдать договоренность с вашим вождем, Александром VI, — продолжил айтхар. — Предлагаю объединить силы, чтобы дать отпор бунтовщикам.

Предложение старого врага заставило Романцева задохнуться, однако опытный флотоводец сразу оценил все его преимущества. К тому же оно полностью соответствовало приказу императора. Ну откуда его величество мог заранее все узнать?! Хорошо русская разведка работает, ничего не скажешь. Однако вопрос в том, с кем пойдут израильские, халифатские и южноамериканские корабли. К счастью, здесь достаточно русских.

Еще на одном экране появилось разгневанное лицо американского адмирала Джеферсона.

— Не делай этой ошибки, Анатоль... — прошипел он. — Не стоит...

— Я не могу допустить, чтобы вы захватили фрегат! — отрезал командующий. — Вы перешли все и всяческие границы! Какого хрена, Майкл?! Вы там с ума посходили?! Договорились же о совместных исследованиях! Что на вас нашло?!

— Я получил приказы своего правительства и буду выполнять их, — американец скривился,

ему, похоже, эти самые приказы не слишком нравились, но выбора он не имел. — И сразу предупреждаю, что не допущу, чтобы фрегат оказался не у нас или европейцев. Сейчас на него нацелены все гиперорудия наших линкоров. Если он попытается уйти, то будет тут же уничтожен. Не начинай из-за одного корабля большую войну, Анатоль... Отдай его нам...

— Не имею права! — буквально выплюнул Романцев. — У меня тоже есть свои приказы. Войну начали вы, а не мы! Отступись, Майл, или будет хуже.

— Не могу, — с этими словами американец отключился.

— Что ж, айтхар, — повернулся к крэнхи адмирал, — я вынужден принять ваше предложение. Думаю, наших объединенных сил хватит, чтобы отстоять свою точку зрения. Наши «безумцы» уже объединились. Прошу только дать мне немного времени, чтобы выяснить, с кем пойдут остальные три клана флота.

— Конечно, — наклонил голову Йон-Артау. — Я свяжусь с вами через четверть часа, после переслокации своих эскадр. Передаю вам общие коды контроля и жду того же в ответ.

— Передайте наши коды, — приказал Романцев офицеру связи, едва крэнхи отключился.

Затем он обратился к флоту, предложив экипажам израильских, халифатских и южноамериканских кораблей выбрать сторону. Израильские тут же двинулись к русскому флоту, они еще в двадцатом и двадцать первом веках насмотрелись на лицемерие штатовцев и не доверяли им ни в малейшей степени,

предпочитая иметь дело с Империей. Как ни странно, их примеру последовали и халифатские. А вот южноамериканские решили остаться нейтральными и покинули поле боя. Им вслед понеслись вызовы Джонсона и европейских адмиралов, но они не обратили на эти вызовы внимания и вскоре скрылись в гиперпространстве. Впрочем, израильских, халифатских и южноамериканских кораблей никогда не было особо много — основную нагрузку по содержанию Объединенного Флота несли Империя, Европа и США. И сейчас силы двух последних в полтора раза превышали силы русских. Если не считать, конечно, флотов четырех кланов крэнхи.

Романцев нервно сжимал кулаки — ему предстояло стрелять по тем, с кем не раз дрался спиной к спине, и это ему очень не нравилось. Да что же такого нашел проклятый фрегат, что ради этого американцы и европейцы готовы начать войну?! И откуда они узнали, что это так важно? Сплошные загадки! А император откуда мог знать, что четыре клана предложат объединить силы? Хотя да, в Империю ведь явился их посол, значит, его величество с этим самым послом вполне мог договориться о совместных действиях. Проклятье, но это все равно не объясняет, почему американцы и европейцы не пожелали вместе с русскими и крэнхи изучать находки! Нет, они готовы на все, чтобы либо заполучить информацию только себе, либо сделать так, чтобы она не досталась никому. Почему?! Адмирал растерянно потряс головой.

— Товарищ адмирал! — вскинулся оператор сканеров пространства. — Что-то происходит, но ска-

неры этого не отражают! Вывожу на экран события в реальном масштабе времени!

Боковая стена рубки превратилась в экран, на котором показалась покрытая редкими облаками планета. Она резко приблизилось, и взглядам офицеров предстала точка выхода фрегата с эсминцем на орбиту. Вокруг них все же мошками вились истребители земных и крэнхянских «безумцев». А вот с самими «Тенью» и «Поиском» творилось что-то непонятное — они опасно сблизились, корпус каждого корабля раздвинулся, наружу выскользнули какие-то странные серебристые щупальца, не похожие ни на что знакомое — это явно были не человеческие и не крэнхянские технологии, они, скорее, походили на артефакты Лонхайт.

Серебристые щупальца соединились, образовав из себя некую конструкцию, по которой в то же мгновение пробежали волны разноцветного сияния. Два корабля повернулись параллельно относительно друг друга, на пару секунд покрылись мглой, затем расплылись двухмерными тенями и... исчезли, словно их тут никогда и не было. Вместе с ними пропали два истребителя, земной и крэнхянский, и болтавшаяся неподалеку спасательная капсула с американского корабля.

— Ну ни х... себе! — не выдержал Романцев. — Это что было?!

— Точно так же исчез после старта комплекс Лонхайт, с теми же эффектами, — доложил оператор сканеров пространства.

— Ясно... Ай, молодцы, ребятки! Ай, молодцы! Надули пиндосов!

«Безумцы», поняв, что охранять им больше неко-го, тут же ринулись в стороны — и очень вовремя. От данного в отчаянии залпа гиперорудий амери-канских и европейских линкоров пространство-вре-мя в точке выхода превратилось в нечто малопред-ставимое, аномалию, уцелеть в которой не смог бы ни один корабль.

— Поздно, Майкл, поздно... — прошептал себе под нос Романцев. — И что ты теперь будешь де-лать?

К счастью, после того, как исчезла причина кон-фликта, американцы нападать не стали. Четыре фло-та — два земных и два крэнхянских — осторожно разошлись в стороны и покинули окрестности пла-неты Н237, скрывшись в гиперпространстве. Од-нако вместе с русским флотом ушел крэнхянский курьер. И наоборот.

* * *

— Ну что там происходит? — нетерпеливо спро-сил Михаил у Штейнберга, занявшего свое место за пультом сканеров.

— Ничего хорошего, капитан... — пробурчал тот. — Наши сцепились с «котами». А мы шуруем прямо в центр схватки, траекторию менять уже позд-но.

— Что по связи говорят?

— Пиндосы это начали, напали на «котов», те, по-нятно, ответили, — покосился на капитана Тупило. — Командует нашими Романцев, так ни евры, ни пин-досы его не слушают. Ох, ни хрена ж себе!

— Что там? — подался вперед Михаил.

— Они, сволочи, за нами охотятся! — пояснил свой возглас бортинженер. — Адмирал послал в точку нашего выхода «безумцев», приказав открывать огонь на поражение по любому, кто наш фрегат захватить попытается!

— Ничего не понимаю... — растерянно выдавил капитан. — Вроде была же договоренность...

— Ага, лучше вспомни, что мы просто первые успели, — ухмыльнулся Айзат. — Может, американцы потому и дурят, что сами на нашем месте оказались планировали, да опоздали. То, что мы видели... — татарин поежился. — Это же все изменит, всю нашу цивилизацию!

— А что вы там видели? — подозрительно прислушулся Хмелин.

Переглянувшись с Айзатом, Михаил принял-ся рассказывать, хоть и несколько скомкнано — время до подъема на орбиту еще было, но не слишком много. Он понимал, что передать все, что ощущал, просто невозможно. Ну как объяснить новую концепцию мироздания, которая ему самому стала абсолютно ясна? Но, как ни странно, кое-что экипаж все же понял, что стало ясно из их вопросов. Особенно отличились «безумцы».

— Давно подозревал что-то в этом духе... — задумчиво произнес Суровцев, потирая переносицу. — Особенно, когда в полном слиянии с машиной идешь, ощущается. На грани сознания некая странная сеть... И чувство, что надо только потянуться к ней, чтобы сделать шаг в нечто огромное... Не знаю, как еще это объяснить...

— Точно! — энергично закивал Шайганов. — Какой-то малости не хватает, чтобы не сорваться в это самое нечто.

— И летается на грани перехода куда лучше, чем в обычном состоянии, — согласился Хряченко.

В этот момент зазвучал зуммер вызова.

— Капитан, вызывают с кошачьего эсминца, — сообщил Тупило.

— Давай!

На экране появилось лицо Гши Тайхаяу. Он коротко поклонился и заговорил:

— У нас большие проблемы. Два наших и два варших клана взбунтовались, они почему-то уверены, что мы узнали нечто очень важное и готовы пойти на все, лишь бы эту информацию перехватить. Мне кажется, что допускать этого нельзя. А потому предлагаю равному по рангу обет эрхайт онно-ай! На время поиска. И все пополам.

Во взгляде нархэта горела жестокая решимость. Земляне ошарашенно смотрели на него, не в силах осознать, что им, представителям совсем иной, враждебной цивилизации предложили такое. Боевое братство в традициях древних кланов народа крэнхи! На время выполнения важного похода — и все разумные, не входящие в это временное братство, становились до окончания срока действия обета врагами или, по крайней мере, соперниками побратимов.

— Да, никто, кроме тех, кто видел то же, что и мы, не поймет, почему любой ценой необходимо пройти этот путь до конца... — хрипло добавил Михаил, переглянувшись с Айзатом. — Прошу остальных

верить мне, я сейчас говорю от имени императора, мне дано такое право на время похода, — он достал из-за пазухи висевший на цепочке небольшой кулон с изображением двуглавого орла, слегка сжал, и тот два раза вспыхнул алым, а затем засветился ровным белым светом, подтверждая сказанное. — От имени великого клана Российская империя я, Михаил Иванович Шмелев, командир фрегата «Тень», даю обет эрхайт онно-ай нархэту Гши Тархау и его экипажу!

— Благодарю! — поклонился крэнхи. — Я, Гши А-Ринно Тархау, старший сын эклара великого клана Дха-Вертонх, даю обет эрхайт онно-ай Михаилу Ивановичу Шмелеву и его экипажу! От имени клана! Да будет так!

Он достал кинжал, рассек себе руку и широким взмахом окропил кровью пространство перед собой. Михаил последовал его примеру. Остальные земляне изумленно переглядывались. Котик-то оказался далеко не прост — наследный принц, ни больше ни меньше. Решение командира как раз не удивило — другого выхода они и сами не видели. Раз американцы решились плюнуть на союз с русскими, только чтобы захватить «Тень», то этого нельзя допускать ни в коем случае. Хоть и не особо понятно, что дает информация о странной сети и пути следования по ней комплекса Лонхайт, но ее должна получить в первую очередь Империя и, по договоренности с его величеством, крэнхи. В первую очередь клан Дха-Вертонг. А все остальные — потом.

— Это все хорошо, но до выхода на орбиту — пять минут, — нарушил торжественность момента

бортинженер. — Надо что-то делать, а то мы в самое пекло премся.

— Предлагаю боковой врачающийся ордер, и у нас, и вас пилотами «безумцы», — распушил усы Гши. — Больше никто с этим приемом не справится. Вряд ли канониры кораблей, что наверху, могут ожидать такое. Они просто не попадут. А там и истребители, посланные вашим адмиралом, подойдут. Наши немного позже подоспевают, айтхар Йон-Артау тоже отдал нужные приказы.

На экране появился еще один крэнхи, он насмешливо оскалился и принялся объяснять Хряченко суть маневра. Тот, слушая, хмыкал, то и дело вставляя пару слов. Пилоты, невзирая на принадлежность к разным расам, понимали друг друга с полуслова и быстро распределили обязанности. Еще до выхода за пределы атмосферы фрегат с эсминцем завертелись один вокруг другого, словно сумасшедшие — действительно, такое не мог вытворить никто, кроме «безумцев», физически не мог, необходимо было ощущать корабль своим телом, чтобы не столкнуться.

— Ну, с Богом! — выдохнул Михаил.

В этот момент оба корабля покинули атмосферу планеты, оказавшись в гуще «собачьей свалки», как называли схватку всех против всех. На фрегат и эсминец тут же посыпались требования немедленно сдаваться, иначе будут уничтожены.

— А вот хрен вам, паскуды! — азартно выдохнул Хряченко, вывернув корабль в каком-то диком выраже. Причем этот выраж зеркально повторил пилот «кошачьего» эсминца.

Михаил едва заметно усмехнулся — эти двое друг друга явно стоили. Хороши, черт бы их подрал! Ему самому пилотом такого уровня никогда не стать, что ничуть не удивительно — не безумец.

— Защитное поле поднято! — доложил бортинженер.

К сожалению, на малых кораблях защитное поле не могло держаться долго, слишком энергозатратно, не втиснуть генераторы достаточной мощности в небольшой объем — по-настоящему действенные использовали только линкоры и крейсера первого класса, да и тем поля помогали далеко не всегда. Например, против истребительной атаки они были совершенно бессильны. Зато против гиперорудий защищали неплохо.

На «Тень» обрушился удар — кто-то из американцев попал, но поле отклонило торпеду, взрыв только встряхнул корабль. Михаил выругался — целили явно в двигатели, что может значить только одно — хотят взять живыми. И они посмели атаковать, не взирая на позывные имперского флота! Значит, это война. А раз война, то...

— Огонь на поражение в ответ! — жестко скомандовал молодой капитан, вцепившись в подлокотники своего кресла. — Всеми видами вооружений, включая гравилуч!

Экипаж работал четко, слаженно, держа связь между собой и капитаном через искина, на сей раз обходящегося без своих обычных загадок и подковырок. Хорошо хоть он не говорил вслух, общаясь с каждым только через его личный голограммиче-

ский интерфейс. «Безумцы» уверенно управляли фрегатом, уворачиваясь от торпед и лазерных лучей.

— Получи, с...а! — азартно выдохнул Вахтанг Сванидзе сквозь зубы. — Есть попадание!

Новое оружие, гравилуч, оказалось для противника неприятным сюрпризом, и Михаил кивнул, наблюдая, как линкор «Джон Кеннеди» разваливается на куски. Похоже, американцы даже не поняли, что случилось, если судить по перехваченным переговорам, решили, что по нему издалека ударили гиперорудием, подловив момент снятия защитных полей для залпа.

Но ситуация ухудшалась с каждой минутой — в бой вступало все больше американских и европейских кораблей. Мало этого, так часть кораблей крэнхи тоже сцепилась со своими — два клана, Шхамайянх и Тхай-Меййон, все же восстали по непонятным для землян причинам. И все стремились добраться до «Тени» с «Поиском». Хотя нет, редкие крэнхянские корабли защищали их.

— Как выбираться будем, командир? — хмуро спросил Суровцев.

— Пока не знаю, — вздохнул Михаил. — Но живыми в руки либерастов мы попадать права не имеем. И если не останется другого выбора, я активирую систему самоуничтожения. Прошу одобрения экипажа.

По губам «безумца» скользнула едва заметная улыбка, он медленно наклонил голову. Остальные тоже сообщили, что согласны, хотя по уставу их согласие и не требовалось. Но принято было, идя на верную смерть, спрашивать, и этот обычай никогда

не нарушался, ведь трусов среди русских военных обычно не водилось. Капитан поблагодарил экипаж улыбкой, затем достал из своего браслета специальный ключ, вставил его в гнездо на левом пульте и три раза повернул, после чего ввел пароль. Теперь для взрыва корабля требовалось всего лишь еще два раза повернуть ключ и подтвердить приказ словесной формулой, известной только действующему капитану и меняющейся три раза в сутки при помощи искина.

Ситуация продолжала ухудшаться — все больше европейских, американских и крэнхянских кораблей включались в бой, выбивая немногочисленных защитников. Они явно стремились захватить фрегат с эсминцем до подхода подразделений «безумцев». К счастью, земляне и крэнхи не успели договориться и действовали вразнобой — только это пока и спасало.

Не успели! Шесть истребительных эскадрилий ворвались на поле боя и завертелись в своей коронной карусели, за несколько минут выметя из окружающего пространства крейсера и линкоры, почти беззащитные против атаки «безумцев» на вертких, прекрасно вооруженных машинах. Что интересно, ни один из американских или европейских «безумцев» не перешел на сторону своих земляков, все продолжили выполнять приказ командующего. Впрочем, неудивительно, все знали, каково омерзение «безумцев» любой национальности к обществу, в котором главную роль играют деньги. Слишком они отличались от обычных людей, слишком другими были, слишком иными интересами обладали, чтобы

пойти на поводу у подонков, устроивших эту бойню ради собственной выгоды.

Еще через четверть часа подоспели крэнхианские «безумцы» и ринулись на помощь своим земным братьям, имея, видимо, на то приказ своего командующего. Как ни странно, земляне каким-то образом поняли, что «коты» им сейчас не враги, а союзники, наверное, интуитивно.

Михаил со злорадной ухмылкой слушал, какими словами кроют американцы и европейцы осмелившихся противостоять им русских. А нечего было нарушать договоренности! Нечего было пытаться захватить «Тень»! Совсем обнагели, до последней точки дошли. Жаждут получить первыми информацию, способную изменить всё. А ведь он и сам пока еще ничего толком не знает! Да, осознал наличие во вселенной некой всеобъемлющей структуры, пронизывающей все вокруг, но не более. Что это такое? Для чего? Как можно воспользоваться? И нужно ли? Ответов нет. Сначала необходимо обнаружить комплекс Лонхайт. Для этого стоило вместе заниматься исследованиями, а эти пожелали отхватить все себе. Понятное желание, конечно, но сделать это так топорно? Проблема в том, что в гиперпространство не уйти, сканеры сообщают, что на фрегат нацелено сотни полторы мощных гиперорудий и сотни торпед. Одним залпом в мелкий мусор превратят.

Воцарилось шаткое равновесие — бунтовщики отошли, но заняли позиции вокруг таким образом, чтобы отрезать «Тени» и «Поиску» любые возможности прорыва. «Безумцы» мошками вились вокруг

них, тут же жестко реагируя на попытку приближения корабля любой принадлежности.

— Полное включение! — скомандовал Михаил.

— Простите, товарищ капитан, но зачем? — не выдержал Хмелин.

— Не знаю... Но чувствую, что это может помочь.

— Мы же не отрабатывали полное включение.

Для срабатывания экипажа в нем требуется как минимум полгода...

— Знаю, — вздохнул Михаил. — Но я не вижу другого выхода. Осталось надеяться только на интуицию. А она буквально кричит о включении...

«Безумцы» переглянулись, затем дружно наклонили головы. Бывший полковник покосился на них и тоже кивнул, остальные последовали его примеру. Неудивительно, что они сомневались — прямое включение, кроме истребителей «безумцев» почти никогда не использовалось, поскольку человеческое сознание было не в состоянии оперировать такими потоками данных. А уж тем более множественное включение. Странно как раз то, что члены экипажа решили пойти на поводу у молодого капитана, почти не имеющего опыта.

Решившись, Михаил активировал имплант, прогнал тесты, привел в рабочее состояние и присвоил себе первый ранг — ведущего. Пилоты и канониры в то же мгновение последовали за ним, встав в создаваемой иерархии на ранг ниже. Задержав дыхание, капитан отдал мысленный приказ на активацию полного включения. Чувства начали медленно гаснуть, затем погасли окончательно, оставив Михаила на мгновение в полной темноте и тишине, он пе-

рестал чувствовать тело. А затем его телом стал сам фрегат. Он ощутил все полученные в бою повреждения — они противно саднили. Двигатель чувствовался чем-то базовым, основным, связи от него шли по всем системам корабля.

Потянувшись к оружейным системам, Михаил впервые по-настоящему осознал, что такое работать с опытным экипажем — раньше он командовал кораблями только в обычном режиме. Ему достаточно было желанием отдать приказ, а уж конкретику, не показывая своего присутствия, брали на себя канониры. Точно так же действовали и остальные — от пилотов до бортинженера и врача. Краем сознания капитан ощущал неуверенное присутствие Айзата и Даниила — они вообще работали в прямом слиянии третий раз в жизни, поэтому старались не привлекать к себе лишнего внимания.

«Искин, запустить предстартовые тесты!»

Тот ничего не ответил, но его скепсис Михаил четко ощущал и внутренне смущился, постаравшись не показать этого. Действительно, эти тесты сейчас нужны, как собаке пятая нога, но ему нужно было освоиться, да и время подумать о том, почему интуиция так требовала прямого включения, требовалось. Почему-то из головы не шли упомянутые Старым Зубром устройства в двигателе, назначение которых русские ученые понять не смогли. А ведь управление множеством артефактов Лонхайт шло только через мысленный интерфейс. Что, если попробовать активировать эти самые непонятные устройства? Риск? Конечно! Но какой еще выход из ситуации есть?

Так что терять нечего. Вдруг получится? Вдруг поможет?

Дождавшись включения всего экипажа и получив окончательный контроль над кораблем, Михаил потянулся сознанием к двигателю и принял внимание обследовать его. Вскоре ему удалось обнаружить намеки на какие-то тени вокруг контуров гипергенератора, словно онный генератор был окружен чем-то невещественным, но при этом существующим. Сосредоточившись, курсант направил к неизвестному нечто желание его активации.

«Проверяю право доступа к точечному двигателю и системам ориентации в сети, — раздался в ответ безличный голос, и перед глазами побежали ряды незнакомых символов. — Коэффициент сетевой толерантности — 0,3 тарха по шкале Ллин-Грай. Втрое превышает обычный для данного биологического вида. Коэффициент осознаваемости действий — 0,06 инх по шкале Майхара. Мозговые импланты недостаточной мощности. По прибытию на синхронизацию требуется внедрение новых, как минимум первого класса адаптивности. На данный момент возможен доступ в минимальной конфигурации, позволяющий не более двух переходов в стандартные сутки».

«Кто это?! — вскинулся землянин. — Где вы?!»

«Интеллектронная система Л300 двигателя марки НХ345-РВ, предназначенная для облегчения расчета курса при точечных сетевых перемещениях первого и второго классов. Более сложные рассчитываются только самим пилотом после внедрения пилотских имплантов».

«Искин! — позвал Михаил. — Ты это слышишь?!»

«Что слышу? — удивленно отозвался тот. — Ничего не происходит. Вы отправили не входящие в перечень описанных запросы к двигателю, ответа, естественно, не получили».

Интересно! Значит, даже искин не слышит эту самую Л300. А остальные люди? Он спросил об этом интеллектронную систему и получил ответ, что для общения остальные разумные на борту не обладают достаточной сетевой толерантностью, у них этот уровень меньше 0,1 тарха.

«Л300, возможно ли использовать мой мозговой имплант для твоего доступа в общую сеть, чтобы остальные тебя слышали?»

«Возможно, хотя мощность импланта недостаточна. Кроме вас могу предоставить другим только внешний доступ».

«Дело в том, что я не пилот, корабль пилотируют “безумцы”, они лучшие».

«Прошу разрешения на сканирование возможностей пилотов».

«Разрешаю».

Прошло несколько мгновений в субъективном восприятии, именно в субъективном, на самом деле Михаил общался с Л300 не дольше нескольких на-носекунд.

«Вы называете “безумцами” прирожденных пилотов, хотя их дар несколько необычен, урезан и неразвит, — сообщила интеллектронная система. — Управляющему кораблем пилоту будет дан ограниченный доступ к контурам точечного двигателя после получения приказа капитана. На борту

только вы обладаете достаточным для этой должности уровнем сетевой толерантности. Вы являетесь капитаном?»

«Да! — отрезал Михаил, пытаясь понять, что такое эта самая сетевая толерантность и для чего она нужна. — Назначен на должность приказом императора!»

«Принято, — голос Л300 остался таким же безразличным, хотя курсанту показалось, что от него повеяло легкой иронией, скорее даже намеком на нее. — Сообщаю, что в двух стандартных единицах обнаружен корабль с однотипным двигателем и интеллектронной системой Л250 предыдущего поколения. Мы обменялись опознавательными кодами».

«Что это за корабль?!»

«Малый эсминец клана Дха-Вертонх “Поиск”, приписан к шестому межклановому флоту. Капитан Гши А-Ринно Тайхай. Точечный двигатель активирован».

Михаил чуть не расхохотался. Ай да Гши! Ай да жук! У него, оказывается, кораблик тоже непростой, тоже с двигателем Лонхайт, да еще и однотипным. Но это значит... Это значит, что они смогут вырваться вместе!

«Капитан “Поиска” в контакте с Л250? — поинтересовался он. — С ним можно связаться?»

«Да, — отозвалась Л300. — Произвожу сопряжение».

Странно, но Михаил был полностью уверен в правильности своих действий, хотя с любой точки зрения они выглядели странно. И в самом деле, ну кто в здравом уме станет использовать непонятное инопланетное устройство, даже не зная, что оно дела-

ет? Никто! Тем более что люди еще никогда не сталкивались с интеллектуальными системами Лонхайт. И если бы ситуация была обычной, то молодой капитан на форсаже бы ринулся на Землю, чтобы отдать все это в руки ученых. Но русских ученых! Или хотя бы всеземных, но никак не только американских или европейских, жаждущих заполучить новые знания для себя, а не для всей планеты. А раз так, то любые методы противодействия оправданы.

«Кто здесь?» — раздался раздраженный голос Гши.

«Михаил, — отозвался землянин. — На нашем корабле, как и на вашем, двигатель Лонхайт».

«Ясно, — успокоился крэнхи. — Вы тоже решили рискнуть и попытаться активировать точечный?»

«Да, — подтвердил Михаил. — Другого способа уцелеть и добраться до той точки, что мы видели, я не знаю. Там что-то крайне важное, мы обязаны узнать, что именно!»

«Обязаны, — согласился Гши. — Давайте вспомним маршрут через сеть, показанный нам, и попробуем передать его нашим интеллектуальным системам».

«Давайте».

Землянин и крэнхи одновременно обратились к Л300 и Л250, сформировав в сознании виденную во время посещения бывшего комплекса картину бесконечных связей между звездами 64-го сектора и проложенный между ними маршрут.

«До точки назначения не менее десяти переходов, плюс-минус один, в зависимости от избранного конкретного маршрута, — тут же отозвалась Л300. — Неопытный пилот способен производить не более

одного прыжка в течение двенадцати стандартных часов. В ином случае пострадает мозг, вплоть до полного выгорания».

«Э-э-э, а ускорить никак нельзя?..» — поинтересовался Михаил, которому никак не хотелось тратить на дорогу пять-шесть суток.

«Если произвести сопряжение силовых, энергетических и интеллектуальных ресурсов двух кораблей с однотипными двигателями, то путь можно сократить до двух сложных переходов второго уровня. Однако советую увеличить до трех, поскольку, как я вижу, отсюда нужно срочно уходить, а на расчет курса потребуется немало времени. Поэтому предлагаю перейти в очень далекую физически, но доступную через сеть за один переход систему».

В голосе Л300 опять слышалась ирония, и Михаил подумал, что эта система, скорее всего, разумна и осознает себя, но почему-то притворяется обычной машиной. Впрочем, сейчас не до загадок, сейчас главное — выбраться из ловушки! Гши тоже недолго сомневался и дал разрешение на объединение кораблей.

«Стоп, а каким образом это соединение произойдет? — поинтересовался землянин. — Нужно состыковать корабли?»

«Нет, только приблизить примерно на десять метров, все остальное сделают формируемые в данный момент колонии нанитов».

Нанитов? Это на какой же высоте у Лонхайт находились нанотехнологии? На Земле их так и не сумели довести до ума, точнее их размерность упиралась в некий барьер, зайти за который земные учёные, как ни старались, не смогли.

Пока формировались колонии, Михаил через имплант сообщил остальному экипажу о происходящем. В ответ получил сперва ошарашенное молчание, а затем море вопросов, на которые, чаще всего, ответа не знал. Поэтому попросил отложить разговор до прибытия в безопасное убежище.

Случившееся дальше походило на дурной фарс, если смотреть с точки зрения здравомыслящего человека. Земной и крэнхянский корабли сблизились, а затем их корпуса разошлись, выпустив наружу серебристые щупальца. Но в конструкции ни того, ни другого люков в этих местах не было предусмотрено! А уж о каких-то щупальцах речи вообще не шло. Эти самые щупальца соединились, и Михаил ощутил, как и Гши, сразу два корабля.

Откуда-то пришло знание, что нужно делать, и два навигатора избрали точку перехода, получили от интеллектуальных систем расчет курса и активировали двигатели. Им показалось на мгновение, что они стали плоскими, затем, что их протянуло сквозь узкую горловину, и «Тень» с «Поиском» исчезли для стороннего наблюдателя.

Ни Михаил, ни Гши не заметили, что случайно прихватили с собой два истребителя и спасательную капсулу с погибшего американского корабля.

Глава 8

Император молча оглядывал собравшихся за длинным столом людей, кое-кто из которых присутствовал лично, а кое-кто — через шифрованную

голографическую связь. В общем-то, круг собрался довольно узкий, но именно от этих людей зависело в Российской империи всё. Командующие армией и флотом с заместителями, директора КВИБ-1 и КВИБ-2, основные министры, начальник флотской разведки и несколько человек непонятной принадлежности, среди которых был, как ни удивительно, академик Шпагин, которого все его знакомые считали безобидным ученым чудаком. Вот только сейчас старик не был похож на себя — куда только подевалось вечное добродушие, глаза ученого стали жесткими и решительными. И впервые на таком заседании присутствовал адмирал Романцев, изумленный оказанной ему честью — до сих пор во внутренний круг императора его еще не приглашали. К сожалению, участвовал через голосвязь, а не лично — флот еще не успел дойти до Земли.

— Итак, нарыв все-таки лопнул, они не выдержали, — нарушил молчание академик. — Я только не могу понять, почему он лопнул из-за крохотного кораблика. Что такого нашли на этой планете?

— Николай Петрович, — император посмотрел на Томилина. — Озвучьте.

Тот коротко рассказал о случившемся на планете Н237 с группой лейтенанта Карпина, точнее, о том, что стало известно. Затем сообщил, что для поиска улетевшего комплекса было направлено две группы на особых фрегатах с двигателями Лонхайт, найденными в дальнем космосе одной из экспедиций. Группы возглавляют курсанты ВПА, входящие в список № 1. Все, кроме Романцева, поняли, о чем речь, так как переглянулись, но адмирал не обратил на это

внимания — был слишком озабочен другими вопросами.

— Первым до Н237 добрался фрегат «Тень» под командованием Михаила Шмелева, на орбите он встретился с флотом крэнхи. Те выполнили достигнутую в Санкт-Петербурге договоренность и отправили для совместного исследования свой эсминец под командованием старшего сына вождя клана Дхавертонх, Гши Тайхау. Позже выяснилось интересное обстоятельство — обнаружить что-либо на территории бывшего комплекса могли только человек и крэнхи вместе, поодиночке ничего не находили, хотя и нами, и ими было сделано множество попыток. Но только после совместного проникновения там что-то нашли, зафиксировано, что Шмелев вместе со своими спутниками три раза бесследно исчезал с территории комплекса, но через несколько часов возвращался.

Он немного помолчал и продолжал:

— К сожалению, после возвращения капитана с фрегата не успели ничего сообщить — началось сражение. Почему американцы и европейцы вдруг словно сошли с ума — мне неизвестно.

— Мне известно, — тяжело уронил директор КВИБ-2.

— Прошу вас, Рихард Модестович, — перевел на него взгляд император.

— До них откуда-то дошли сведения, что от обнаруженной на Н237 информации будет зависеть, ни много ни мало, судьба обоих цивилизаций, нашей и крэнхи. Откуда они это взяли, наши агенты выяснить не сумели. Судя по косвенным данным, то же

самое сподвигло на бунт и два клана крэнхи — Шха-Майянх и Тхай-Меййон.

— Крайне любопытно... — постучал пальцами по столу академик Шпагин. — Но это не все, как я понимаю?

— Не все, — вздохнул Томилин. — Но адмирал Романцев видел случившееся своими глазами, поэтому слово ему.

Анатолий Николаевич поморщился, но не стал ждать повторения просьбы и рассказал, насколько мог подробно, о бое на орбите и исчезновении «Тени» с «Поиском» после того, как их соединили в единое целое серебристые щупальца.

— Значит, они, как и комплекс Лонхайт, превратились в двухмерные тени, а только затем исчезли? — уточнил академик.

— Да, — подтвердил адмирал.

— Получается, Шмелев каким-то образом сумел запустить контуры в двигателе, оставшиеся для нас непонятными, — констатировал император.

— Это не контуры, ваше величество, если исходить из известного на данный момент, — возразил Томилин. — Это полноценный двигатель, работающий на неизвестных принципах. В нашем распоряжении есть еще два таких, я уже отдал распоряжение продолжить их исследования силами ученых Саратовского инженерного института — там лучшие из лучших собрались.

— Хорошо, — кивнул Александр VI. — Может, что-то сумеют понять. Есть предположения, куда мог отправиться Шмелев со товарищи?

— Ни малейших, — развел руками директор КВИБ-1. — Если направление гиперпрыжка вполне можно определить, то здесь...

— Ясно, — вздохнул император. — Выходит, мы можем только ждать, как это ни печально. Судя по всему, наш курсант действительно нашел нечто очень важное, но это — только промежуточный результат. Возможно, координаты чего-то другого, куда он и отправился.

— Может и так, — кивнул Томилин. — Но даже все вышесказанное не объясняет поведения наших бывших союзников. Все-таки двести с лишним лет союза...

— Союза скрипя зубами, — насмешливо возразил Шпагин. — Вспомните все их провокации — само существование имперской России для них все равно, что кол в глотке. Ведь мы осмеливаемся идти своим путем, отказавшись следовать указаниям из Вашингтона и Брюсселя, а это для них нестерпимо. Ненависть к нам нарастала постепенно, особенно при виде наших успехов. Они множество раз пытались разрушить Империю изнутри, но не вышло, только некую часть гуманитарной интеллигенции перетянули на свою сторону, но и те, пожив на западе несколько лет, в большинстве меняют свое мнение и возвращаются. Западникам просто нечего предложить нашей крылатой молодежи, бредящей небом. Обогащайтесь? Стремитесь только к материальным благам? К власти и влиянию? Да любой русский юнец, услышав такие призывы, только презрительно поморщится. А западники искренне не понимают, как это так. Даже в конце двадцатого и начале двадцать

первого веков, когда они нас почти победили, им не удалось развратить весь наш народ, остались несогласные, которые, в конце концов, и смогли повернуть страну в другом направлении.

— Эгорационалисты, — криво усмехнулся профессор Васташев, социолог. — Рациональный эгоизм не признает ничего, что нам понятно и близко. О чем речь, для них даже честь — пустой звук, пережиток феодального прошлого. Мечтать, по их мнению, стоит только о достижимом, поэтому мы и оставляем их все время позади, мы способны, в отличие от них, заглянуть за горизонт. Они разучились мечтать.

— Это все, конечно, интересно, но не отвечает на главный вопрос, — не выдержал Романцев. — Что теперь? Большая война?

— Вряд ли, — усмехнулся Таймыров. — Струсят. Наши агенты сообщают, что после неудачи в штабах американцев и европейцев воцарилась растерянность. Они планировали быстро захватить фрегат, считая, что после этого мы уже ничего не сможем сделать. И, в общем-то, были правы. Мы бы не пошли на большую войну даже ради человека из списка номер один.

На этот раз адмирал обратил внимание на «список № 1», но не понял что это такое, только окунул собравшихся растерянным взглядом.

— Со временем узнаете, — понял его растерянность император. — Кстати, Анатолий Николаевич, что решили делать с сыном?

— В армию! — отрезал тот. — Срочно! Причем в учебку космодесанта, новосибирскую. Там из него дурь выбьют!

— Правильное решение, — кивнул его величество. — Николай Петрович, позаботьтесь о призывае молодого человека, причем пусть его сразу патруль заберет, а то еще в бега подастся. Вы согласны, адмирал?

— Да, — кивнул Романцев.

— Мы отвлеклись, — вмешался директор КВИБ-2. — Так вот, на большую войну американцы с европейцами не решатся, но нагадить нам смогут изрядно. Возможны довольно серьезные боестолкновения, но это, как считают аналитики, ненадолго. Хуже, если наши противники договорятся с двумя восставшими кланами крэнхи.

— У нас уже есть договоренность с остальными четырьмя, — усмехнулся Томилин. — Причем ей можно верить, все знают, как крэнхи относятся к данному слову.

— Почему же тогда два клана восстали? — поинтересовался Романцев.

— Это внутренние трения кланов, им наша «карманная» война нужна была даже больше, чем Земле — у них шла война на уничтожение, и только столкновение с землянами помогло прекратить ее и объединиться.

— Значит, странные слухи, ходящие по флоту, верны? — в голосе адмирала слышалась горечь. — И эта война искусственная?..

— Да! — отрезал Шпагин. — Вы офицер и не раз посыпали других на смерть, должны понимать, что такое государственная необходимость. Тем более что на кону стояло само существование Империи как таковое. Если бы в то время Россия и США

сцепились, то планета превратилась бы в оплавленный каменный шар. Все это — и у нас, и у них — понимали, но ничего поделать не могли, слишком много противоречий и ненависти накопилось. Дело шло к последней войне, и появление крэнхи нас просто спасло. А у самих крэнхи, как уже говорилось, дела обстояли еще хуже.

— Но зачем тогда продолжали войну после окончания «горячей фазы», зачем все эти мелкие пограничные конфликты?

— Именно ради наличия внешнего врага, это не давало нам с американцами и европейцами вцепиться в глотки друг другу. Также война стимулирует развитие и позволяет спускать пар самой агрессивной части населения. Есть еще кое-что, но об этом не сейчас.

— Да, вы правы, нужно думать о нынешней ситуации, — вздохнул Романцев. — Кто назначен командующим орбитальной обороной?

— Вице-адмирал Наливайко, — ответил академик. — Человек компетентный, сумеет продержаться до вашего подхода, тем более что основные силы противника тоже далеко от Земли. Не думаю, что американцы или европейцы рискнут нападать до его возвращения. Если что и будет, то так — комариные укусы. Прежде всего, думаю, начнется война разведок. К счастью, противнику неизвестно, кто входит в Государственный Совет, но мы все под ударом.

— К сожалению, всю их агентуру мы выловить не сумели, это малореально, — развел руками директор КВИБ-2, переглянувшись с коллегой из КВИБ-1. — Поэтому соблюдать осторожность не по-

мешает. Каждому здесь присутствующему выделена охрана — лучшие спецы комитета. И... — он покосился на императора. — Ваше величество, прежде всего в опасности вы. Простите, что напоминаю, но после предыдущего покушения вы остались калекой, поэтому прошу слушать телохранителей, что бы они ни потребовали — без причины они ничего требовать не станут.

Александр VI недовольно дернул щекой, но смолчал, только согласно кивнул. К сожалению, западным разведкам не раз удавались покушения на императоров, он и сам взошел на престол после гибели предшественника, Виктора II, который процарствовал всего лишь шесть лет. Да и Александр сильно пострадал при взрыве, устроенном, как позже выяснилось, спецами Ми-6 и ЦРУ.

— А теперь самое важное, — император в упор посмотрел на Таймырова, и его взгляд никто не назвал бы добрым. — Считаю, что попыткой захвата нашего фрегата и разрывом союза они перешли грань. Вы так не считаете, Рихард Модестович?

— Считаю, — скользнула по губам того тонкая усмешка. — Прикажете привести в действие «Шторм»?

— Да, приказываю, — тяжело уронил Александр VI. — И прежде всего пусть пострадают Ротшильды, Рокфеллеры, Гейты, Морганы и иже с ними. В общем, реальные правители Америки и Европы. Постарайтесь провернуть это максимально зрелищно, оставляя косвенные улики, ведущие к нам — хочу, чтобы выжившие узнали, кто прорвал их ряды и за что.

— Сделаем, ваше величество... — вид директора КВИБ-2 сделался откровенно хищным, в глазах загорелся огонек азарта. — Но сразу хочу предупредить, что не всех сможем достать, некоторые слишком уж хорошо спрятались. В окружении многих у нас есть свои люди, но, к сожалению, не у всех.

— Кого сможете, — отмахнулся император. — Эти твари давно по зубам не получали, вот и обнаглели, — он повернулся к Томилину. — Да, самых одиозных личностей из «пятой колонны» немедленно на депортацию, Николай Петрович. Они, конечно, по-крупному нагадить не способны, доступа к прессе не имеют, но сейчас даже мелкие пакости нам не нужны. Студентов, поддерживающих либералов, поголовно забривайте в армию, я снимаю с них бронь. Девушек призывайте на альтернативную службу.

— Как прикажете, ваше величество! — наклонил голову директор КВИБ-1.

— Прессе сообщите об объявлении нам войны западом, озадачьте соответствующие комитеты и департаменты, пусть освещают события как можно подробнее, люди имеют право знать, что происходит.

Немного помолчав, Александр VI снова заговорил:

— Считаю, что в Солнечной системе особо крупных сражений не будет, если вообще будут. Поэтому, товарищи адмиралы, прошу осветить, как обстоят дела в колониях.

Романцев переглянулся со своим заместителем, адмиралом Виктором Казаряном, затем слово взял последний:

— Всего у Империи на данный момент семьдесят две колонии, из них крупных, где население превышает сто миллионов человек, восемнадцать. Они были прикрыты отдельными секторальными флотилиями Объединенного флота. Проблема в том, что почти половина колоний смешанные, там есть и американские, и европейские, и южноамериканские, и арабские, и израильские анклавы. Поэтому возможны наземные бои, если противник решит пойти на крайние меры. Но после событий на Н237 американские и европейские эскадры оттянулись к своим крупным колониям, так же, как наши, халифатские и израильские. Колониальные силы примерно равны, но если их флот какого-либо сектора ударит по одной планете, но наши долго не продержатся, а при массированном штурме не успеют дождаться помощи. Аналитики Генерального Штаба считают, что противник вряд ли начнет войну на уничтожение, но мы обязаны предусмотреть и такой вариант. Поэтому перед заседанием мы с Анатолием Николаевичем прикинули примерную диспозицию наших сил и их возможное распределение. Но этого явно недостаточно, поэтому мы с коллегами перемещаемся в Генштаб и там займемся разработкой концепции обороны.

В этот момент перед императором вспыхнул голоэкран, на котором появился какой-то документ. Его величество быстро прочитал, хмыкнул и весело приподнял бровь.

— Уже хвост поджали... — пояснил он. — Предложение от «объединенного» командования избегать бомбардировок населенных планет. И просьба

о встрече уполномоченных послов всех заинтересованных сторон, чтобы «разрешить разногласия». На первое соглашусь сразу, а со вторым погожу — пусть понервничают немного, им полезно. Поэтому ничего из вышесказанного не отменяю, давно пора проредить их верхушку, может, после этого оставшиеся поумнеют и поубавят наглость.

С самого момента своего возникновения Империя с западом совершенно не церемонилась, следуя только своим интересам, не обращая на обвинения и вопли «свободной» прессы ни малейшего внимания. Слишком сильны были обиды, слишком хороша память. Впрочем, в России «свободную» прессу и не читали, даже Интернет двух политических блоков был разделен физически, существовали только несколько хостов, соединяющих компьютерные сети. И пройти через них в другой сегмент могли только те, кому доступ был нужен по работе. А хакеров отлавливали специальные службы, и чаще всего успешно.

Император явно решил преподать западникам урок, ликвидировав часть вражеской элиты — это будет для них наиболее болезненно, ведь эта самая «элита» всегда полагала себя неприкасаемой и бравировала безнаказанностью. Пусть привыкает отвечать за свои слова и поступки, на пользу пойдет.

— Что ж, пора заняться конкретикой, — Александр VI окунул собравшихся хмурым взглядом. — Только прошу всех запомнить одно. За жизни наших людей враг должен платить десятикратно! Мы долгие десятилетия молчали, не отвечая ни на одну их провокацию, стараясь сберечь союз. Не смогли, они

ухватились за первый шанс что-то изменить и похе... и двести лет сотрудничества. Что ж, это их выбор. Отныне Империя будет отвечать на каждый удар, и отвечать неадекватно! Хватит, наше терпение лопнуло!

Кивком попрощавшись, император нажал кнопку на подлокотнике своего инвалидного кресла и указал прочь в сопровождения Томилина и Таймырова. Адмирал Романцев отключил связь и задумался о том, чему стал свидетелем. Его почему-то, несмотря на все художества дорогого сыночка, допустили в ближний круг, а это значит только одно — в любой момент большая война может все-таки грянуть. Ведь он — лучший флотоводец России.

И Романцев свой долг выполнит! Невзирая ни на жену, ни на сына. Впрочем, с Мариной однозначно придется разводиться, тут выбора нет, со слишком неприглядной стороны открылась ему жена во время последнего разговора. А уж намеки на то, что военного его класса охотно примут хоть в Европе, хоть в Штатах, вообще ни в одни ворота не лезут. Да, выбора нет, придется уходить из семьи — Родина дороже.

Отбросив мысли о личном, Анатолий Николаевич включил тактический голоэкран, вывел на него карту русского космоса и принялся планировать распределение флотов и эскадр в предстоящей войне.

* * *

В первое мгновение после активации точечного двигателя Михаилу показалось, что его ударили под дых, а затем сознание на несколько мгновений

отделилось от тела. Он увидел корабль и всех людей на нем единым образом, причем каждый занимал свое место в некой непонятной гигантской структуре, опять же связанной с бесчисленными подобными ей, но находящимися где-то очень далеко, как бы не в других вселенных. Но не успел молодой капитан даже попытаться разобраться в увиденном, как все закончилось — сцепленные в единое целое два корабля оказались на орбите какой-то планеты. Явно с кислородной атмосферой, если судить по внешне-му виду.

— Ну и куда это нас вынесло? — поинтересовался Суровцев.

— А черт его знает! — пожал плечами Михаил. — Интеллектронная система двигателя предложила переместиться сюда, утверждая, что планета не населена. Она, по нашим меркам, очень далеко, чуть ли не в другом рукаве галактики, зато по этим непонятным сетевым — очень близка. Не могу объяснить этот парадокс, пусть ученые разбираются после воз-вращения.

— Это если вернемся... — недовольно пробурчал Хмелин. — Что дальше?

— Ждать, — вздохнул капитан. — С моим слабым имплантом следующий переход можно будет совер-шить только через двенадцать часов. До цели еще два перехода.

— Нас на связь вызывают, — вскинулся Штейн-берг, принявшиесь что-то отслеживать через свой ин-терефейс. — Ох, ни хрена ж себе! Мы с собой прихва-тили два истребителя, наш и кренхи, и спасательную капсулу! Как?!!

— Откуда мне знать, как работает этот чертов точечный движок? — пожал плечами Михаил. — Наверное, он создает определенную зону перемещения вокруг корабля, и все, что в эту зону попадает, переносится вместе с ним.

— Вполне возможно, — кивнул бортинженер, немного подумав. — Что делать будет? Истребитель-то наш, русский, а вот капсула — американская.

— Не оставлять же парня на смерть, — вздохнул капитан. — Оружие заберем и запрем где-нибудь.

— Где? — со скепсисом поинтересовался Хмелин. — При нашей-то тесноте?

— Что, мы с одним пиндосом не справимся, если рыпнется? — насмешливо приподнял бровь Тупило. — Да я его сам задавлю.

Глядя на похожего на медведя коренастого почти двухметрового мужика очень легко верилось в его слова — такой кого угодно задавит, даже не заыхается. Действительно, стоит ли переживать, не сможет американец ничего сделать — трусы они, в большинстве своем, трясутся за свои шкуры так, что противно становится. У них даже в уставах написано, что можно выдавать любые секреты ради спасения жизни.

— Вопрос, что делать с истребителями — у нас полный комплект, еще один присобачивать некуда, — вздохнул Суровцев. — Жаль бросать машину...

— Не надо бросать, — Михаил быстро проконсультировался с Л300. — Можно принайтовать истребитель к борту с помощью временных колоний нанитов, система может без проблем вырастить их, а потом и создать нормальную стартовую аппаратуру.

Сейчас, насколько я понял, наш корабль перерождается, обычные металлы и пластики заменяются опять же колониями нанитов — в общем, примерно через сутки в наших руках будет полноценный исследовательский фрегат Лонхайт, только системы вооружения нашими останутся — древние, как помните, оружия в принципе не признавали.

— Ни хрена ж себе... — Глаза бортинженера загорелись энтузиазмом, он предвкушающе потер руки. — Но как так вышло?!

— Двигатель... — ответил капитан. — Как только я активировал его скрытые контуры, одновременно с ним пробудилась интеллектронная система. Она просканировала корабль, обнаружила его несоответствие стандартам и активировала ремонтный комплекс. Как сообщила сама Л300, она способна вырастить корабль даже из метрового обломка, если при том уцелела сама и вокруг достаточно вещества для преобразования.

— Да уж, — повертел головой Круглов. — А с медотсеком что?

— Сейчас узнаю...

Выяснив ответ на этот вопрос, Михаил некоторое время не мог говорить от изумления, только открывал рот, как рыба, вытащенная из воды. Остальные удивленно взирали на капитана.

— Будет выращена система полного восстановления организма, стандартная для любого корабля Лонхайт... — наконец смог он заговорить. — Она насыщает организм разумными медицинскими и защитными нанитами, позволяющими выжить хоть в жерле вулкана, хоть в открытом космосе... Это

и скафандр, и лечилка, и еще хрена знает что!.. Если даже уцелела только голова, то комплекс сохраняет ее в стазисе до трех тысяч лет без дополнительных энергомодулей!.. Человек с таким комплексом нанитолов в теле почти бессмертен!.. Ой-йо...

Бортовой врач только икнул, услышав это. Другие члены экипажа молча хватали ртом воздух по примеру своего капитана — только сейчас становился примерно понятен технологический и научный уровень древних. Похоже, то, что раньше находили, было всего лишь забытым мусором. Или, наоборот, специально подготовленными пакетами данных для достигших определенного уровня цивилизаций. А может, чем-то третьим. Но сейчас ситуация менялась, это стало ясно каждому. И к чему приведет данное изменение никто еще осознать не мог.

— Ладно, это все хорошо, но надо забирать пилотов и пиндоса, — решил вернуться к текущим вопросам Хмелин, все еще не привыкший, что он уже не полковник. — Или крэнхи сородичи заберут?

— Думаю, да, — ответил Михаил. — Меня только беспокоит, что наши корабли срастаются в одно целое. Думаю, надо оставить возможность разделения. Сейчас свяжусь с Гши и узнаю его мнение по этому поводу. Думаю, он со мной согласится.

— Да, мы хоть и дали друг другу обет, но все еще остаемся врагами, — хмыкнул Суровцев, затем покосился на ухмыльнувшегося Хряченко. — А некоторые так еще и кровными...

Эсминец крэнхи ответил сразу же, видимо, там ждали вызова. Гши Тайхау тоже не испытывал

энтузиазма от перспективы слияния кораблей в одно целое, и двум капитанам с трудом удалось отговорить интеллектурные системы делать это. Но все же удалось, хотя унификацию фрегата и эсминца до непонятной модификации под названием «лайтес» Л300 и Л250 отстояли. Насколько удалось выяснить, это будут корабли изменяемой согласно необходимости формы и внутренней архитектуры.

Пилота-крэнхи принял на борт «Поиск», а землянина, которым оказался, как ни странно, не русский, а раненый израильянин Алекс Шапиро, естественно, взяла «Тень». Его сразу отправили в медотсек и уложили в реаниматор. А затем около двух часов возились, чтобы вытащить американца Майкла Торренса из спасательной капсулы — Суровцеву ради этого даже пришлось выйти в открытый космос в скафандре. Едва успели — в капсуле уже заканчивались запасы кислорода.

Вскоре в кают-компанию ввели светловолосого парня в форме Объединенного Флота. Он скользнул по собравшимся — а собрался в кают-компании практически весь экипаж, за исключением дежурной смены — хмурым взглядом и пробурчал сквозь зубы приветствие. Что ж, его можно было понять — крейсер, на котором служил коммодор Торренс, был уничтожен залпом с русского корабля.

— Надеюсь, вы не станете делать глупостей? — вежливо спросил Михаил.

— Нет, — коротко ответил американец, садясь на указанное ему место.

Тупило вручил ему стандартный саморазогревающийся обед в термоупаковке, и коммодор быстро, но

аккуратно поел. Вытер губы салфеткой и с опаской уставился на русских.

— И что со мной будет? — тихо поинтересовался он.

— Когда вернемся на Землю, вас, скорее всего, отправят домой, — пожал плечами Хмелин. — Надеюсь, этот конфликт не перерастет в полномасштабную войну.

— Я тоже надеюсь... — поежился американец.

— И зачем вам все это понадобилось? — не выдержал Михаил. — Зачем вы напали?

— Нам отдали приказ, — неохотно сказал Торренс. — Сказали только, что вы нашли что-то такое, от чего зависит сама судьба Америки и всего мира, и мы должны это получить первыми.

— Интересно, откуда они узнали, что мы что-то нашли?.. — капитан потер щеку. — Мы же только намек обнаружили, подсказку, где искать! Ну почему нельзя было заняться поиском вместе?..

— Слишком сильна ненависть к вам, русским, у нашей верхушки, — усмехнулся американец. — Уже больше двухсот лет прошло после появления вашей империи, а наши «хозяева жизни» все никак не могут смириться, что есть кто-то смеющий жить своим умом и идти своим путем, не заглядывающий им в рот. Думаете, у нас, в Америке, мало людей это понимают? Нет, способные думать самостоятельно есть, хотя их и меньшинство. А уж среди послуживших вместе с русскими и лично знающих их — и по-давно. И тут вдруг шанс вырваться вперед. Вот эти господа и ухватились за него.

— Вы не за них? — прищурился Михаил.

— Среди офицеров почти нет тех, кто «за них», — иронично сообщил Торренс. — Но мы давали присягу, не вам объяснять, что это такое.

Он устало потер виски и добавил:

— Вы вряд ли знаете реалии жизни в нашей стране. Ни одного из отслуживших в Объединенном Флоте вместе с русскими человека никогда не пропустят ни на один ответственный пост — нас считают зараженными чуждыми Америке идеями. Всех ничего не говорят, улыбаются и льстят, но реальная политика именно такова.

— И вы это терпите?.. — удивился Сванидзе.

— Выбора нет, — вздохнул американец. — Да и как изменить ситуацию? С оружием в руках? Но ведь придется стрелять в людей, которых знал с детства, соседей и друзей, не разделяющих твои взгляды. Я, например, к такому не готов. После такого трудно будет считать себя человеком...

— Да, ваша плутократия хорошо умеет промывать людям мозги, — поморщился Михаил. — Читал вашу прессу и смотрел телевидение, не по себе стало. А уж это постоянное муссирование однополых отношений. — Он брезгливо поморщился. — Как будто ничего другого нет!

— Большинство мужчин Америки относятся к этим не лучше, чем в России, но в тюрьму за «дискриминацию» не хочется, поэтому приходится помалкивать, — на лице Торренса тоже отразилась брезгливость. — Отец моего друга на три года сел всего лишь за то, что прилюдно высказал все, что думает о двух высокопоставленных геях. Но это частности, пена проводимой нашим правительством политики.

— Или теми, кто стоит за правительством, — добавил капитан.

— Или теми, кто стоит за правительством, — согласился американец. — Им нужно, чтобы люди превращались в животных, потакали своим инстинктам, тогда ими легче управлять, тогда они предсказуемы. А к тем, кто животным быть не желает, относятся очень настороженно. Любое протестное движение постепенно превращают в нечто безопасное для властей и текущей парадигмы развития общества. Всех, интересующихся чем-то помимо материального, превращают в маргиналов, загоняют на дно жизни.

— Но если многие у вас это понимают, то почему вы ничего не меняете? — подался вперед Михаил.

— Я уже говорил, — вздохнул Торренс, — кровь проливать не хочется, да и организации у нас никакой — за этим внимательно следят. Но недовольство в армии и на флоте постепенно растет. И я не знаю, что вырастет в итоге. Например, выполнять текущий приказ об атаке русских кораблей многих удалось заставить только под угрозой расстрела. И если наше правительство надумает всерьез воевать с Россией, то флот может взбунтоваться — почти никто из офицеров не имеет желания убивать других землян во имя интересов денежных мешков, особенно после того, как столько времени вместе с русскими стояли спиной к спине против общего врага.

Он ненадолго замолчал, затем попросил:

— Не могли бы вы выделить мне какую-нибудь койку? Страшно устал, спать хочется — не могу.

— Идемте, — встал Суровцев.

Они вышли — американца решили временно поселить на место дежурного пилота. Естественно, под присмотром искина — в случае любых враждебных действий тот подаст сигнал экипажу. Слова словами, но что на самом деле думает этот Торренс — знает только он сам.

— Да уж, демократия и либерализм... — гадливо скривился Михаил. — Красивые, на первый взгляд правильные идеи, но во что их превратили в реальности?.. Жуть же!

— А ведь даже у нас находятся дураки, верящие в эту муть, — вздохнул Айзат. — Как они вопят о «общечеловеческих ценностях»! Да кто им сказал, что ценности либералов — общечеловеческие?!

— Со столь обожаемого ими запада сказали, а они сдуру поверили, — проворчал вернувшийся в кают-компанию Суровцев, открывая альбом и начиняя что-то рисовать карандашом.

— Слышали, кстати, как с ними в последние тридцать лет борются? — спросил Михаил.

— Нет, — «безумец» заинтересовался и поднял голову.

— Высылают пожить на запад с правом возвращения. Пару-тройку лет они там живут, а потом бегут обратно в Россию, после чего молчат в тряпочку, а то и осаживают тех, кто еще не побывал в их вожделенном раю.

— Отличная придумка! — восхитился Суровцев. — Так им, придуркам, и надо!

— Ну их всех, — проворчал Хмелин. — Лучше давайте определимся с дальнейшими действиями.

— Пока отдыхаем, а через девять часов — следующий переход по сети, — пожал плечами Михаил. — В точке назначения снова ждем двенадцать часов.

— А что такое эта самая сеть? — поинтересовался бывший полковник.

— Если бы я знал... — развел руками капитан. — Исходя из того, что я узнал на Н237 — это сеть эгрегориальных связей между населенными мирами. Но как эгрегоры могут помочь перемещаться?.. Понятия не имею!

— Но помогли, — философски заметил Хряченко. — Мы же здесь. Кстати, а почему я смог взять управление кораблем не сразу?

— Как сказала Л300, только у меня достаточный уровень некой сетевой толерантности, — пояснил Михаил. — Тем, у кого она меньше требуемого, я могу только делегировать некоторые права управления кораблем другим. И то потому, что по выражению системы, вы прирожденные пилоты, но при этом не инициированные. Или не обученные правильно, я не совсем понял.

— Да уж, дело ясное, что дело темное... — повел плечами Тупило. — Капитан, ну а когда найдем, что ищем? Тогда что?

— Вот когда найдем, тогда и посмотрим, — отмахнулся Михаил. — Думаю, на Землю надо будет прорываться, нашим данные доставить и американцам с европейцами в руки не попасться.

— Капитан прав, — оборвал дальнейшие расспросы Хмелин. — Пока рано судить, вот найдем что-нибудь, тогда посмотрим. Лады, кто куда, а я спать.

Вскоре почти весь экипаж разбрелся по каюта姆. Михаил сидел дольше всех, продолжая вспоминать и анализировать увиденное на Н237. Иногда он задавал кое-какие вопросы Л300, но система не всегда отвечала, отговариваясь тем, что занята преобразованием корабля. В конце концов капитан не заметил, как сам заснул прямо на диване.

Глава 9

Мир замер в шоке. Начиналось что-то странное и страшное, но при этом ни один эксперт, ни один политолог или ученый не понимал, что именно. Поначалу после получения известий о схватке между русским, американским и европейским флотами мир впал в оцепенение. Причем виновными называли то имперцев, то либералов, но голословным утверждениям мало кто верил. А уж когда дошли сведения о реальной подоплеке конфликта, то началось вообще нечто непредставимое. Причем замолчать, что именно американцы с европейцами первыми попытались захватить русский фрегат, поскольку он нес важные для всей земной цивилизации сведения, не удалось даже на западе. Кто-то неизвестный произвел массированный информационныйброс, игнорировать который редакторы печатных и сетевых изданий не смогли, невзирая на все приказы сверху.

Когда первый шок слегка спал, поднялся вал панических воплей. Каждый доморощенный «эксперт» предлагал общественному вниманию свой вариант развития событий. Кому-то верили, кому-то — нет.

И это при том, что Россия, как всегда во время каких-либо конфликтов, закрыла свои границы не-преодолимым защитным полем и выслала западных дипломатов. Причем на сей раз прикрыла и своих возможных союзников — Индию, Лаос, Вьетнам и Камбоджу. Последние оставшиеся на азиатском континенте независимыми государства. На все запросы из свободного мира Империя, опять же как всегда, не отвечала.

Как ни странно, правительства США и Объединенной Европы тоже последовали примеру России и молчали, отказываясь комментировать случившееся. Дело дошло до огромных демонстраций на главных площадях крупнейших городов двух материков. Только тогда госдепартамент соизволил сообщить, что поступил по необходимости, поскольку расширение зоны влияния русского медведя, сговорившегося с исконными врагами человечества, давно пора остановить.

Записи о бое, в котором русские и крэнхи выступили единым фронтом против американцев и европейцев, вызвали шок. В ответ тут же возникли другие, сообщающие, что «коты» тоже раскололись на два лагеря, и восставшая их часть вместе с кораблями свободного мира пыталась захватить русский фрегат. На каждое действие пропаганды русские давали адекватный ответ, причем как они это делают, не понимал ни один специалист. Записи словно сами собой возникали в сетях «свободного мира».

Сценарии апокалипсиса, один другого страшнее, заполонили страницы западных изданий. Там всегда любили пугать своих обывателей, так пове-

лось издавна. Русские посольства засыпались нотами и запросами, но они все так же загадочно молчали, сообщая только, что в свое время император сделает заявление и осветит все, что требуется осветить.

Но не прошло и суток с начала истерии, как один за другим пошли несчастные случаи, перепугавшие западную элиту до полусмерти, поскольку все они касались только ее представителей.

...Огромная белоснежная яхта дрейфовала в двух милях от побережья Барбадоса. Ее хозяин принимал двух старых компаньонов, с которыми требовалось обсудить множество важных вопросов. Вышколенная обслуга не попадалась на глаза господам, как и охрана. Трое представительных мужчин расположились на палубе под навесом в удобных креслах. Они едва успели выпить по аперитиву, еще не зная, что со скрывшейся в глубине подводной лодки ушла невидимая ни для каких радаров торпеда. Не прошло и минуты, как яхта вдруг затряслась, а затем все вокруг скрылось в пламени взрыва.

...Защищенное по всем правилам горное поместье в Швейцарии. Его хозяин сидел в столовой, пил прекрасно сваренный кофе и просматривал биржевые сводки, презрительно кривясь. Снова какая-то сволочь играет на понижение! Придется срочно принимать меры, иначе потери будут астрономическими. Он еще не знал, что ничего не успеет предпринять — с небольшого спутника, проходившего в этот момент над Швейцарией, вдруг сорвался неуловимый для сканеров Европы гравилуч. На месте роскошного поместья остался глубокий кратер.

...Личный стратоплан одного из самых богатых людей земли внезапно был атакован неизвестной принадлежности истребителем. Успешно атакован, причем над международными водами. Агрессор ушел.

...К спрятанной в поле астероидов Сатурна базе, наличие которой не обнаружил бы ни один из известных марок сканеров пространства, тихо подошел скрытый полями невидимости корабль. Подождал немного, затем заглушил связь и выпустил одну за другой три торпеды. После обследовал обломки, не обнаружил никого живого и столь же тихо удалился.

Богатых и влиятельных людей отстреливали, взрывали, травили и уничтожали еще множеством способов, причем порой совсем уж диких — у заказчиков и исполнителей всего этого явно была богатая фантазия. И они ее использовали по полной программе.

Ошалевшая от происходящего, не понимающая, что делается, западная элита забилась по углам, прячась в защищенные по последнему слову техники убежища. Как же так?! Их, таких хороших и красивых, просто убивают?! Они ведь были полностью уверены в своем праве творить любые преступления и оставаться безнаказанными. А тут кто-то вдруг осмелился эту уверенность не то что поколебать, а разнести в пух и прах!

Но это, опять же, были только цветочки. Не прошло и трех дней, как народ разных стран начал сбиваться в толпы и стекаться на главные площади европейских и американских городов. Перепуганных перспективой надвигающейся войны с Империей

людей объединял один лозунг: «Какому идиоту понадобилось вытаскивать из берлоги русского медведя?! Пусть бы себе и дальше мирно спал!»

Требования демонстрантов были просты — отставка правительства и немедленное примирение с Россией на любых условиях. Однако это, понятно, не устраивало власть имущих, пошедших на риск отнюдь не ради отступления на прежние позиции. Им слишком надоело находиться на вторых ролях — а они были именно на вторых. Россия, хоть и не афишировала это, опережала запад по всем параметрам с конца двадцать первого века. К тому же она вообще не прислушивалась ни к чьему мнению, кроме собственного, и вела свою политику, не обращая ни малейшего внимания на кого бы то ни было. И за это западная «элита» давно жаждала наказать обнаглевшего медведя.

О том, что реально происходило на территории Империи, мало кто знал — железный занавес. Ни культурного обмена, ни научного — точнее, он был, но не особо приветствовался ни той, ни другой стороной. Наученная горьким опытом Россия не допускала западных культуртрегеров на свою территорию и игнорировала все протесты по этому поводу. Изредка в мировой прессе проходили сухие публикации русских ученых о каком-либо открытии. Да еще порой в продаже по диким ценам появлялась русская сверхнадежная бытовая техника, способная служить десятилетиями без поломок. Иметь ее в доме считалось очень престижным.

Но чего не ждали западные «хозяева жизни», так это майданов у себя дома — они привыкли устра-

ивать подобное в других странах. Слово «майдан» прочно вошло в международный лексикон с десятых годов двадцать первого века, когда от только встающей на ноги России попытались окончательно оторвать Украину. Очень подло и жестоко попытались. Не вышло, правительство страны, видимо, уже тогда взяло курс на возрождение Империи и не позволило снова унизить и себя, и народ. Крым присоединился к России. Несчастная Украина через некоторое раскололась, множество людей погибло, чуть не началась братоубийственная война — оболваненные умелой пропагандой украинцы едва не свихнулись на нацизме и ненависти к России. Только нищета последующих лет позволила им прозреть, в конце концов.

А теперь разъяренные толпы бушевали на площадях Вашингтона, Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Рима, Мадрида и Берлина. Элита понимала, что без имперских спецслужб здесь дело не обошлось, но доказательств не было — все оказалось проделано так филигранно, что оставалось только восхищаться. Тогда либералы и демократы показали свое истинное лицо — все манифестации были безжалостно разогнаны при помощи оружия. Общее число жертв перевалило за двадцать тысяч. Это ведь у себя дома, можно не кричать о «правах человека», как кричали все СМИ, когда радикалы свергали неугодные западу правительства в других странах.

Империя продолжала хранить загадочное молчание, скрывшись за защитным полем. Флоты обеих сторон шли к Земле. Никто не знал, чего ждать. Над планетой медленно всходило багровое облако страха.

* * *

— Ну и чего вы всем этим добились? — поинтересовался удобно устроившийся в огромном кресле худой человек в классическом белом костюме, правда, без галстука, и отпил глоток из своего бокала. — А я ведь предупреждал!

— Заткнись, Хьюго! — перебил его не менее роскошно одетый плотный коротышка. — А то сам не пролетал ни разу! Нечего тут поучать.

— Знаешь, Джейкоб, так разгромно я действительно еще ни разу не проигрывал, — усмехнулся тот. — Я бы мог понять, если бы вы рисковали из-за действительно достоверной информации. Так нет же! Все было на уровне слухов. Я...

— Ты неправ, — заставил его умолкнуть скрипучий голос похожего на мумию старика с пронзительными выцветшими глазами и брезгливым лицом. — Была достоверная информация, просто не всем о ней сообщили. Мы давно ждали этой находки, больше ста лет. И упустить ее не имеем права, если хотим выжить.

— Даже так? — насторожился Хьюго, став похожим на приготовившуюся к атаке борзую собаку. — И что за информация?.. Почему сто лет?..

— Чуть больше, — приподнял уголки губ глава клана Ротшильдов, которому на днях исполнилось девяносто пять. — Сто четыре года назад наш разведчик, ушедший в дальний поиск, обнаружил архив древней цивилизации. Причем не Лонхайт! Других. Привезенный оттуда кристаллокомпьютер сумели запустить в Лос-Анджелесе и сняли оттуда некоторое количество данных, прежде чем древний агрегат

перестал работать. Большей частью это были социальные исследования развития тысяч различных цивилизаций за сотни миллионов лет. Самым главным оказалось то, что общество нашего типа, то есть общество индивидуалистов и эгорационалистов, обречено. Такие общества никогда не достигали вершин, за миллионы и миллионы лет исключений не бывало. Статистика, как я уже говорил, была приведена по многим тысячам цивилизаций. Погибших и перешедших.

— Значит, эта чушь о переходе?¹..

— Абсолютно истинна. Это нашими усилиями данная идея осмеяна и похоронена — не нужно, чтобы люди даже задумывались о таком. Кроме, опять же, проклятой Империи, чтоб ей провалиться — там эту идею разрабатывают всерьез. И повлиять на русских мы не можем никак — наше мнение для них значит не больше собачьего лая.

— А подробнее? — подался вперед Хьюго, начав нервно постукивать пальцами по подлокотнику кресла, услышанное оказалось для него совершенно неожиданным

— Можно и подробнее, — стариk окинул взглядом собравшихся. — Чужих здесь нет, поэтому слушайте. Все до единой индивидуалистические цивилизации нашей и других вселенной — да-да, вселенная не одна, не перебивайте — очень быстро развивались, конкуренция давала стимул для этого,

¹ Переход — здесь это переход цивилизации из материального в энергетически-ментальное состояние. Возможен только для солидарных цивилизаций.

но до определенного предела. Затем наступал застой, бывало даже на много тысяч, а то и десятков тысяч лет, после чего следовало либо изменение, либо гибель тем или иным образом. До перехода доживали только солидарные цивилизации.

— Но если так, то, возможно, нам следует изменить парадигму развития?..

— В этом случае мы не сможем сохранить свою власть, а это никого не устраивает. Да и не сможем мы жить в солидарном обществе, в котором уважают не за то, что ты много имеешь или способен кого-то обмануть и использовать, а за реальные дела. К тому же, тщательно изучив архив, мы пришли к выводу, что за постоянным появлением цивилизаций нашего типа стоит кто-то из высших сфер. Причем втайне от остальных — древние прямым текстом сказали, что подобные нам, стремящиеся прежде всего к собственной выгоде, вызывают в Сферах даже не отвращение, а откровенную брезгливость. Но при этом кто-то уже десятки миллионов лет не оставляет попыток вывести конкурентные цивилизации из тупика. Только чтобы это получилось, требуются определенные усилия от нас, изнутри самой цивилизации.

Старик немного помолчал, выпил воды, больше ничего его изношенный организм давно не позволял, и продолжил:

— В последние два-три миллиона лет молодые цивилизации после самостоятельного выхода в большой космос ведут буквально за руку, причем ведут перешедшие. Подбрасывают в определенный момент знания, способные дать толчок в развитии. В нужную ведущим сторону, разумеется. При этом

в свое время всем ведомым достается большой пакет информации, способный помочь преодолеть сразу несколько уровней и вплотную подойти к грани перехода. Обычно цивилизация к такому времени уже является единой. Однако мы — исключение. И исключение очень необычное — на одной планете сосуществуют конкурентная и солидарная цивилизации. Плохо ли, хорошо ли, но сосуществуют. Что происходит у крэнхи, мне неизвестно, но у них тоже что-то нечисто, иначе два клана не попытались бы перехватить информацию. Но оставим их, меня интересует Земля. Архив стал для нас бесценной находкой прежде всего потому, что там был указан основной признак скорого поступления вышеуказанного пакета информации. И это обнаружение комплекса зданий, подобного найденному на Н237. Причем было четко указано, что комплекс должен уйти в космос, а затем на месте, где он находился, представители двух как минимум разных биологических видов получат координаты некого хранилища или чего-то в том же духе.

— А почему тогда мы позволили русским первыми там оказаться?! — возмутился Хьюго.

— Да потому, что в архиве было четко сказано — координаты могут получить после тяжелейших испытаний только разумные, напрочь отрицающие конкурентный путь развития! — отрезал старик язвительным тоном. — Искренне отрицающие! Таковых, конечно, можно было найти и среди американцев или европейцев, но мы предпочли не рисковать, ведь наши могли и не справиться с испытаниями. Вот и решили перехватить русских уже после

получения ими нужной информации. И все бы получилось, но вмешались крэнхи. К тому же никто не мог даже предположить, что у Империи есть корабли с точечными двигателями. О принципах их работы почти ничего не известно, кроме самого факта их существования. Ученые ведут разработки, финансирование огромное, но результата пока нет. Тебе ли не знать, глава разведки как-никак, что мы почти не имеем агентуры в России, да даже не знаем толком, что там на самом деле происходит.

— Это да, допросы эмигрантов мало что дают, наших агентов из посольств и миссий дальше столицы не пускают, а русские гуманитарии, к нам едут почему-то только они, мало что знают. Нам их измышлений о демократии и склоки между собой неинтересны. Отношения к властным структурам Империи ни один из них не имел. Доступ к русской сети крайне ограничен, только через порталы посольств. Впрочем, не буду повторять общеизвестное.

— Самое плохое, что на данном этапе мы проиграли, не смогли вовремя перехватить корабль, получивший координаты хранилища.

— И что теперь делать?

— Единственный на данный момент выход — принудить русских поделиться информацией в полном объеме. Пусть даже ценой войны. Для нас это вопрос жизни и смерти.

— Они бы и так поделились, если бы мы не устроили всего этого, — раздраженно дернул щекой Хьюго. — Русские всегда держат слово. А они обещали.

— Это так, — тяжело вздохнул патриарх, — но у нас мало времени, русские смогут разобраться

в полученной информации быстрее нас хотя бы потому, что их общество относительно солидарно. Поэтому мы и хотели получить фору, но разрабатывавшие операцию аналитики сделали это по-идиотски. Об исполнении я вообще не говорю — где таких бездарей только набрали?..

— Да, неудачно получилось, — давешний коротышка скривился, словно от зубной боли. — Надо исправлять ситуацию...

— А то, что русские начали убивать нас? — хмуро посмотрел на старика Хьюго. — Именно нас, а не наших марионеток!

— Пусть проредят ряды конкурентов, нам это только на пользу пойдет, — цинично усмехнулся тот. — Никто из нашего клана не пострадал, я подозревал, что дело дойдет до такого, и заранее принял меры. Император нерешительностью никогда не отличался, особенно после неудачного покушения на него. Только Роберт погиб, ну да он всегда был дураком, отказался уходить в бункер, за что и пострадал. Таких не жалко. Его активы я успел вовремя перехватить.

— А майданы во всех столицах?

— Жестко подавим, хватит игр в либерализм. Повторяю, дело идет о самом выживании нашей системы как таковой! Так что церемониться мы не будем. Передай правительствам — пусть объявляют военное положение.

Старик пригорюнился, затем скрипнул зубами и тихо сказал:

— Иногда мне хочется достать наших драгоценных предков из могил, оживить и еще раз удушить. Такую возможность упустили, идиоты!

- В смысле? — удивился Джейкоб.
- Конец двадцатого века после развала Советского Союза, — досадливо махнул рукой патриарх. — Население России тогда готово было на запад молиться, нашим экспертам в рот смотрели, делали все, что те скажут. А предки... Предки, вместо того чтобы сделать русских верными друзьями, помочь пройти тяжелый период рыночных реформ и получить благодарного союзника, начали их унижать. Нет, по-человечески я их могу понять, хотелось как можно быстрее додавить старого врага и захватить его ресурсы. Но неужели не нашлось никого со стратегическим мышлением? Не нашлось человека, способного предвидеть, что произойдет, если великий народ постоянно втаптывать в грязь? Был же на глазах пример Германии! В итоге в России за каких-то полтора десятилетия слова «демократия», «либерализм» и прочее из этого ряда стали ругательствами, прочно связавшись в массовом сознании народа с разрухой и беспорядком. Естественно, русские нас невзлюбили, совершенно обоснованно виня в своих бедах. А еще через десять лет, поскольку предки продолжили ту же идиотскую политику, возненавидели уже истово. Мало того, наши додумались унизить новую русскую элиту, которая сделала вид, что все в порядке, но затаила обиду и в идеологическом плане развернулась на сто восемьдесят градусов. И начала строить Империю! Не спеша, продуманно, тщательно, учитывая все ошибки прошлого. В результате русским удалось разработать и выстроить крайне устойчивую систему, которую мы за все прошедшее время так и не сумели пошатнуть. Все,

на что мы способны — это мелкие укусы. Да-да, не надо на меня так смотреть! Хоть себя-то обманывать не смейте.

Старик немного передохнул, выпил воды и продолжил:

— Смотрите сами. Гигантские рынки Империи еще с сороковых годов двадцать первого века для нас почти полностью закрыты — еще до выхода в большой космос Россия создала на своей территории полностью закрытый цикл производства всех нужных товаров, при этом ее техника отличается невероятной по нашим меркам надежностью — поэтому затраты на производство товаров для населения и транспортных средств намного ниже, чем у нас, что дает бюджету России очень много. Точные цифры могу представить, если захотите. Никакого сотрудничества ни в научной, ни в культурной сфере почти нет — они нам не доверяют. И в общем-то правы, на их месте я поступал бы так же. То есть нет возможности ведения информационной войны, поскольку доступ в наш сегмент Интернета имеет только высокообразованная часть общества. При этом наша пропаганда почему-то действует только на самых бесполезных людей — гуманитариев, ученые и инженеры не обращают на наши слова внимания. Да и гуманитарии, пожив у нас несколько лет, бегут обратно, вытаращив глаза, поскольку мы не можем себе позволить столько тратить на социальные нужды, а они привыкли, что государство о них заботится. Мы бы вообще не тратились на социалку, если бы не осознавали, что в ином случае рано или поздно неизбежен кровавый бунт. Вот и приходится выбрасывать деньги на ветер.

— Но и Империя не может вести информационную войну! — возразил Хьюго. — Их сегменты сети перекрыты, к ним с нашей стороны имеют доступ только спецслужбы и корпоративная почта. Они даже не пытаются вещать на нашу территорию!

— Им это и не нужно, — насмешливо оскалился патриарх. — Достаточно самого их существования. И слухов, которые их КВИБ очень мастерски распускает. Тем более что бизнесу главное — прибыль, поэтому небольшие партии русской техники, изредка поступающие на рынок, расхватывают мгновенно, невзирая на цену. А потом о надежности покупок легенды ходят. К сожалению, в некоторых областях Империя действительно нас обогнала. Есть даже подозрение, что русские овладели телепортацией, по крайней мере, в пределах Солнечной системы.

— Не дай Всевышний... — мертвенно побледнел Джейкоб.

— Доказательств нет, но некоторые происшествия последних лет можно объяснить только мгновенным перемещением. Одного человека, причем доказано, что одного, в тот же день видели в Сиднее, Нью-Йорке, Амстердаме и Нью-Аренсе. Последний, если помните, находится на астероиде в колышцах Сатурна.

— Но в колониях наши разведчики легко проникают на русскую территорию, — хмуро пробурчал Хьюго.

— Что в них интересного? — приподнял бровь старик. — Вся наука и основные институты страны находятся на Земле. Да, кое-что разведка в колониях

дает. Зато пропаганда наша там не срабатывает — колонисты народ простой, им, знаете ли, на права гомосексуалистов и прочих извращенцев плевать с высокого потолка. Наоборот, попробуй при них заикнись о чем-то таком, сразу кулаки в ход пустят.

— Да, вы правы... Внедриться даже в колониях получается редко — наших разведчиков каким-то образом раскалывают максимум за два-три года. А иногда они сами идут и сдаются квибовцам.

— А вот это для меня новости. Почему?

— Двух таких сдавшихся удалось потом похитить и допросить, — вздохнул Хьюго. — Они заявили во время медикаментозного допроса, так что солгать не могли, что не хотят иметь ничего общего со звериным кублом после того, как пожили среди людей, помогающих друг другу просто так, не прося за это ничего.

— Похоже, общество Империи постепенно действительно превращается в то, которое в архиве Древних называли солидарным, — сжал кулаки старик, в глазах его метался гнев. — Мы заподозрили это давно, я тогда был лет на тридцать моложе, и это нас изрядно напугало. Почему, спросите? Отвечу. Опять же, согласно архиву, если в среде какого-либо разумного вида развилось две или больше цивилизаций, то побеждает всегда солидарная, причем порой даже не прикладывая к этому ни малейших усилий. В конкурентной слишком много внутренних противоречий. Впрочем, это вы и сами знаете. Так что император оказал нам немалую услугу, устранил лишних конкурентов. В нынешней ситуации нужно действовать согласованно.

В этот момент звякнул сигнал прибытия срочного сообщения. Патриарх поднял руку и включил личный голотерминал. Некоторое время царило молчание, а затем старик хрюплю расхохотался.

— Ой, не могу! — он стучал себя ладонями по коленям. — Отлично! Великолепно! Замечательно!

— Что случилось? — не выдержал Хьюго.

Старик отмахнулся. Заговорил он, только когда связь оборвалась:

— Хочу поздравить! Император нам удружили. Наших старых противников больше нет. Никого! Всех достали.

— То есть?.. Неужели?..

— Да! — торжествующе заявил патриарх. — Рокфеллеров больше нет. Вообще! Их накрыли прямо в подводном убежище. Причем ни один эксперт не понимает, каким образом бункер был уничтожен. Все расплавлено в однородную массу, а ведь плазмеров такой мощности не существует...

— Ну, мало ли чего там русские еще выдумали, — философски заметил Хьюго, довольно потирая руки. — Надо срочно озабочиться перехватом контроля над бывшей империей Рокфеллеров.

— Уже, — довольно сообщил старик, широко улыбаясь. — Я предполагал, что так будет, вот и озабочился. Но процентов двадцать активов ушло неизвестно кому, рассосавшись по десяткам фондов. Подозреваю, русские лапу наложили — им через подставные фирмы больше четверти всего на западе принадлежит. Причем, сволочи, умно действуют, ни разу за руку поймать не удалось.

— И ничего не поделаешь... — скривился Джейкоб. — Наша священная корова — частная собственность...

— А зачем делать? — взгляд патриарха стал хищным. — Я даже знаю несколько фирм, однозначно принадлежащих им.

— Почему же не?..

— Зачем? Я, наоборот, даю им выгодные контракты. В ответ мы через эти фирмы опосредованно получаем кое-какие русские технологии, давшие нам немало прибылей. С русскими можно иметь дело, вполне, только надо учитывать установленные ими правила игры и в определенных пределах соблюдать их. Но это позволено ради прибыли, только когда речь не идет о выживании. Сейчас речь именно о выживании, и нам пришлось пойти ва-банк. Програли, к сожалению, но сдаваться нельзя — иначе Россия понемногу нас поглотит. Наше же быдло радостно нас затопчет.

Патриарх ненадолго замолчал, затем его голос стал жестким:

— Значит, так. Держите своих марионеток под контролем, жестко держите. Чтобы ни один идиот не натворил ничего лишнего. Русских не провоцировать! Комариные укусы допускайте, не больше. По приходу флота в Солнечную систему пусть займет позицию за орбитой Луны и дожидается распоряжений. В колониях пусть тоже не особо отсвечивают! Но если кто-то обнаружит этот проклятый фрегат, то его нужно захватить любой ценой. Главное — координаты хранилища! Если мы их не выясним, на нашей цивилизации можно будет ставить крест.

Он встал, окинул младших родственников тяжелым взглядом и пробурчал:

— Пойду-ка я вздремну немного. Коли чего интересного случится — будите.

* * *

Александр VI молча смотрел на директоров КВИБ-1 и КВИБ-2. Они спокойно дожидались его вопросов.

— Сложности? — император пристально посмотрел на Таймырова.

— По «Шторму»?

— Да.

— Ничего особого, — едва заметно усмехнулся директор КВИБ-2. — Единственно, из Ротшильдов удалось достать только самого бесполезного. Остальные куда-то попрятались. Впрочем, многие другие тоже. Однако мы все равно хорошо проредили ряды реальных правителей западного мира, уже около шестидесяти процентов приказали долго жить.

— Намеки на нас оставлены? — поинтересовался Александр VI.

— Да, и их хорошо поняли. Но проблема в том, что что-либо решать они могут только коллегиально, а основные выжившие фигуранты исчезли. Странно, что они еще не пошли на компромисс, не в их духе.

— Возможно, они действительно знают что-то очень важное о находке на Н237... — предположил император. — Ничем другим я их упорство объяснить не могу. Но тогда получается, что нам эта ин-

формация не менее необходима, чем западу, — какова бы она ни была, но раз ради ее получения прилагаются такие усилия, она нам нужна. Связи с «Тенью» все еще нет?

— Увы, ваше величество, — развел руками Томилин.

— Плохо, — Александр VI постучал пальцами по подлокотнику кресла.

— Мы отправили больше двух сотен скоростных поисковых кораблей во все стороны, но результата пока нет, — сообщил Таймыров. — Кстати, фрегат второго нашего протеже тоже куда-то подевался.

— И никаких данных?

— По последней информации он побывал возле Н237 после сражения, около двух часов зачем-то там болтался, сканируя планету, но не высаживался. Затем улетел, предварительно передав в штаб координаты ненаселенной планетной системы в шестьдесят четвертом пограничном секторе. Система ничем не примечательна, но, зная как этот молодой человек умеет делать правильные выводы из разрозненных фактов, я направил туда сводную эскадру — шесть наших кораблей и два израильских. Флагман — линкор «Иосиф Сталин». Возможно, Коломцев понял, куда направился Шмелев. Или хотя бы предполагает.

— Хорошо, — кивнул император. — И если что, тут же отправляйте туда подмогу. Передайте в Адмиралтейство.

— Как прикажете, ваше величество, — поклонился Таймыров.

— Теперь по внутренним делам, — повернулся к его коллеге Александр VI.

— Самые активные либералы и демократы уже депортированы, остальные притихли, — доложил Томилин. — Только составили петицию, требующую передать предмет спора просвещенному западному миру. Естественно, в сети над ними дружно посмеялись. Все сотрудники западных посольств выдворены на родину еще в первый день после конфликта. Также удалось выявить две шпионские сети, о которых мы до сих пор не имели понятия. К счастью, никого из обладающих действительно важной государственной информацией западникам завербовать не удалось, сплошные гуманисты да несколько актеров. Резидентов депортировали, они из возвращенцев, остальным погрозили пальчиком. Да, еще чисто анекдотичный случай.

— Какой? — приподнял брови его величество.

— Группа товарищей китайского происхождения решила устроить заговор ради возрождения великого Китая.

Александр VI вытаращил глаза. Затем недоверчиво спросил:

— Китайцы? Да нет в Империи более законопослушного народа!

— А вот! — развел руками директор КВИБ-1. — В семье не без урода. Причем «заговорщиков» всего полтора десятка, и ни один даже китайского языка не знает. Этих дураков, кстати, соотечественники и разоблачили, сами упаковали и к нам доставили, прямо в пекинское губернское управление. В общем-то, никакой опасности не представляют, так, глупые

мальчишки. Думаю, отправим в армию, там им мозги быстро прочистят.

Император рассмеялся, представив себе, как возмущенные старшие китайцы тащат молодежь в КВИБ. История действительно необычна — китайцы по прошествии трех поколений настолько прочно вросли в Империю, что сами стали считать себя русскими, даже почти забыли родной язык — его знали только лингвисты и культурологи. Впрочем, то же самое, с небольшими различиями, произошло во всех русских колониях — программа ассимиляции разрабатывалась умными людьми и почти не давала сбоев.

Исключениями являлись только западные украинцы, поляки и прибалты. В конце концов эти три народа пришлось разбросать по всей территории страны, не позволяя жить компактно. Это помогло, и через четыре поколения после этого окончательно ассимилировались и они — среда изменяет сознание людей всегда. Молодым было куда интереснее стремиться вместе с новыми друзьями в космос, чем прятаться по углам и бухтеть о «великой» Польше или Украине.

— Народ возмущен действиями западников, многие требуют примерно наказать их, войны никто не боится — в военкоматах огромный приток добровольцев. Причем служивших.

Он умолк и недовольно пожевал губами.

— Что-то случилось? — насторожился император.

— Да, — неохотно отозвался директор КВИБ-1. — Вскрыта схема незаконного обогащения на воен-

ных заказах, с подменой материалов для оборонки на менее качественные. Схема была выстроена очень умно, но мы обратили внимание на слишком частые поломки управляющей интеллектроники и двигательных систем кораблей. Эксперты Адмиралтейства утверждали, что все в порядке — как позже выяснилось, были подкуплены. Втайне от них мы провели независимую экспертизу. Тогда-то и появился кончик ниточки, за которую мы потянули.

— Кто?! — В глазах его величества вспыхнуло бешенство. — Какая тварь посмела обогащаться на крови наших солдат?..

— Директорат «Роскосмоса» и частные акционеры дальневосточных военных заводов. Расследование пока еще ведется, всех фигурантов дела еще не могу назвать.

— Говорил же я, что давно пора избавляться от частного капитала в оборонке, — вставил свое слово Таймыров. — Все оборонные производства должны быть только государственными!

— Похоже, вы были правы, — сказал его величество. — Не хотел я вызывать недовольство промышленников, но теперь придется. Когда закончите расследование, устройте публичный суд, освещая его во всех средствах массовой информации, чтобы все знали, за что сдохли эти подонки. Казнь транслировать через закрытые каналы для взрослых.

Он отпил воды и обвел безопасников недобрым взглядом. Затем заговорил, слова императора падали, словно камни:

— Если претенденты из списка номер один не окажутся в пределах досягаемости сразу после моей

смерти, приказываю активировать список номер два. Это официальный приказ, зафиксированный искином резиденции.

— Фиксация приказа произведена три часа семнадцать минут назад, — тут же удостоверил неизвестно откуда холодный голос искусственного интеллекта. — Он передан во все исполнительные сети Империи согласно протоколу.

— Будет исполнено, ваше величество! — склонили головы Томилин и Таймыров.

Они встревоженно переглянулись — раз император решился на такое, то его самочувствие резко ухудшилось, другой причины быть не может.

— А теперь можете быть свободны, мне нужно отдохнуть, — Александр VI был бледен и тяжело дышал, лоб покрылся крупными каплями пота.

Он дотянулся дрожащей рукой до тревожной кнопки, и в кабинете тут же возникли ожидавшие в соседнем помещении врачи, бесцеремонно выгнавшие директоров КВИБ-1 и КВИБ-2, чтобы без помех заняться своим царственным пациентом.

— Недолго ему осталось... — тяжело проронил Томилин, остановившись в приемной и покосившись на безучастного императорского секретаря, бледного лысого мужчину, которого побаивались все, знающие, на что он способен.

— Недолго... — нехотя согласился Таймыров. — Что со вторым списком? Кто там самый толковый?

— Шестнадцатая. Да ты сам знаешь, восхищался ее выкладками с месяц назад.

— Только я не знал, что они — ее. Девочка хороша, ничего не скажу. Но зелена-а-а-я...

— Зеленая, не зеленая... — развел руками Томилин. — А делать нечего. Понадобится — будем тянуть за шкирку, научится. Решительности ей не занимать.

— Лучше бы седьмой вовремя вернулся... — вздохнул Таймыров. — Предпочитаю его всем остальным вариантам.

— А двенадцатый?

— Его я прочу на свое место, лучшей кандидатуры не подобрать.

— Думаешь?

— Уверен.

Безопасники снова переглянулись, как-то очень одинаково усмехнувшись и разошлись по своим делам, которых у каждого хватало.

Глава 10

Ничего не нарушало покой открытого космоса. Да и кого бы сюда занесло? Кому могли понадобиться несколько сотен плывущих в пустоте который миллион лет каменных обломков? Никому, ведь полезных ископаемых здесь не имелось. Вообще. Астероиды состояли из обычного черного базальта, из-за чего в видимом диапазоне заметить их было непросто. Поэтому при общей картографии шестьдесят четвертого пограничного сектора это астероидное поле даже картографировать толком не стали, только поставили символ опасности в его координатах. И изредка заглядывавшие в этот медвежий угол патрульные корабли послушно облетали астероиды,

разве что мимоходом просканировав их. Но сканирование ничего не давало.

Внезапно что-то изменилось. Стороннему наблюдателю показалось бы, наверное, что само пространство-время сдвинулось с места, на неуловимое мгновение стало двухмерным. И все вернулось на круги своя. Только посреди астероидного поля возник ни откуда странный корабль, словно состоящий из двух одинаковых половинок, связанных между собой сложнейшим переплетением серебристых щупалец, едва заметно мерцающих в темноте.

— Конечная точка маршрута достигнута, — сообщила Л300. — Получен запрос на идентификацию и сканирование.

— От кого? — насторожился Михаил.

— Неизвестно, но переданные коды имеют высший приоритет. Они принадлежат Совету Разума.

— Что такое Совет Разума? — капитан мысленной командой сделал этот диалог доступным всем членам экипажа.

— Высший координационный орган, отвечавший за общее развитие цивилизации Лонхайт, — сообщила интеллектронная система. — Имел право вето в любой области. При всей открытости политической системы моих создателей Совет Разума оставался закрытой организацией, имеющей выход даже на системы Контроля. В те времена за данный сегмент реальности отвечала структура, именуемая Безумными Бардами. Так ли это сейчас — мне неизвестно.

— Системы Контроля... — повторил Михаил, ему почему-то это показалось крайне важным, но он

и сам не мог объяснить почему. — Ты можешь дать их краткую характеристику для нас всех?

— Данная информация предоставляется только правительствам государств, в которые входит не менее трех планет, и/или общее население которых превышает десять миллиардов разумных. Могу сообщить лишь общедоступную информацию, не более.

— Хорошо, давай общедоступную... — Ограничение несколько расстроило землянина, но, как учащийся ВПА, он прекрасно понимал, что ограничения необходимы, не каждая информация должна быть доступна обычному человеку.

— Грубо говоря, системы Контроля — это пограничная стража реальности. Они выполняют регулировку взаимодействий между эгрегорами планетарных систем, с целью сведения к минимуму негативных воздействий на цивилизации и усиления позитивных влияний. Если об их существовании даже не подозревают, то это значит, что Контроль работает как следует. Возможно, в этот момент на обитаемую вселенную надвигается что-то способное погубить ее, но на дороге этого чего-то встают и гибнут контролирующие. И если вы здесь даже не узнаете, что вам что-то угрожало, то значит они свой долг выполнили до конца. Контроль отвечает за многое, но, как я уже говорила, эту информацию я вам предоставить не имею права.

— Ни хрена же себе... — не выдержал Тупило. — Мы-то думаем, что сами с усами, а на деле...

— Иерархии всегда существовали и всегда будут существовать, — отзывалась на его сентенцию

Л300. — Даже в высших Сферах. Правда, там это скорее иерархии по степени познания реальности.

Михаил задумался над поведением интеллектуальной системы. Ну не похожа она на обычный искин, хоть ты тресни! Ее поведение скорее смахивает на поведение разумного существа, причем биологического, ведь многие земные искины тоже были относительно разумны.

— Командир, потом подумаем над всем этим, — прервал его размышления Суровцев. — Что делать станем?

— Думаю, для начала ответим на запрос, а затем, если это ничего не даст, обследуем астероидное поле, — после недолгого размышления ответил Михаил. — Л300, передай информацию о нас.

За прошедшее время земной и крэнхянский корабли необратимо изменились, став копиями друга друга, их характеристики улучшились не менее чем вдвадцати. Теперь это были в полной мере корабли Лонхайт. Если бы земные конструкторы, строившие «Тень», увидели свое детище сейчас, то не узнали бы его — даже обводы изменились. Модернизация корабля была завершена во время двенадцатичасового ожидания во второй точке, перед последним переходом.

Когда Михаил ознакомил экипаж с новыми характеристиками «Тени», то ему поначалу просто не поверили — ну невозможно такое в принципе! Во-первых, фрегат теперь представлял собой самовосстанавливающуюся систему и был способен, при наличии внешнего вещества, восстановить любые повреждения в течение суток. И это даже в том

случае, если от него останется обломок метровой длины! Во-вторых, мощность гипердвигателя выросла почти вдвое, и он мог погружаться не на шестой, а на двенадцатый уровень гиперпространства, в существовании которого земные ученые сильно сомневались. Теперь корабль мог за сутки преодолеть расстояние от самой дальней колонии до Земли. И в-третьих — точечный двигатель, который позволял мгновенно перемещаться между включенными в некую загадочную сеть точками, словно между ними существовали гиперпространственные врата. Впрочем, существовали еще в-четвертых, в-пятых, в-шестых и так далее, но все это касалось уже внутреннего устройства фрегата. Один пищевой синтезатор, способный из любой материи производить продукты, чего стоил.

В общем, вывод следовал один — земляне еще многие десятилетия не смогут построить ничего подобного, хотя Михаил в этом выводе и сомневался. Если удастся раздобыть нужную информацию, то дома в ней быстро разберутся. Нет, время, конечно, понадобится, но в случае необходимости в России всегда умели работать быстро. И нельзя допустить, чтобы фрегат попал в руки западников — если захват станет неминуем, то придется уничтожить корабль вместе с самим собой и экипажем.

Системы сканирования «Тени» после модификации тоже поражали — они сканировали даже то, что земной физике было просто неизвестно. Ну что такое, скажите на милость, изменения коэффициентов Браяхха-Уннхотт при временном смещении 220 градусов? Как выяснилось, своевременно вы-

явленные данные изменения помогают обнаружить так называемые червоточины, позволяющие мгновенно оказаться не только в другой галактике, а порой и в другом времени или даже вселенной. Об усилении всех режимов сканеров можно было даже не говорить — сейчас экипаж «Тени» мог отслеживать происходящее за двадцать пять световых лет как минимум. Причем во всех возможных видах диапазонов — от радио до гравитационного и гипер. В итоге интеллектронная система создавала в ментальном пространстве полную картину происходящего в определенной точке пространства, причем происходила экстраполяция прошлого и будущего до месяца — по запросу оператор мог получить любую информацию. Правда, Михаил не знал, стоит ли верить экстраполяции событий будущего.

— Передаю данные и коды, — сообщила Л300 уже только капитану.

Прошло несколько минут, и она снова заговорила:

— Получен отзыв от обучающего центра Совета Разума. В нем производится адаптация разумных с достаточным уровнем сетевой толерантности и осознаваемости действий. Доступ возможен только для тех, чей коэффициент сетевой толерантности не менее 0,05 тарха. На корабле не обнаружено разумных с более низким коэффициентом, поэтому разрешение на переход получено.

— Переход? — переспросил Михаил.

— Комплекс находится вне времени и пространства, в так называемом сетевом коконе. Здесь только точка доступа.

Михаил помолчал немного, а затем рассказал обо всем вышесказанном экипажу.

— И?.. — От доктора Круглова веяло веселым интересом.

— Что «и»? — удивился капитан. — Переходим в этот самый комплекс, нас затем и послали, чтобы мы выяснили все возможное. Сейчас только связжусь с крэнхи — тут, думаю, будет работать тот же принцип — доступ только разумным разных видов вместе.

Как выяснилось, Гши Тайхай был в курсе — его Л250 тоже связалась с комплексом. Капитаны быстро обсудили случившееся и дружно приняли решение идти дальше.

Не прошло и десяти минут, как два соединенных воедино одинаковых корабля двинулись к точке перехода. Едва успели они оказаться там, как каждому человека или крэнхи показалось, что в него заглянул кто-то огромный и безмерно могучий. Он мгновенно считал память разумного, разложил ее по полочкам и пришел к каким-то своим, ведомым только ему выводам. И вокруг все изменилось — «Тень» и «Поиск» оказались в ни на что не похожем, залитом ярким светом пространстве, которое пересекали под самыми дикими углами бесчисленные подрагивающие трубы такой толщины, что по любой легко прошла бы сотня таких сдвоенных кораблей. Они свивались в спирали, выстраивали из себя иные геометрические фигуры и перекручивались ни на что не похожие узоры. То и дело то там, то тут возникали ослепительные разноцветные вспышки света.

«Тень» и «Поиск» потянуло куда в сторону счетверенного квадрата, в центре которого пульсировала спираль. Двигатели отключились и не реагировали на команды пилотов — теперь ими управляли извне. На запрос Михаила Л300 сообщила, что здесь запрещено использовать собственные двигательные системы, чтобы не повредить структуру комплекса.

— В общем, правильно, — задумчиво заметил Суровцев, разглядывая окружающее посредством сенсоров корабля. — Тут можно неумелым пилотированием такого наворотить...

— Шеф, обижаешь! — возмутился Хряченко. — Я бы как иголочки прошел, ничего не задел. Да и ты — тоже.

— Любой бы «безумец» прошел, — подтвердил новый член экипажа, Алекс Шапиро, которого доктор Круглов недавно выпустил из медотсека после излечения и внедрения защитного комплекса нанитов.

Впрочем, эти нанокомплексы за время ожидания в предыдущей точке успели внедрить всему экипажу, исключая пока американца — одна инъекция, и человек становится по земным меркам сверхчеловеком. Наниты еще не развернулись в телах людей полностью, но все уже успели ощутить увеличение скорости мышления, улучшение самочувствия, ускорение реакции почти в два раза. Без следа сошли все старые шрамы, исчезли последствия ранений. Судя по предположениям Круглова, срок жизни увеличился как минимум впятеро. И это все были мелочи — когда нанокомплекс завершит перестройку организма, его носитель вообще станет малоуязвим.

Сдвоенный корабль продолжал двигаться под внешним управлением к центру спирали, где находился полупрозрачный додекаэдр. Аппаратура отказалась, и определить его размеры оказалось невозможно, но, судя по первым прикидкам, не менее десяти километров в диаметре.

— Если наши знали, что тут ждет, то понятно их желание успеть первыми, — заметил американец. — Мы же до сих пор только мелочи находили, а тут такое...

— Да уж, — словно пес отряхнулся Тупило. — Отдавать это им — последнее дело. Все только ради своего обогащения используют. Гарантию даю, что если бы они нашли комплекс, то даже нанокомплексы простые люди не увидели бы, только богатенькие буратино.

— У вас, что ли, не так? — насмешливо спросил Торренс.

— Не так, — заверил бортинженер. — У нас эти комплексы получит со временем весь народ, без исключений. И притом бесплатно.

— Слышал, что у вас медицина бесплатная, но не верил, — вздохнул американец. — У нас, если на дорогую страховку денег не хватило, то и лечить тебя не станут. Точнее, в пределах страховки услуги окажут, но не более.

— Социальные гарантии Империи, — усмехнулся Тупило. — Как у вас пишут, в обмен за свободу. Никогда не понимал свободы дохнуть с голоду! Свободно поливать других грязью, но из-за этого права не иметь ничего? На хрен такую, блин, «свободу»!

— Да не в этом дело, — скривился Торренс. — Это так, мелочи. Главное тут — свобода от совести и чести, право творить любую мерзость безнаказанно. Одни законы о защите педофилов чего стоят! А попробуй защити своего ребенка силой — тебя же и посадят!

— Вы серьезно?.. — растерянно посмотрел на него бортинженер.

— Более чем серьезно, — заверил американец. — Если по заключению психологов все было добровольно, то ты ничего не докажешь, даже если твой ребенок после этого говорить не может и постоянно плачет! А психологи охотно берут деньги. Так что сесть за изнасилование, причем не более чем на два года, может только тот, у кого нет денег. Вот так-то...

— Не понимаю, почему вы терпите это, — помотал головой Тупило.

— Я уже говорил — не хотим крови, — вздохнул Торренс. — Но у отставных офицеров с каждым годом все меньше терпения остается. Скоро, похоже, граничная черта будет пересечена, и тогда наши бонзы получат за всё. Разом.

Корабли тем временем продолжали неспешно плыть к центру спирали. И никто из людей и крэнхи на борту не знал, что их ждет впереди.

* * *

Скрестив руки на груди, Гши Тайхау стоял у экрана и смотрел на сплетающиеся в дикие для глаза фигуры белые трубы, мимо которых легко скользил сдвоенный корабль. Но он не видел эти фигуры, он вспоминал и размышлял. Еще дней десять назад

расскажи кто наследнику самого сильного клана о том, что его вскоре ждет, то оный наследник просто не поверил бы.

Однако Гши с детства учили принимать реальность и не строить глупых иллюзий. Когда его вызвал к себе отец и сказал, что поручает самое важное, наверное, за всю историю расы крэнхи задание, наследник ожидал чего угодно, но только не того, что его отправят капитаном малого эсминца к забытой Повелителем Воинов планетенке. Он хотел было возмутиться, но, увидев выражение лица и движения усов отца, не стал. И вождь объяснил сыну, что началось то, чего уже три поколения ждут кланы.

Как выяснилось, предки обнаружили послание Лонхайт, где говорилось, что когда разумные окажутся готовы, то им передадут координаты хранилища, содержащего в своих информаториях все научные знания древней расы. И не только, были сделаны намеки, что на самом деле там хранятся знания и опыт множества ушедших за пределы реальности народов. Основным признаком скорого появления хранилища было указано обнаружение комплекса, подобного найденному на планете Штайхара, которую земляне называли Н237, а затем его старт и исчезновение. Помимо этого Лонхайт указали, что для получения координат необходимо присутствие на месте, где находился комплекс, молодых представителей двух как минимум разумных рас, причем имеющих отношение к властным структурам. Правда, древние выразились витиевато: «Имеющие право менять извилистые дороги судеб».

К сожалению, обо всем вышесказанном узнали и в двух враждебных кланах, сотрудничающих с остальными только из-за войны с землянами. Как это произошло, вождь сыну не рассказал, только недовольно скривился. Но он никак не думал, что Шха-Майянх и Тхай-Меййон решатся на разрыв союза. Для них оказалось абсолютно неприемлемым сотрудничество с людьми, не пожелали понимать, что без него координаты не получать. Они потребовали использовать «безволосых обезьян», а затем захватить комплекс в одиночку. Но для клана Дха-Вертонг такое было неприемлемо — в нем данное слово ценили превыше жизни.

Поэтому, как только комплекс ушел со Штайхары, на Землю был срочно отправлен чрезвычайный и полномочный посол, причем в Российскую империю, которую, в отличие от остальных земных стран, крэнхи клана уважали. И было за что — безрассудная. Да и безумная храбрость русских стала притчей во языцах. Слово они тоже держали всегда, в отличие от американцев и европейцев, так и не понявших, что своими действиями вызывают у крэнхи просто презрительность. Это и стало причиной того, что посол был отправлен не ко всем землянам, а только к русским. И этому послу, опытному старому дипломату, удалось договориться с императором России о сотрудничестве в исследованиях, не открыв при этом никакой важной информации, а главное — причины, по которой требуется совместное исследование. Он не солгал, просто умолчал о самом важном.

Гши в это время уже получил под командование малый эсминец с двигателем Лонхайт и на всей

возможной скорости двигался к Штайхаре. Успел буквально в последний момент — через два часа после его прибытия из гипера вышел русский фрегат с таким же, как у его эсминца, двигателем, что сразу же многое говорило о статусе капитана.

Как потом изумился Гши после утверждения Михаила, что тот самый обычный курсант, а не сын вождя. Крэнхи не поверил — ни такие корабли, ни такие миссии не доверяют обычным курсантам. Но про себя решил, что раз землянин решил притворяться низкоранговым, то это его дело, видимо, ведет какую-то свою игру. Обычное дело в среде высших.

Произошедшее с ними двумя на планете — остальных спутников сын вождя во внимание не принимал — потрясло Гши. Особенно видения, в которых раз за разом приходилось умирать, принимая перед тем основополагающие решения, по сравнению с которыми собственная жизнь ничего не значит. С каждым разом он неуловимо менялся и четко осознавал это. Он начал понимать то, что раньше не понимал и понимать не мог — опыта не хватало. Это было одновременно больно и прекрасно. Зато теперь смерть вообще перестала иметь для сына вождя какое-либо значение. Он выполнит свой долг! Чего бы это ни стоило лично ему.

Полученная затем информация о новом устройстве мироздания изумило молодого крэнхи — почему никто из так называемых мудрых такого даже не предполагал? Ведь даже намеков не было! Если, конечно, не принимать во внимание разговоры о пе-

реходе расы в энергетическое состояние. Но это частность, всего лишь частность! Главное в другом — в глобальности общей картины, в осознании, что с этого дня жизнь крэнхи полностью изменится, поскольку жить по-прежнему больше невозможно, особенно зная то, что теперь знает он.

Два клана все-таки попытались реализовать свой план после выхода «Поиска» на орбиту, причем совместно с недостойными уважения землянами из США и Европы, которые тоже, по-видимому, откуда-то узнали о важности найденного на Штайхаре, и решили перехватить фрегат русских.

Если бы они с Михаилом не узнали того, что испытали на планете, то вряд ли сумели бы активировать точечные двигатели, это ему система Л250 дала понять четко. Похоже, подобные способы перемещения возможны только для разумных, перешедших определенный предел. Жаль только, что непонятно, что такая сетевая толерантность, да и что такое сама эта сеть. Ясно, что она имеет отношение к эгрегорам населенных миров, но какое именно? И если только населенных, то почему тогда совмещенные корабли два раза выходили к не населенным? Как все это понять?

Но главным итогом происшедшего, похоже, станет окончание войны с землянами — да и хватит, пожалуй, слишком много десятилетий она уже тянеться. Да, необходим был внешний враг, чтобы хоть как-то примириться с двумя кланами. Но что теперь? Стоило появиться шансу что-то изменить, и эти самые кланы тут же за него ухватились. Слишком велики противоречия между

двумя ветвями народа. В одной основа всего — взаимопомощь, а в другой каждый сам за себя, все воюют против всех, вот и правят там бал самые сильные и безжалостные хищники, не позволяя никому поднять голову. Как найти выход из этого тупика? Неужели опять междуусобная война?..

Гши резко тряхнул головой и снова взглянул на экран. Спираль медленно приближалась, уже становилось понятно, что ее диаметр — сотни километров как минимум. В центре ее горела темным огнем точка. Она пульсировала в каком-то заставляющем нервно ежиться ритме. Там их четверых, да, прежде всего их четверых, уже что-то понявших, ждало что-то неизвестное.

Пожалуй, прежде чем все начнется, необходимо переговорить с Михаилом. Почему-то этот человек после совместных испытаний стал сыну вождя ближе многих крэнхи. Да не надо обманывать себя — братом он стал! Если не больше. Еще не по крови, но это поправимо — обряд эн-квайх-йорхайн никто не отменял. Интересно, испытывает ли землянин те же чувства?

Капитан «Поиска» позвал Л250 и потребовал срочно связать его с «Тенью».

* * *

Вызов от Гши едва не застал Михаила вра-сплох. Он в который раз обдумывал случившееся на Н237 и пытался прийти хоть к каким-нибудь выводам, но это у него не очень-то получалось. Слишком много нового узнал молодой капитан,

причем необъяснимого с точки зрения земной науки. Причем многое объяснялось при помощи иных знаний, эзотерики — мистики еще в древности не раз говорили о чем-то подобном. Но их предположения все равно только общие слова, не дающие четкого понимания о том, что Михаилу довелось увидеть. Разве что книга Даниила Андреева «Роза мира» кое-что объясняла, но она была слишком мистична и аллегорична, чтобы взять ее за основу понимания.

— Слушаю, — отозвался Михаил, улыбнувшись. После всего Гши почему-то вызывал у него на удивление теплые чувства, словно родной брат, которого у него никогда не было.

— Нам надо поговорить, прежде чем окажемся там, — оскалился крэнхи, такой оскал заменял у них улыбку. — Мне кажется, что предстоящее полностью изменит нас. Да и все вокруг нас — тоже.

— И я так думаю...

— Похоже, наши народы подошли к некому пределу, после которого должны или пойти иным путем или... уйти, чтобы не мешать другим, которые, возможно, вскоре появятся.

— И нам «повезло» оказаться на переднем крае всего этого... — подхватил мысль сына вождя землянин.

— Именно, — кивнул тот. — А значит, на нас лежит огромная ответственность. Впрочем, с нашим положением к такому не привыкать.

Михаил не понял, что он имеет в виду, а потом вспомнил о чинопочитании его народа. Почему-то Гши считал Михаила кем-то высокопоставленным,

а не обычным курсантом, коим он являлся. Ну, это право, повторять уже сказанное смысла нет.

— Кстати, а у тебя нет ощущения, что мы стали очень близки? — решился он, переходя на «ты».

— Есть, — снова оскалился крэнхи. — Я ощущаю тебя братом и не могу объяснить себе это ощущение. Никогда и никого я не ощущал ближе...

— У меня та же проблема, — вернул ему улыбку землянин. — Странно, но факт.

— Тогда кто нам мешает стать братьями и по крови, а не только по ощущению? — осторожно спросил Гши, очень надеясь, что ему не откажут, ведь это станет смертным оскорблением, которое смывается только кровью.

— Эн-квайх-йорхайн? — прищурился Михаил.

Необычно выглядело общение в ментальном пространстве через интеллектуальные системы — обоим казалось, что они стоят друг напротив друга в неком скрытом со всех сторон туманом месте.

— Да, — подтвердил крэнхи.

— Я согласен, — наклонил голову землянин. — Чувствую, что так будет правильно.

— Я рад, — пошевелил усами Гши, глядя собеседнику прямо в глаза. — Кто будет твоим мастером правой руки?

— Айзат, ты его уже знаешь, — ответил Михаил. — А твоим — Лху Йаннау?

— По крайней мере, он тоже побывал там и понимает больше других.

— По этой причине и я взял Айзата, к тому же он мой старый друг.

— Тогда я перехожу на твой корабль.

Как выяснилось, после преобразования кораблей в однотипные создать переход между ними наниты могли за каких-то пять минут. Пока это происходило, Михаил покинул виртуальное пространство, чтобы объясниться с экипажем. Это Гши было просто — его приказ, каким бы он ни был, никто оспаривать не осмелится. Сын вождя клана — и этим все сказано.

В рубке помимо дежурной смены собрались почти все, за исключением занятого профилактикой бортинженера и двух на всякий случай пребывающих на боевом посту канониров, Шайганова и Сванидзе. Михаил вздохнул и сообщил, что собирается побраться с крэнхианским капитаном, который сейчас перейдет на «Тень».

— Побраться? — удивился Хмелин. — А не слишком ли?

— Нет, не слишком, — заверил Михаил. — Поймите, так надо. Пока не могу объяснить логически, но чувствую, что иначе просто нельзя. Тем более что это не просто братание, а эн-квайх-йорхайн.

— Ну ни х...я себе! — не выдержал Хряченко. — Капитан, вы мозгами поехали?! Да это ж...

— Это слишком, капитан! — вторили ему Хмелин и Суровцев.

Остальные просто ошарашенно вытаращились на Михаила. Военные хорошо знали обычай старых врагов и прекрасно понимали, что такое эн-квайх-йорхайн. Прошедшие этот обряд крэнхи становились не просто родными братьями по крови, а чем-то много большим. Они обязаны были

всегда приходить на помощь связанным с ними, в любой, даже самой безнадежной ситуации. Не раз случалось так, энквайхи, как сокращенно называли побратимов на крэн'хау, подставлялись под пулю или меч, предназначенные брату. Они делились всем, от последнего куска хлеба до женщин. В случае гибели одного из них второй содержал его семью. И как в такую схему мог вписаться человек, никто не понимал — разные биологические виды.

— Так надо, — Михаил обвел всех по очереди тяжелым взглядом. — Поймите. Иначе нельзя. Это мое решение, и я имею на него право.

— Что ж, как хотите, — пожал плечами Хмелин, он явно был недоволен, но, поскольку был штрафником, не мог возражать командиру.

— Айзат, — обратился капитан к другу. — Прошу тебя стать «мастером правой руки» в обряде. Ты его должен знать, мы изучали.

— Знаю, — кивнул татарин. — Хорошо. Насколько я помню, нужно три ножа, уже попробовавших кровь врага.

— Один такой есть у меня, — кивнул Михаил. — Довелось года три назад в рукопашной схлестнуться во время обороны Ш421.

— И у меня есть, я тогда с тобой был, — усмехнулся Айзат.

— Третий я могу дать, — тяжело посмотрел на них Шапиро. — Хоть и пилот, а тоже всякое бывало...

Стена рубки вдруг потекла, словно ее расплавили мощным плазмером, в ней проявилось небольшое отверстие, которое начало стремительно расширять-

ся. Офицеры вскочили на ноги, хватаясь за ручное оружие — рефлексы есть рефлексы, ничего тут не поделаешь.

— Тише! — поспешил успокоить их Михаил. — Система по моей просьбе соединила корабли. Это Гши с напарником прибыл.

Действительно, не прошло и нескольких секунд, как отверстие в стене приняло вид обычного переходного люка с высоким комингсом¹. Никто из проектировщиков не мог объяснить, зачем на космических кораблях комингсы, они остались от эпохи морских судов и почему-то присутствовали почти на каждом военном корабле. Сколько об них было ушиблено ног и сколько на них вывалено ругательств! Люди протестовали, требовали покончить с этим безобразием, им обещали, но все оставалось по-прежнему.

Люк отъехал в сторону, и через коминг переступил, едва не споткнувшись, Гши Тайхау в сопровождении Лху Йаннау. Они вежливо поклонились и замерли, настороженно глядя на настороженных землян.

— Добро пожаловать на «Тень»! — ступил на встречу Михаил, он говорил, естественно, на крэн'хау.

— Благодарю, — отозвался сын вождя на интерлингве.

¹ Комингс — вертикальные стальные листы или деревянные брусья, ограждающие грузовые, световые и сходные люки от попадания воды внутрь помещений на морских судах. Все двери на судне также имеют комингс высотой от 50 до 300 мм. (Википедия)

— Предлагаю перейти в кают-компанию, — предложил земной капитан. — Там всяко больше места.

— Хорошо.

Михаил направился к выходу, показывая Гши дорогу. При преобразовании корабля лонхайтские наниты оставили внутреннюю обстановку привычной для землян, поэтому, наверное, и комингсы остались — уж их-то как раз можно было без проблем убрать, и Михаил решил попросить об этом Л300. Кают-компания располагалась на другой стороне фрегата, чтобы добраться до нее, пришлось пройти по радиальному коридору. Там легко поместился бы весь экипаж, еще и место бы осталось.

— Л300, сделай, пожалуйста, часть пола в центре гладкой, — приказал Михаил, войдя.

Рубчатая, чтобы ноги не скользили, поверхность пола тут же потекла и стала ровной, белого цвета, словно система знала, что именно требуется для обряда. Впрочем, может, и знала, от нее никогда не знаешь, чего ожидать. В кают-компании тем временем собирались все члены экипажа, исключая дежурных пилотов, Хряченко и Чайки. Даже Торренс пришел и сейчас наблюдал за происходящим, опершись об стену в дальнем углу.

Михаил и Гши переглянулись — слов им не требовалось, оба знали, что нужно делать. Землянина всегда восхищала культура крэнхи, их обряды были очень красивы, честь ставилась во главу угла в любой ситуации, причем честь в том самом понимании, не репутация, а то, что ты сам думаешь о себе. Поэтому Михаил и знал последовательность действий

в эн-квайх-йорхайн. Многие люди считали этот и другие обряды «котов» слишком кровавыми, но у расы воинов иначе и быть не могло. Объяснять не понимающим Михаил никогда и не пытался — пусть себе думают, что хотят, тем более что в большинстве это были обыватели, мнение которых значения не имело.

Мастера правой руки, Айзат и Лху, подготовили ножи, разложив их треугольниками на полу. В вершине каждого лежали личные кортики будущих братьев. Михаил и Гши обнажились по пояс и сели друг напротив друга на пятки. Они протянули вперед правые руки и в один голос произнесли:

— Призываю свидетели светлое небо и темную землю! Призываю свидетели духи предков и Повелителя Воинов! Примите союз двух равных воинов! Освятите его и благословите!

Айзат вложил в ладонь Михаилу его собственный кортик, его примеру последовал и Лху, передав Гши кинжал с резной костяной ручкой, по виду очень древний, наверное, родовой. Оба молодых воина слитным движением рассекли себе левые предплечья, зачерпнули крови и плеснули ее на пол. Мастера правой руки тут же принялись чертить из смешавшейся крови человека и кренхи сложный узор между ними. Лху иногда едва слышно подсказывал Айзату последовательность действий, поскольку человек не мог знать всех тонкостей обряда.

— Светлые небеса и Повелитель Воинов! — голос сына вождя зазвенел, в нем слышалось торжество и надежда. — Я, Гши А-Ринно Тайхау, от имени малого клана Гше-Тхойнг и великого клана

Дха-Вертонх объявляю Михаила сына Ивана Шмелева своим кровным братом и принимаю его в род! Отныне и навеки! Да будет так!

Лху врочил ему второй нож, и Гши рассек себе второе предплечье, затем провел ритуальные надрезы на щеках и лбу, стряхнув капли крови над завершенным узором.

— Светлые небеса, Повелитель Воинов и Мать-Россия! — Глаза Михаила горели, он чувствовал, что происходит нечто до сих пор невозможное и невероятное, способное изменить все вокруг. — Я, Михаил сын Ивана Шмелева, от имени малого клана Шмелевых и великого клана Российской империи объявляю Гши А-Ринно Тайхайу своим кровным братом и принимаю его в род! Отныне и навеки! Да будет так!

И повторил действия Гши протянутым ему ножом Айзата.

— Да осияет вас Свет и закроет Тьма! — хором произнесли ритуальные слова мастера правой руки, надрезали себе ладони и скрепили своей кровью нарождающийся союз.

Затем все четверо заключили узор в ромб, естественно, опять кровью. После чего Михаил с Гши встали, шагнули внутрь этого ромба прямо на узор и обнялись таким образом, чтобы раны на предплечьях соединились. В этот момент и произошло то, что каждый свидетель потом вспоминал до самой смерти — из ниоткуда в обнявшихся человека и крэнхи ударил пучок разноцветных молний, окружив их переливчатым сиянием. Вокруг них возникли световые кольца разного цвета, эти кольца

возникали у ног, скользили вдоль тела и уходили в потолок.

— Испытание пройдено! — грянул в сознании каждого на двух кораблях пронизывающий до костей голос. — Вас услышали, Гши Тайхау-Шмелев и Михаил Шмелев-Тайхау. И приняли. Будьте достойны!

Раны обоих на глазах затянулись, только на лбу у каждого, слева, остались словно вплавленные в кожу серебристые символы — круг с точкой в центре, заключенный в ромб. Потолок кают-компании на мгновение засветился белым, и все вернулось на круги своя.

Михаил с Гши ошалело смотрели друг на друга, отстранившись, и ничего не понимали. Что случилось? Что-то пошло не так?

— Вас услышали высшие! — восторженно выдохнул Лху. — Такого не бывало тысячи лет, чтобы боги слышали смертных и отвечали им!

— Ох, ни хрена же себе! — Глаза Суровцева были абсолютно круглыми. — Это кто ж вас услышал-то?

— И благословил, — добавил Шапиро. — Может, кто-то из малахов, которых вы ангелами зовете?.. Кто знает... Но ответственность на вас двоих теперь такая лежит, что страшно становится. С благословленных небесами спрос ого-го какой...

Только теперь до Михаила начало доходить, что же произошло. Их клятву услышали некие высшие силы? Это действительно страшно, своих избранников высшие всегда испытывали так, что врагу не пожелаешь. И жили эти избранники недолго и невесело. Как ни странно, это молодо-

го капитана не беспокоило, он размышлял о другом — что должен сделать и как выполнить свой долг перед Родиной.

— Нас слышали боги! — Глаза Гши лучились радостью. — Мы станем великими вождями и приведем наши народы к небесным вратам!

— Но я-то не вождь, — покосился на него Михаил. — Обычный офицер, точнее даже еще курсант.

Крэнхи оскалился со всем возможным скепсисом, явно не поверив ни единому слову кровного брата. Землянин с недоумением пожал плечами, но решил не обращать внимания — пусть себе думает, что хочет, его проблемы.

— Внимание! — заставил всех вздрогнуть неожиданно раздавшийся из стенных динамиков голос Хряченко. — Приближаемся к центру спирали, осталось два километра.

— В рубку! — скомандовал Михаил и первым поспешил к выходу.

За ним потянулись остальные. Гши шел следом за побратимом и размышлял о случившемся. Надо будет рассказать об этом отцу и темным шаманам, может, хоть они сумеют понять, кто из высших обратил внимание на клятву. И чего теперь ждать. На них двоих теперь великий долг лежит, теперь их жизни принадлежат не себе самим, а своим народам. Он очень надеялся, что высшие дадут понять, чего же они хотят от своих избранников.

Когда Михаил оказался в рубке, он в первое мгновение не узнал ее — вся передняя стена перед постами пилотов и капитанским креслом превратилась в огромный panoramicный голоэкран. Похоже, преоб-

разование еще не завершилось, и их ждет еще немало неожиданностей. На экране он увидел висящий посреди спирали бугристый серый шар, на его буграх колыхались, словно в вакууме дул ветер, длинные, тонкие щупальца.

Внезапно посреди шара появилась и начала становиться все шире щель, откуда лился мягкий опаловый свет.

— Нас ждут там... — негромко сказал из-за плеча Михаила Гши. — Я чувствую...

Прислушавшись к себе, землянин понял, что кровный брат прав — их действительно что-то звало туда, в этот шар. Он медленно приближался, и чем ближе становился, тем яснее были его размеры — корабль по сравнению с этим нечто был муравьем по сравнению со слоном.

Сдвоенные корабли медленно вплыли в щель и оказались в залитом светом бесконечном пространстве. Ни один сканер ничего не показывал — приборы попросту отключились, увидеть что-либо можно было только глазами. Довольно долго «Тень» и «Поиск» двигались в никуда, покуда впереди не показалась площадка, на которой Михаил заметил что-то похожее на эстакаду.

— Садимся сюда, — приказал он Хряченко.

Тот молча кивнул, о чем-то коротко переговорил со своим коллегой на «Поиске» и пробежался пальцами по сенсорам пульта. Корабли сменили положение в пространстве, развернулись и мягко опустились на площадку, выдвинув опоры. Как ни странно, то, что они срослись друг с другом, ничуть не помешало посадке.

— Смотрите, там кто-то стоит! — вдруг привлек всеобщее внимание Даниил.

Михаил уставился на экран и понял, что друг прав. Вдалеке, в полукилометре от корабля действительно стояли две фигуры.

Человек и крэнхи.

Глава 11

После эвакуации американского и европейского экипажей со станции «Иван Ефремов», охраняющей границы шестьдесят четвертого сектора, командующему, контр-адмиралу Шалыгину, с трудом удалось набрать нужных специалистов с ближайшей русской колонии, Новой Сибири — планеты суворой, морозной и не прощающей людям ошибок. Полуторная гравитация — это вам не шуточки. Выходцы с нее славились своей надежностью, их слово было крепче стали, да и физической силой они обладали изрядной.

Но новосибиряки жили своей жизнью, часто не обращая внимания на то, что происходит вне их планеты. Контр-адмиралу пришлось слетать на Новую Сибирь и выступить по местному головидению, чтобы люди пошли служить. Он ничего не требовал, он земным поклоном поклонился людям и попросил помочь оборонить родную землю, ибо супостат скоро придет. После этого отбоя от добровольцев не было, мало того, всю экономику планеты за каких-то несколько дней перевели на военные рельсы — люди лихорадочно готовились к обороне. Все понимали,

что станция, невзирая на ее огневую мощь, против большого флота долго не выстоит, а значит, возможна оккупация. Поэтому немногочисленные военные части колонии экипировались и уходили в леса, готовясь к сопротивлению. Создавались ячейки подпольщиков и партизанские отряды, на тайные базы спешно завозилось вооружение, оборудование и продовольствие. На орбиту выводились все запасы мин, их маскировали под каменные обломки. Из хранилищ достали и привели в боеспособное состояние даже немногочисленных боевых роботов, от использования которых земная военная мысль отказалась еще лет шестьдесят назад.

Русские, а также немногочисленные халифатские и израильские офицеры станции радушно встречали новобранцев с Новой Сибири и прощали им несоблюдение субординации — гражданские есть гражданские. Им немало времени на адаптацию к военным порядкам требуется, а сейчас времени на это не было — согласно донесениям разведывательных кораблей, в трех световых годах постепенно собирался огромный американско-европейский флот.

Николай Поруков и Цви Ковальский, лейтенанты, русский и израильтянин, никак не ожидали, что восемнадцатая орудийная башня «Ивана Ефремова» окажется под их командованием — не считали еще себя готовыми к такой ответственности. До инцидента все старшие должности занимали офицеры Евросоюза, два англичанина, немец, бельгиец и француз. Теперь, естественно, их не было, и все свалилось на Николая с Цви. Ребята, а они были еще совсем млады, обоим недавно исполнилось по двадцать два

года, с ног сбивались, пытаясь поддерживать в боеготовности башню, но не хватало ни рук, ни времени — раньше башню обслуживало вчетверо больше специалистов. Поэтому прибытие четырех канониров с Новой Сибири стало для них манной небесной.

Много слышав о выходцах с этой планеты, Николай все же не ждал, что в командный центр башни ввалится четыре медведя — а именно так выглядели новосибиряки, они были вдвое шире обычного человека и намного массивнее. Что ж, полуторная гравитация дала о себе знать. Главное в том, какие из них канониры и техники.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? — прогудел стоящий впереди лысый здоровяк с окладистой ухоженной бородой.

Николай окинул его внимательным взглядом — ох и здоров же парень, косая сажень в плечах. Руки толщиной с ногу обычного человека, явно быка одним ударом с ног легко свалит. И одни сплошные мышцы, ни капли жира. Глыба, а не человек.

— Обращайтесь.

— Вольноопределяющиеся Симоновы для прохождения службы прибыли! Вот предписание.

Здоровяк протянул Николаю инфокристалл, тот взял, однако сперва спросил:

— Симоновы?

— Да к браты мы, тащ лейтенант! — широко улыбнулся здоровяк. — Я — Ванька, он — Петро, он — Юрка, а это — Васька. Батька велел нам не посрамить дедов! Сам хотел пойти, но он без ноги, на службе потерял, кады коты возле М132 навалились.

- Сами служили?
- Так точно! В силах планетарной самообороны, на орбитальных платформах.
- То есть с большими гиперорудиями дело имели? — уточнил Николай.
- А то! Токо старыми, ГОАК-72 еще, они у нас на платформах и щас стоят.

Лейтенанты переглянулись, ощущая, что их лица вытянулись — придется начисто переучивать новобранцев, обслуживание знакомого им старья и хотя бы НГОР-22 — совершенно разные вещи. И неудивительно, ГОАК-72 перестали выпускать больше пятидесяти лет назад.

— А Васька у нас спец по мезонным пушкам, — показал на самого молодого «медведя» Иван. — Хрен какой истребитель близко подойдет, пока он за пультом сидит. Ему даже почетную грамоту лучшего стрелка дали!

Зенитчик? Это уже кое-что, хороший зенитчик — основа выживания батареи, без него истребители быстро подавят орудия. Но переучивать все равно придется, на станции, недавно прошедшей капитальный ремонт и модернизацию, установлено новейшее вооружение, с которым они сами с трудом научились управляться.

— Хорошо, значит вольноопределяющийся Василий Симонов назначается командиром зенитного подразделения орудийной башни № 18, — пристально посмотрел на изумленного таким решением парня, одновременно внося данные о назначении в реестр станции через свою глашку. — Отправляйтесь в ангар и подберите еще двух новобранцев, разбира-

ющихся хоть на начальном уровне в зенитном деле. Остальные, как только вещи в каютах оставите, собирайтесь в центральном отсеке. Учиться вам много придется, и без отдыха, говорят, что враг скоро тут будет.

— Сделаем, тащ лейтенант! — кивнул старший Симонов и хлопнул брата по плечу. — А ты, Васька, гляди мне! Не подведи! Хороших ребят найди.

— Да чего там, Вань... — покраснел тот. — Ты ж знаешь, я завсегда...

— Иди уже, — подтолкнул его тот, и Василий скрылся в люке.

С этого момента события закрутились с такой скоростью, что на отдых оставалось по два-три часа в сутки — Николай и Цви спасались только стимуляторами, понимая, что сейчас не до сна, подготовиться бы к обороне. Ведь разведка окончательно установила, что будет атакован именно шестьдесят четвертый сектор. Что понадобилось «демократам» здесь? Ведь во всем секторе всего три населенные планеты, да и у тех население, за исключением Новой Сибири, не превышает двух миллионов человек. Но их флот уже закончил формирования и выдвинулся в сторону «Ивана Ефремова». Плохо еще и то, что многие американцы и европейцы служили на этой станции и знали все ее слабые места. На Землю отправили несколько курьеров с мольбой о помощи, но ответа пока не было. Неудивительно, курьерские корабли вполне могли перехватить, да и времени мало прошло.

Новосибиряки лихорадочно учились обращаться с гиперорудиями, разнося в щебень все астероиды на

расстоянии до пяти световых минут. Василий действительно оказался зенитчиком от Бога, и нещадно гонял своих подчиненных, трех таких же коренастых парней, имевших небольшой опыт после службы на орбитальных платформах. И постепенно добивался успеха — по крайней мере мазать парни стали далеко не каждый раз, как поначалу.

Прошло двое суток, и из гиперпространства вынырнул непонятно как двигающийся разбитый корабль, сообщил о том, что вражеский флот нырнул в гипер и взорвался, не успев даже отстрелять спасательные капсулы. На станции зазвучали сирены боевой тревоги, люди бегом неслись и занимали посты по боевому расписанию. Они тихо молились, готовясь дорого продать свои жизни. Кто-то украдкой смотрел на голограммы жен и детей. Кто-то крестился. Кто-то кусал губы. Кто-то яростно сжимал кулаки и шептал проклятия пришедшему их убивать.

Базировавшиеся на «Иване Ефремове» истребители покинули ангары — правда, только с обычными пилотами. «Безумцев» Шалыгин решил пока оставить в резерве. Как ни странно, американские и европейские «безумцы», за редким исключением, тоже остались на станции и сейчас готовились драться со своими соотечественниками. В общем-то понятно почему — слишком уж их ценности отличались от привычных в Америке и Европе. Они мечтали о полетах и творчестве, а не о том, как бы любой ценой получить побольше денег. Поэтому всегда были у себя на родине изгоями, их не понимали, их сторонились и держали в черном теле. В основном отставные «безумцы» покупали себе дома в малона-

селенной местности и старались поменьше контактировать с людьми.

Коротко звяли ревуны боевой тревоги, сообщая о выходе американско-европейского флота из гиперпространства. Эскадра за эскадрой выстраивались в боевые порядки, готовясь атаковать станцию, которую еще совсем недавно защищали. В общей сложности европейских и американских тяжелых кораблей оказалось тридцать два, из них шесть линкоров и три авианосца, остальные — крейсера разных типов. И больше шестидесяти фрегатов, эсминцев и корветов.

Командующий «Иваном Ефремовым» напряженно вглядывался в тактический голоэкран, иногда легкими движениями пальцев по нему передислоцируя свои немногочисленные корабли. Контр-адмирал осознавал, что против такого флота долго не удержаться, но намерен был выполнить свой долг до конца. Он только никак не мог понять, почему столь малонаселенный сектор атакуют такие силы. Видимо, он чего-то не знает, и здесь есть нечто важное для «демократов».

— Господин адмирал! — внезапно обернулся к нему офицер связи, халифатец Мустафа Шафир. — Из гиперпространства вышла еще одна эскадра и передала коды имперского генерального штаба!

— Наши? — обрадовался Шалыгин. — Отлично! Связь с ними!

Сбоку загорелся еще один голоэкран, на котором появилось лицо сухощавого черноволосого человека.

— Полковник Снегин, товарищ контр-адмирал, командир линкора «Иосиф Сталин», — доложился

он. — Командующий сводной эскадрой, исполняющей особую миссию. Мы услышали ваш призыв о помощи и поспешили сюда. За нами следует флот, будет здесь через сутки максимум. Основная задача — удержать шестьдесят четвертый сектор. Главные события, похоже, будут разворачиваться здесь.

— Но почему? — изумился Шалыгин.

— В секторе найдено нечто такое, от чего зависят судьбы и землян, и крэнхи, — пояснил Снегин. — «Демократы» решили захватить это нечто только для себя, потому и подняли бучу. Не удивляйтесь, если вскоре сюда пожалуют и флоты «котов».

— Их только не хватало! — помрачнел контр-адмирал и выругался сквозь зубы.

— Может быть по-разному, — вздохнул полковник. — Если первыми придут корабли кланов Шхамайянх и Тхай-Меййон, то да, ничего хорошего нам ждать не придется. А вот если остальных четырех, то скорее всего не тронут.

— «Коты» — и людей не тронут?! — не поверил Шалыгин. — Когда это такое бывало?! При их-то агрессивности!

— Так мне сообщили с Земли, ничего толком не объяснив, — развел руками Снегин. — Происходит что-то странное, только это понять и успел.

— Сколько у вас сил?

— Немного, к сожалению. Восемь кораблей. Один линкор, два тяжелых крейсера и пять средних. Принимайте под командование на время боя. Передаю управляемые коды.

Контр-адмирал немного подумал и расположил самые сильные корабли эскадры в узловых точках

обороны — их присутствие сильно поможет. Насколько он помнил, ни американцы, ни европейцы не любили потерю и стремились максимально их избегать. На этом можно будет сыграть, русские корабли ведь и на таран пойдут в случае необходимости.

Вражеские эскадры выстроились в атакующий порядок, выстроив выпуклую призму, и медленно двинулись вперед. Шалыгин не сдержал смешка — надо же, словно по учебнику тактики. У этого построения немало уязвимых мест. Значит, два линкора тогда становятся в основании далеко разнесенных «игл», защищаемые истребителями и фрегатами, чтобы издалека выбивать вражеские крейсера — так они в случае чего смогут атаковать фланги. Остальные располагаются между «иглами» вытянутой полусферой, за которой будет станция. Интересно, кто командует «демократами»?

Через пять минут он получит ответ на этот вопрос — станцию вызвали с подходящего все ближе флота. Увидев лицо старого приятеля, адмирала Джона Кемпбелла, с которым не одну бутылку виски и водки выпили в свое время, Шалыгин усмехнулся — уж чего ждать от Джона, он знал в точности. Любитель устоявшихся схем, ненавидящий неожиданности.

— Здравствуй, Питер, — хмуро поздоровался американец.

— И тебе привет, Джон, — отозвался контр-адмирал.

— Не думал, что нам друг с другом схлестнуться придется...

— Я тоже. Но это от нас не зависит.

— Сдай станцию, не надо лишних жертв... — попросил Кемпбелл, дернув губами. — Нам нужен только контроль над сектором. Даю слово, что никто из гражданских не пострадает.

— Джон, ты меня сколько лет знаешь? — укоризненно посмотрел на него Шалыгин.

— Много, — скривился американец, опустив взгляд. — Будь оно все проклято! Какая сволочь это придумала?!

И в сердцах врезал кулаком по краю пульта. Затем поднял голову и тихо спросил:

— Значит, не сдашь?

— Не сдам, — подтвердил русский. — Долг.

— Я тоже присягу давал, — сжал кулаки Кемпбелл. — Так что прости, Питер, но...

— Я понимаю, — грустно усмехнулся Шалыгин. — И ты не обессудь. Бывай, Джон! Мы все равно победим.

— С такими силами? — изумился американец. — Ну, коли в самом деле выиграешь, то с меня ящик самого лучшего виски. Если жив буду, конечно.

— Договорились, — осклабился русский.

Кемпбелл отключился. А Шалыгин еще несколько секунд молча стоял, матерясь про себя, — тяжело будет стрелять по тем, с кем еще совсем недавно дрался вместе против общего врага. Но выбора нет.

«Демократы» выпустили с авианосцев истребители, тут же двинувшиеся навстречу линкорам, наиболее уязвимым против истребительной атаки. К счастью, за штурвалами их космолетов сидели не «безумцы», а с обычными пилотами можно было

справиться даже силами мезонной защитной артиллерии. Свои истребители Шалыгин решил прибресть для атаки на вражеские линкоры, выпустил на встречу только таких же обычных пилотов, приказав «безумцам» оставаться на месте.

На восемнадцатой башне все застыли в готовности за пультами орудий и мезонных зениток. Видели на экране, сколько истребителей рвутся к станции и понимали, что шансов выжить почти нет. Но это не пугало ни русских, ни израильтянина — смерти никто из них не боялся.

— Смотри, Коля, там крейсер «Шамир», — внезапно ожился Цви. — Там капитаном мой старший брат, Моше, служит! Жаль, я раньше не знал, а сейчас уже не свяжешься...

— Это да, — не стал обнадеживать приятеля лейтенант, понимая, что любой из братьев в этом бою может сложить голову, а то и оба. — Сейчас не до того. Давай уже в прямое подключение входить, скоро они подойдут на дистанцию ведения огня.

Они покосились на братьев Симоновых, тоже сидевших за пультами, — им придется стрелять вручную. С помощью тактического компьютера, но все равно вручную — импланты прямого включения в интеллектуальные системы в мозг быстро не вживишь, а тем более не обучишь ими пользоваться.

— Иван, вы командуете операторами ручного режима, — обратился к старшему «медведю» Николай.

— Есть, тащ лейтенант! — кивнул тот. — Ну что, браты? За дедов наших и землю животы положим! Не посрамим род и отца!

— Не посрамим! — дружно ответили Симоновы, пробегаясь пальцами по сенсорам пультов и запуская режим предбоевого тестирования гиперорудий.

Лейтенанты переглянулись и слегка улыбнулись — надежные парни, им можно доверить многое. А им самим пора включаться. Мысленными командами они активировали импланты и вскоре оказались в виртуальном пространстве. Оба имели достаточно боевого опыта, не раз склестывались с «кошачими» эскадрами, периодически наскакивавшими на сектор. Поэтому быстро прогнали тесты, переключились в красный режим, который обычно не использовали, слишком опасен, и приготовились вести огонь. Красный режим давал многое — ускорял реакцию и скорость мышления почти в три раза, но выжигал при этом мозг. Если его использовали больше четверти часа, то повреждения становились необратимыми, и человек вскоре умирал от деградации мозговых клеток. Однако теперь это уже не имело значения — выжить никто на «Иване Ефремове» не надеялся. Продержаться бы достаточно долго, чтобы враг не успел добиться своего, — и все. А там и подмога подойдет.

Точки, обозначавшие в виртуальном пространстве вражеские корабли, постепенно приближались. Перед ними вертелась в космосе карусель истребительного боя — русские космолеты старались не пропустить чужаков к большим кораблям и станции, но неправлялись, их было слишком мало. В это время два крейсера, судя по сигнатурям, европейских, обогнули место сражения и двинулись вперед. Николай

насторожился и мысленно навел прицел на один из них.

«Стреляем в один», — предупредил он Цви по мыслесвязи.

Тот прислал в ответ смайлик. И последовал примеру напарника, наведя свое орудие на тот же крейсер, что и Николай. Едва вражеский корабль пересек невидимую черту, как оба выстрелили, затем переключились на другие орудия и повторили то же самое. Отметка крейсера исчезла из вирта¹.

«Неужто с первых выстрелов завалили? — не поверил Николай. — Повезло!»

«Ты думаешь, мы одни в него стреляли? — осадил напарника Цви. — Мы — только одна из тридцати двух батарей!»

«Да, ты прав, общими усилиями справились».

Сражение между тем только разворачивалось. Все больше разных кораблей втягивались в противостояние. Бой в открытом космосе абсолютно не зрешищен — никаких ярких вспышек и пугающих взрывов не было. Разве что при попадании мезонного заряда в истребитель тот на мгновение становился словно полупрозрачным и таял, как мороженое на огне. Зато накрытие залпом гиперорудия просто превращало место попадания в абстрактное нечто — на месте попадания образовывалась пространственная аномалия, уцелеть в которой не могло ничего. Правда, все зависело от мощности залпа и уровня защитных полей. Но генераторы защитного поля имели только станции и линкоры первого класса,

¹ Вирт — виртуальное пространство в просторечии.

ни один другой корабль их нести не мог, не хватало мощности двигателей.

Истребители продолжали вертеться в «собачьей свалке» — каждый на каждого, но эта «свалка» постепенно смещалась к позициям русских. Все же у них было куда меньше малых космолетов, а «безумцев» контр-адмирал пока придерживал в резерве. Выбить линкоры, самую серьезную угрозу для станции, было важнее всего. Корабли маневрировали, но евроамериканские приближались, а русские, израильские и немногочисленные халифатские старались держаться на одной позиции, уходя только от своевременно замеченных операторами сканеров залпов гиперорудий, затем возвращались на прежнее место, снова перекрывая подходы к станции.

Русские дрались отчаянно, безумно, фанатично, не жалея себя. Подбитые истребители, если оставалась такая возможность, шли на таран, и скоро за-падники начали шарахаться от таких, как черт от ладана — для них подобное небрежение собственной жизнью было диким. Но перевес сил были все же слишком велик, и он постепенно начал давать о себе знать. Все больше русских кораблей расплывались облаком обломков — они до последнего вели огонь.

Вот погиб приписанный к «Ивану Ефремову» линкор «Екатерина Великая». Вот два крейсера отплыли в сторону кусками мертвого железа и, кувыркаясь и паря воздухом из пробоин, полетели к планете. Одним из них был израильский «Шамир», и на восемнадцатой батарее вытер слезы Цви, поминая брата. Вот последний русский истребитель взорвал-

ся, и вражеские ринулись к беззащитной станции. Впрочем, не совсем беззащитной.

— Не посрамим, братушки! — выкрикнул Василий Симонов. — Огонь!

И зенитчики как восемнадцатой батареи, так и всей станции начали стрелять в максимально возможном ритме. Мезонные сгустки понеслись на встречу истребителям сплошным потоком, сразу выбив пятую часть из них. Но остальные прорвались сквозь мертвую зону и тоже начали стрелять. Не по зениткам, а по гиперорудиям, опасным для больших кораблей.

— Товарищ контр-адмирал! — повернулся к Шалыгину его первый помощник. — Пора «безумцев» выпускать.

— Пожалуй, — кивнул тот и отдал нужные приказы.

Из аппарелей станции и линкора «Иосиф Сталин» начали один за другим вырываться раскрашенные в дикие цвета истребители — «безумцы» шли в свой последний бой, ни один из них не надеялся, да и не стремился выжить в этом бою. И не имело значения, кто из них какой национальности — в бой шли вместе русские, израильтяне, халифатцы, американцы и европейцы. Они все шли драться за жизнь против смерти. За честь против подлости. За веру против цинизма. За доброту против ненависти. Они шли умирать. В эфире звучала древняя, но не менее пугающая врагов России песня: «Вставай страна огромная!». Ее пели все.

Вот тут-то нападающие и дрогнули, видимо, никак не ждали, что их соотечественники-«безумцы»

выступят против них, ведь шестьдесят процентов «безумцев» станции составляли американцы и европейцы. Да и «Иосиф Сталин» привез еще три эскадрильи. В итоге сейчас к линкорам наступающего флота рвались пятьдесят пять раскрашенных истребителей, а не двадцать один, как они рассчитывали.

«Безумцы» разделились на шесть отрядов и рванулись к вражеским линкорам, попутно отстреливая не успевшие сбежать с дороги истребители — обычные пилоты для них противниками не были. Помимо обычного оружия, каждый разрисованный космолет нес тяжелую торпеду с мезонной боеголовкой повышенной мощности, способную подавить защитные поля линкоров.

На американских и европейских кораблях воцарилась паника — они прекрасно понимали, как умеют драться «безумцы». Зенитные орудия линкоров залили огнем все пространство перед ними, а сами линкоры начали поспешно оттягиваться за линию крейсеров. Однако пилоты не обращали внимания на более легкую добычу, они гибли, но продолжали прорываться.

Линкор «Рональд Рейган» оказался первым, до которого добрались «безумцы». Причем всего трое. Но этого хватило — они дикими зигзагами понеслись над поверхностью огромного корабля, избегая залпов мезонных пушек, и через пару минут добрались до дюз основных разгонных двигателей. Одна за другой торпеды ушли и поразили цель, а истребители поспешили отвалить в сторону. Линкор словно распух втрой и опал бесчисленными мелкими об-

ломками. К сожалению, «безумцы» тоже не успели уйти...

Вскоре погибли еще два линкора — американский и европейский. Остальные три в панике отступали, прикрываясь крейсерами и фрегатами. Плотная стена огня сыграла свою роль, и «безумцы» гибли один за другим, но не сдавались. И им удалось настичь еще два линкора — «Уинстона Черчилля» и «Теодора Рузвельта». Но уничтожить их не вышло, только лишил хода. А флагман, «Джордж Буш», и вовсе почти не пострадал, только остался без орудийной башни главного калибра. «Безумцы» полегли все до единого.

— Вечная память, ребята... — кусая губы, с трудом выдавил Шалыгин. — Спасибо вам...

Погибшие, по крайней мере, избавили станцию от накрытия гиперорудиями линкоров — огонь крейсеров «Ивану Ефремову» при толщине его стен и мощности защитных полей был, что слону дробина. Разве что оставшиеся истребители смогут нанести кое-какой вред, но захватить станцию враг теперь не сможет, пока не получит подмогу.

Понял это и адмирал Кемпбелл, так как начал отводить свои силы от станции. Евроамериканские истребители в последний раз нанесли удар по продолжающим стрелять орудийным башням станции и поспешили вернуться на авианосцы. Правда, стреляли только восемь из тридцати двух башен, остальные превратились в абстрактные конструкции.

Поняв, что вражеский флот отошел за пределы досягаемости, Николай поспешил выйти из виртуального пространства — Цви давно не отзывался.

И первым, что он увидел, было обвисшее в кресле, залитое кровью тело старого друга. Лейтенант закусил губу, сглотнул комок в горле, встал и прикрыл ладонью широко распахнутые глаза мертвеца. Причина смерти стала ясна сразу — стальной осколок с ладонь шириной почти перебил шею израильтянина. Выходит, в этом бою сложили головы оба брата Ковальских...

Вспомнив об остальных, Николай оглянулся и поежился — внутреннее пространство восемнадцатой башни превратилось в черт-те что. Множество залитых межстенной пеной пробоин, перекрученные металлические конструкции, и... кровь на полу. Кто еще?! Лейтенант ринулся к месту, где стояли пульты ручного управления. И резко остановился — старшего Симонова разорвало надвое, а вот его младшие братья стонали. Живы! Николай тут же связался с госпиталем и вызвал помочь. А сам пошел проверить зенитчиков. Из них не выжил никто...

Шалыгин слушал доклад о потерях, и губы его подрагивали. Сейчас отбились, чудом отбились, но станцию оборонять больше нечем. Если к Кемпбеллу пришлют дополнительные силы, то он своего добьется. Истребителей осталось три — всего! «Безумцы» погибли. Линкор один, да и тот не свой, а пришедший на помощь. И что делать?..

— Товарищ контр-адмирал... — вскинулся оператор сканеров.

— Что? — повернулся к нему командующий.

— Еще один их флот...

Действительно, из гипера стройными рядами выныривали американские и европейские ко-

рабли. Линкоры, авианосцы, крейсера, эсминцы, фрегаты и корветы. Они тут же начинали маневрировать, занимая свое место в наступательном ордере.

Вот теперь — всё! Контр-адмирал устало прикрыл глаза. Что ж, он сделал все, что в человеческих силах. А теперь осталось только умереть с честью — мертвые сраму не имут.

— Мать твою! — заставило его встрепенуться ругательство дежурного офицера.

— Что там еще? — хмуро спросил Шалыгин.

— Коты... С огромным флотом, раза в два больше амерского.

— Да уж, — криво усмехнулся он. — Бог любит шутить. Шуточки вот только какие-то низкопробные.

Но не успел контр-адмирал налюбоваться на занимающий позиции позади станции флот крэнхи, как поступил входящий вызов. Как ни странно, с флагмана кланов. На экране появился седой, весь в шрамах, побитый жизнью «кот»:

— Контр-адмирал Шалыгин? — поинтересовался он.

— Да, — усилием воли заставил себя успокоиться командующий.

— Айтхар Йон-Артау. Приветствую равного!

— Приветствую равного, — равнодушно отозвался Шалыгин. — Что вы хотели?

— Мы пришли на помощь. Между четырьмя кланами Вертонха и Российской империей заключен союз.

— Э-э-э... — растерялся никак не ожидавший такого контр-адмирал.

— Поскольку вы знаете местную обстановку лучше, принимайте командование! — понимающие оскалился айтхар. — Передаю управляющие коды флота.

Вскоре офицер связи подтвердил получение кодов, и Шалыгину окончательно стало не по себе. Что здесь происходит, черт возьми?!

— Мы не допустим, чтобы первыми были эти, — продолжил Йон-Артау. — И да будет наш союз прочным.

Губы контр-адмирала растянула предвкушающая улыбка. Теперь можно будет и потягаться с Джоном. На равных.

* * *

Малый имперский совет собрался в неполном составе — его величество прошлой ночью впал в кому, из которой, скорее всего, уже не выйдет. По крайней мере врачи в ответ на вопросы только вздыхали и сознавались в своем бессилии. К счастью, вчера Александр VI успел подписать союзный договор с послом объединенных кланов крэнхи Вертонха. Эти четыре клана поделили между собой родную планету, выжив с нее в свое время два остальных.

Сейчас за столом сидели директора КВИБ, академик Шпагин и адмирал Ерошин, почти прозрачный от старости, но не оставляющий дел, мышление у старика осталось ясным и цепким. Они мрачно смотрели друга на друга.

— Ну что делать станем, други-товарищи? — нарушил молчание Томилин.

— Думать надо, — проворчал Шпагин, отпив глоток воды из стоящего перед ним стакана. — Не имеем права на ошибку.

— Тем более что император еще жив, — добавил Таймыров. — До его смерти у нас есть время. Не хочется мне возлагать все надежды на шестнадцатую — девчонка слишком неопытна, да и слишком горяча, чувства фонтаном бьют и пока превалируют над разумом.

— Мы не можем быть уверены, что седьмой или двенадцатый вообще вернутся, — возразил Ерошин дребезжащим голосом. — Поэтому начинайте готовить коронацию, Николай Петрович. Только не сообщайте пока ничего кандидатке. На случай, если более подходящие все же успеют вовремя. Кстати, от них никаких известий?

— Увы, — развел руками Таймыров. — Единственno, что подтвердилось — основные события, похоже, действительно будут разворачиваться в шестьдесят четвертом секторе. Отправленная туда эскадра участвовала в бою возле станции «Иван Ефремов». Эскадра находилась в двух системах оттуда, но пришла, получив призыв о помощи — случайно встретили курьерский корабль. Станцию с трудом удалось отстоять. Дорогой ценой. А затем подошли крэнхи четырех кланов — как выяснилось позже, их аналитики тоже указали на шестьдесят четвертый сектор. Как, думаю, и аналитики «демократов» — не зря они попытались отбить станцию. Сейчас там напряженная ситуация — флоты стоят друг напротив друга, но ничего пока не предпринимают.

— Мда... — скривился Томилин. — ненавижу находиться в подвешенном состоянии и ничего не понимать.

— А кто любит? — хмыкнул Шпагин. — Но будем исходить из реальности. Дополнительные силы в сектор отправлены?

— Да, — подтвердил Ерошин. — Завтра будут на месте. Во главе с Романцевым.

— И никаких предположений, что все-таки нашли на Н237, нет?

— Увы, — развел руками директор КВИБ-1. — Но явно что-то очень важное. Посол кланов обещал что-то сообщить сегодня, но пока никакой информации от него не поступало, — но вдруг насторожился. — Погодите-ка...

Некоторое время Томилин молчал, явно считывая информацию со своей глашки, затем витиевато выругался.

— Что случилось? — уставились на него все трое.

— Посол выполнил обещание, — хмуро сообщил директор КВИБ-1: — Понятно теперь, почему американцы на все готовы. Похоже, наши ребятишки нашли координаты Хранилища, где хранятся все знания Лонхайт, и не только Лонхайт! Крэнхи ожидают этого события уже три поколения. Они когда-то нашли информацию о том, что признаком скорого открытия Хранилища будет обнаружение такого комплекса, как на Н237. И американцы об этом тоже явно знали. Только мы ничего не подозревали, похоже...

— Весело... — протянул Таймыров. — Если это правда, то возможна собачья свалка все против всех.

— Четыре клана заверили, что согласны на равную долю.

— И то хорошо. Проблема в остальных двух и наших «демократах». Последние на все пойдут, чтобы заполучить преимущество.

— Значит, они не должны получить эти данные, — сказал, словно припечатал, академик Шпагин. — И мы обязаны сделать для этого всё.

— Сделаем, — в один голос заверили остальные.

Затем дружно встали и разошлись. Каждого ждало столько работы, что о сне можно было забыть. Придется принимать стимуляторы — не до здоровья сейчас.

Глава 12

Михаил, Гши, Айзат и Лху вышли из корабля и направились к ожидающим их человеку и крэнхи. Им всем было не по себе, казалось, что они приближаются к чему-то, способному полностью изменить их жизни. И от этого становилось очень не по себе.

«Тень» и «Поиск», превратившиеся в зеркальные копии друг друга, находились на висящей в бесконечном туманном пространстве белоснежной платформе шириной километров пять. Где-то вдалеке, на горизонте, виднелись какие-то спиральные конструкции того же цвета. В воздухе плыл легкий пе́резвон колокольчиков.

Чем ближе они подходили к ожидающим, тем яснее становилось, кто перед ними. Лейтенант Владимир Карпин и тирхет Ртэ Тхарау, исчез-

нувшие вместе с ушедшим в неизвестность комплексом Лонхайт. Но они были какие-то не такие, что-то в них сильно изменилось, но что именно, с первого взгляда было непонятно, да и со второго — тоже.

Только когда четверо приблизились, стало ясно, что глаза ожидающих потеряли зрачки и не только — вместо глаз были пугающие провалы, в которых клубился опаловый туман и изредка вспыхивали золотые и белые искры.

- Добро пожаловать... — начал Карпин.
- Прошедшие испытание... — вторил ему Тхарау.
- Мы ждали...
- Вас...
- Нам так много...
- Надо вам рассказать...
- Вам пора...
- Постигать иное...
- Время изменения...
- Пришло...

Их голоса плыли, изменялись, то повышались, то понижались, и это звучало жутковато. Почему-то сразу становилось ясно, что перед ними не человек и крэнхи, а нечто совершенно иное, нечто перешедшее даже не на уровень, а на порядок как минимум выше.

Михаил невольно вздрогнул, глядя на Владимира, у которого, судя по досье, остались дома старые родители и невеста, он не знал, нужны ли они теперь этому существу, по недоразумению имеющему вид человека.

- Идемте... — пригласил Карпин.

— Нам пора... — поддержал Тхарау.

Они расступились, и четверо, переглянувшись, двинулись вперед. Что-то незримое проскользнуло мимо, и они оказались на плоской, как стол, вершине пика, возвышающегося над поверхностью километра на полтора, не меньше. Внизу виднелась пересеченная ручьями и расщелинами, поросшая лесом долина. Никаких других гор поблизости не наблюдалось.

— Прошу, — Тхарау повел рукой, и посреди площадки выросли из камня шесть кресел, стоящие вокруг низкого круглого столика.

Михаил покосился на Гши и сел, тот последовал его примеру, разместившись напротив, чтобы видеть глаза кровного брата. Айзат и Лху немного помедлили, но тоже опустились в кресла. А вот хозяева оказались в них мгновенно, как будто телепортировались.

— Может, нам наконец объяснят, что все это значит? — не выдержал молчания Михаил.

— Для того вас сюда и пригласили, — мягко улыбнулся Карпин, его глаза стали человеческими, обычными карими глазами. — Пришло время нашим народам начать взросльть. Хватит уже в детской пещорнице копаться.

— Это общие слова! — возмутился Гши. — А конкретика?

— Будет сейчас и конкретика, — постарался успокоить сородича Тхарау, тоже принявший обычный для крэнхи вид. — Дело в том, что в нашем и в вашем случаях был нарушен естественный цикл существования цивилизаций. Мы оказались разделены на две ветви, причем одна стремится к солидарности

и переходу, а вторая — к саморазрушению. Обычно на данном периоде развития какая-либо ветвь уже побеждает, и эгрегор цивилизации становится относительно цельным, что позволяет ему существовать и развиваться. Да, в случае, если цивилизация конкурентна, она в конце концов все равно гибнет, но при этом может просуществовать даже десятки тысяч лет, правда, не развиваясь дальше — Земля, как и Крэнхау, почти достигли уровня застоя.

Он умолк, а рассказ подхватил Карпин:

— К сожалению, очень мало народов выбирают солидарный путь и достигают более высокого уровня. Но перешедшие помнят о тех, кто еще идет, и стараются помочь, при этом не имея от этого никакой выгоды, что представителям конкурентной цивилизации непонятно, поскольку они просто не способны осознать концепцию безвозмездной помощи. Поэтому для всех способных стать на Путь народов оставляются подобные информационные хранилища, причем, добраться до них могут только солидары, остальным дорога сюда закрыта. Они, однако, все равно стремятся добраться до информации в надежде, что сумеют удержаться на плаву, не понимая, что просто не в состоянии использовать большинство данных в силу естественных ограничений индивидуалистического общества. Это хранилище создавалось и информация подбиралась таким образом, чтобы индивидуалисты, даже если заполучат все это, мало что могли понять.

— Извините, но я тоже мало что понял, — заявил Михаил. — Объясните подробнее, пожалуйста.

- Хорошо. Тогда я начну с того, о чем вы, возможно, уже слышали. С систем Контроля и более высокостоящих структур.
- О них мне говорила Л300, но ничего определенного не сообщила, сказав, что право на получение данной информации имеют только правители государств, в состав которых входит не менее трех планет.
- Вы под этого ограничение подходите, — мягко улыбнулся Карпин.
- Какое я отношение имею к правителям?! — изумился Михаил.
- Вскоре узнаете, поверьте, — заверил Тхаруай. — И не от нас. Вернемся к, как говорят у вас на родине, нашим барапам. Итак, Контроль. Что это? Начнем с самого простого. Каждая населенная планета имеет эгрегор. Нужно объяснять, что это такое?
- Нет.
- Хорошо. Эгрегоры связаны в различного размера и типа конгломераты, обычно именуемые сиурями — в их основе лежит шестириичная модель. Низший сиур — шесть миров, объединенных ментально-информационной связью, причем их население может даже не подозревать об этом, но это ничего не меняет — если что-либо случается в одном из миров, то обязательно отзовется теми или иными последствиями в других. Взаимосвязи эти чудовищно сложны. Они бывают самообразовавшиеся или же упорядоченные, созданные какой-либо структурой Контроля. Общность взаимосвязей между всеми мирами мироздания, если очень упрощенно, называют

Сетью или Изнанкой. Впрочем, терминов существует множество, они не меняют сути. Воздействием через сеть можно минимизировать отрицательные воздействия и создать конгломераты наиболее толерантных друг к другу миров, причем толерантных не на уровне взаимоотношений народов, а на ментально-информационно-эмоциональном. Или наоборот. Прошу учесть, что системы Контроля не способны причинить вред по своей природе, они делают лишь то, что необходимо самой Сети в данный конкретный момент. Разрушение или неправильное исправление любого сегмента Сети приводит к социальным и не только социальным катаклизмах на принадлежащих к этому сегменту планетах.

— Почему тогда у нас никто о Контроле не слышал? — подозрительно спросил Михаил. — В нашей стране давно не три, а больше двадцати планет!

— Тому есть причина, — пристально посмотрел на него Карпин. — Очень уважительная. Вселенная не одна, существует бесконечный веер вселенных, и почти в каждой есть Земля с несколько, а порой и сильно отличающейся историей. Ваша вселенная отделилась от основной ветви в начале двадцать первого века, причем отделилась необычным способом — закуклилась, уйдя на миллион лет и на двадцать семь градусов по нижней оси времени. Сиуры здесь сформировались самостоятельно и крайне хаотично, но во время колонизации реструктурировались, создав довольно устойчивую систему. На удивление. Поэтому отвечавшей за данный сегмент структурой принято было решение не вмешиваться до определенной стадии развития, если не случится

ничего непредвиденного, тем более что во вселенной без постороннего вмешательства начали формироватьсь две солидарные цивилизации разных биологических видов. Но при этом им противостояли на родных же планетах две конкурентные, что опять же необычно. Ведь в большинстве случаев в большой космос выходит уже объединившаяся на той или иной платформе цивилизация. Например, возьмем Российскую империю одной из основных ветвей реальности, на данный момент занимающую пять галактик. Время там опережает ваше примерно на десять тысяч лет. Так вот, там Россия достигла звезд только после того, как при помощи бывшего мальтийского ордена, ставшего цивилизационной, низовой системой контроля, объединила под своей рукой весь мир.

— Пять галактик... — неверяще покачал головой Михаил. — Ничего себе...

— Это далеко не предел, есть конclave и покрупнее, — заверил Тайхау. — Так вот, в вашей вселенной решили применить алгоритм, срабатывавший в случае с другими способными стать солидарными цивилизациями.

— А нас почему никто не спросил?! — возмутился землянин.

— А вы тогда что-либо поняли бы? — склонил голову набок Карпин, глядя на него с искренним любопытством. — Поймите, никто не покушается на вашу драгоценную свободу воли, а если точнее, то на право выбора. Задача Контроля сделать так, чтобы у вас появилась возможность реализовать это самое право выбора, а дальше сами, только сами. Знаете, вот сей-

час, возможно, где-то там Контролирующие отдают жизни, чтобы спасти вас от опасности, о которой вы вообще не подозреваете. И если и не узнаете о ней, то они свой долг выполнили. Так что успокойтесь. Вы и сейчас можете просто улететь, не прислушиваясь к нам, — мы вам мешать не станем. И пусть все идет, как идет. Пойдете на такой риск?..

Михаил задумался и понял, что нет, не пойдет, особенно после испытанного и увиденного. Он заглянул за такие горизонты, что холодом щемило в груди. И отказаться от всего этого? Причем для Родины отказ окажется далеко не полезен. Один способ перемещения по точкам Сети чего стоит! А если, не дай бог, этот архив попадет в руки американцев и иже с ними? Да, судя по словам хозяев, те мало что смогут понять, но что-то все же поймут и смогут применить. А у России этих знаний не будет! Так что не имеет он права отступать.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо, — во взгляде Карпина появилось понимание. — Обычно населенные планеты, если не успевают самостоятельно стать многопланетными и не имеют своих эмпатических структур, зонируются в более развитые сообщества, их в большой вселенной чаще всего называют конклавами, мы уже упоминали этот термин. Но в вашем случае такое невозможно, так как в этой вселенной нет других, кроме вас и крэнхи, цивилизаций. Странно, но факт, тем более что вселенная далеко не мини, больше десяти галактик. Вполне возможно, что ее отход от основной ветви реальности не был произвольным, а спровоцированным либо некой высшей структу-

рой, либо сверхсущностью. Со своими, понятно, целями. Об этом ничего не могу сказать, поскольку не нам судить о мотивах сверхсущностей, они слишком далеко от нас ушли.

— А кто они вообще такие?

— Разумные, достигшие невероятного по нашим меркам уровня развития, ставшими способными создавать миры и разумные расы силой своего разума. Обычно это маги в далеком прошлом. Да-да, не удивляйтесь, магия есть, вот только она — совершенно иное, чем то, что способны себе представить. И Создатель существует, чтобы не было лишних вопросов. Сверхсущности — не он, он вмешивается очень-очень редко, но такое тоже случается.

— Блин! — Михаил яростно потер виски ладонями. — Вот уж новости так новости... Нет, я и раньше считал, что не все так, как видится глазами, но... — он покачал головой. — Немного слишком все это.

Гши поддержал побратима кивком.

— Понимаю, — улыбнулся Карпин. — Нам было еще труднее, особенно после первых преобразований тела и сознания.

— Что дальше? — хмуро поинтересовался капитан.

— Дальше? Сейчас объясню. Итак, в чем заключался примененный алгоритм? Для начала по множеству планет, достичь которых может только народ, самостоятельно вышедший в большой космос, рассеивается множество артефактов, которые возможно понять на данном уровне развития. Это всегда давало немалый толчок. Затем, по достижении цивилизацией некоего предела — какого именно пока не

могу объяснить, словами это не объяснить, только сложнейшими многостраничными формулами — открывается доступ к комплексу пирамид, на самом деле являющему собой космический корабль особого типа. Точнее, даже не корабль, а эффектор воздействия на реальность, созданный с применением технологий одной из контролирующих структур. Его и обнаружили на Н237 земляне и крэнхи. Согласно предварительным условиям, внутрь периметра защитного поля могли проникнуть только по шестнадцать разумных как минимум двух различных биологических видов. Двенадцать воинов и четверо мудрецов. Они должны были сдать «вступительный экзамен», доказать, что способны сотрудничать при необходимости даже с теми, кого веками считали врагом. Моеей группе вместе с крэнхи пришлось сражаться со стражами комплекса. А затем встали наши мертвые...

— Встали мертвые?!. — перехватило дыхание Михаилу.

— Да, — снова улыбнулся Карпин. — И некий голос с небес сообщил, что экзамен сдан и мы допускаемся к постижению Пути допускаемся. И пригласил в первый класс...

— Юмористы! — едва не рассмеялся капитан.

— Выяснилось, что внутри защитного периметра время способно ускоряться более чем в двести раз. Так что за дни, прошедшие до старта комплекса с планеты, для нас миновало около трех лет. Мы успели завершить начальный цикл обучения для эмпатических структур и понять, что обязаны продолжить то, что начали до нас.

— Почему? — тихо спросил Гши. — Вы же уже не крэнхи и не люди, я это вижу. Почему вы пошли на это?.. Кем и чем вы стали?..

— Мы слишком многое узнали о реальности, чтобы остаться прежними, — с легкой грустью посмотрел на него Тайхау. — Мы научились видеть последствия своих и чужих действий на тысячи лет вперед. Мы побывали в Сети и научились с ней работать — и это, наверное, главный аргумент, который вряд ли будет понятен тем, кто там не бывал. Вы двое поймете со временем, у вас достаточный для этого уровень сетевой толерантности. Даже удивительно, разумные с коэффициентом больше 0,2 почти не рождаются, один за миллион лет на несколько вселенных. А тут сразу двое с превышающим 0,3! Чтобы вам было понятнее, поясню. Единица — это уровень Творца, создавшего все сущее. Теперь понятно?..

— Интересно... — взъерошил себе волосы Михаил.

— Нам уровень поднимали полным преобразованием тел и душ, — продолжил вместо напарника Карпин. — Мы теперь скорее энергетические, а не биологические формы жизни. И на преобразование мы все пошли добровольно, когда поняли, что в прежнем состоянии не способны выполнить свой долг.

— А кто его, этот долг, на вас навесил?

— Мы сами, кто же еще.

— Ясно, — откинулся на спинку кресла капитан. — И что дальше?

— Дальше? — Тайхау легким движением вытащил из воздуха туманный шар, пробежался по нему

пальцами и отпустил свободно летать. Для чего он это сделал, было непонятно. — Дальше мы изменили вероятности таким образом, чтобы исследовать место, где прежде находился комплекс, направили разумных с максимальным коэффициентом сетевой толерантности. Оставшиеся там исполнительные механизмы были настроены таким образом, чтобы начать отрабатывать программу испытаний только если вы вдвоем зайдете туда вместе.

— А Айзат и Лху?

— Они ваши ведомые, поэтому и были приняты. Если бы вы не оказались там первыми, то они бы свободно вышли, ничего не увидев и не поняв.

— Но чего вы от нас хотите? — нахмурился Михаил, окончательно осознав, что сидящие перед ним разумные стали чем-то иным, чем были раньше, и глупо подходить к ним с прежними рамками.

— Ничего, — развел руками Карпин. — Мы просто дадим вам знания и возможности, как представителям стремящихся к солидарности цивилизаций, а дальше вы сами будете решать, что, когда и как делать. Главное, чтобы эти знания и возможности не оказались в руках тех, кто ради своих власти и богатства готов на любую мерзость. Но это, думаю, вам и самим невыгодно. Прошу только учитывать — за все когда-нибудь придется отвечать. Особенно за ошибки и осознанную глупость.

— Перед кем отвечать? — очень тихо спросил Михаил.

— Перед Творцом. И самим собой.

— А вы? Что станете делать вы?

— Мы? — распушил усы Тхарau. — Мы зайдем ся тем, что умеем делать. Мы станем воздействовать через Сеть на эгрегоры конкурентной части земной и крэнхианской цивилизаций, чтобы они понемногу менялись и не мешали вам строить солидарное общество. Сумеете ли вы воспользоваться нашей помощью? Это зависит только от вас.

— Мы постараемся, — не стал ничего обещать Михаил, он все еще воспринимал этих странных существ с настороженностью, но уже понимал, что воспользоваться их предложениями и помощью придется. Да и хотелось постичь те новые горизонты, которые они способны открыть.

Он вспоминал увиденное на Н237 и сравнивал с услышанным здесь. Все это постепенно складывалось в единую, цельную картину, но еще не сложилось, и Михаил не знал, что ему делать и как жить дальше. Раньше все казалось простым и ясным — закончит Академию, получит распределение и будет служить России там, где потребуются его усилия. А теперь? Теперь на нем лежит страшная ответственность, и малейшая ошибка может привести к катастрофическим последствиям для всей Империи. А то и не только для Империи. Очень не хотелось, никогда не стремился к власти, но раз так вышло, то долг свой он выполнит до конца.

— О времени можете не беспокоиться, мы запустили двухсоткратное его ускорение, — уведомил Карпин. — Думаю, вам тоже стоит пройти частичное преобразование, чтобы улучшить работоспособность. Разумеется, не до нашего уровня — вам это просто не нужно. Да и обучение — вам следует разо-

браться, как работает данное хранилище и как с ним управляться.

— Вы здесь не останетесь? — уточнил Михаил.

— Нет. Но связь с вами поддерживать будем, не беспокойтесь.

— А куда вы отправитесь?

— Извините, но этого мы сказать не можем, — пошевелил усами Тайхай. — Мы уже не принадлежим к нашим народам, и не можем позволить давить на себя. Есть общества, где эмпатов, подобных нам, держат в рабстве, заставляя делать все, что угодно власти имущим. Мы этого допустить не можем.

— Когда Россия делала что-либо подобное?! — возмутился Михаил, Гши поддержал его возмущенным рычанием.

— Не делала, но когда речь идет о государственных интересах, мораль отходит в сторону. Это естественно, поэтому мы предпочтем обезопасить себя самостоятельно.

— Я понимаю. Но что это за цивилизации такие? Они достигли звезд?!

— Увы, да... — вздохнул Карпин. — По типу цивилизации делят на маджента, где большей частью собраны солидарные, и индиго — где наоборот. Исключения бывают, конечно, но это именно исключения. Среди индиго-цивилизаций встречаются такие, что лучше бы их никогда не встречать. Взять хотя бы Железную Сотню или Юои Жерг. Первые — это крайняя стадия того, к чему стремятся европейцы и американцы. Абсолютно безжалостное общество, стремящееся только к выгоде. Вторые — моралисты, считающие всех, не исповедующих их жутковатую

мораль, животными. И относятся соответственно. Есть образчики и похуже. Но все они отживут свое и уйдут — ни одной не солидарной цивилизации не суждено перейти, достичь более высокого уровня — это не для них, их удел — распад и гибель. Со временем.

— Только прежде, чем распадутся и погибнут, столько нагадить успеют... — скривился Михаил. — Почему их не останавливают?

— Как? — устало посмотрел на него Тайхау. — Насилием? К сожалению, не выход. Насильственная гибель множества разумных порождает разрушительную энергию, именуемую инферно. Если ее много, то может даже раскрутиться воронка инферно, а это — гибель для всей вселенной. Иногда, правда...

— Что?

— Иногда эгорационалисты, «хозяева жизни» в конкурентных обществах доводят свой народ до бездущия, убив в разумных все доброе и светлое. Им хочется получить не способную к сопротивлению жующую, потребляющую биомассу, и они своего добиваются, только не учитывают, что после этого сам мир начинает кричать от боли через Сеть. И тогда приходит тот, кого именуют Палачом или Плетущим Путь, и проводит полную стерилизацию планеты. К счастью, такое бывает крайне редко, но все же бывает. Вам, пока существует Империя, это не грозит.

— Палач... — пробормотал Михаил и поежился.

— Да, устройство мироздания совсем не похоже на наши ожидания, — усмехнулся Карпин. — Да

и ситуации бывают очень разные. Например, в одной из недалеких вселенных на Земле сейчас начало двадцать первого века. И там родился молодой Палач, которого не нашли своевременно, чтобы научить себя контролировать. Он не погиб, как ни странно, вырос и инициировался, абсолютно не понимая, кто он такой, считая себя обычным русским студентом с имперскими взглядами. А когда получил силу и неуязвимость, начал наводить в мире порядок по своему разумению. Представляете, что он наворотил?..

— Бр-р-р... — капитана даже передернуло.

— Вот именно, — вздохнул Карпин. — Поэтому любое свое действие, особенно влияющее на множество разумных, нужно тщательнейшим образом обдумывать, чтобы заранее выяснить возможные последствия. Вам двоим, — он по очереди оглядел Михаила и Гши, — не помешало бы этому научиться, пригодится. Ведь от ваших решений будет зависеть очень многое...

Опять бывший лейтенант упомянул, что курсант имеет какое-то отношение к властным структурам. Но ведь это не так! Что-то здесь нечисто, и это молодому человеку очень не нравилось. Нет же такого! Или он просто чего-то не знает? Вот же проклятье!

— Думаю, для начала достаточно, — сказал Тайхай. — Обсудите все это со своими экипажами. Кто захочет пройти обучение и получить новые пилотские и прочие импланты, до которых науке наших народов еще долго расти, пусть выходят наружу. К ним подойдут.

— Всего доброго, — попрощался Карпин.

Едва успел он это произнести, как оба эмпата расплылись туманными облачками и исчезли из кресел. Это была отнюдь не телепортация, а нечто совсем иное.

— Это они были или голограммы? — подал голос Айзат, молчавший во время всего разговора.

— Не знаю, — развел руками Михаил. — Но теперь хотя бы кое-что стало ясно. Пошли.

Все четверо поднялись и направились к кораблям. Экипажи ожидали в кают-компании «Тени», каким-то образом договорившись и собравшись вместе. Не успели они войти, как попали под прицел пристальных взглядов.

— Ну? — не выдержал Суровцев.

— Сейчас расскажем, — пообещал Михаил. — Чай только выпью.

Быстро налив себе чай из синтезатора, он отпил глоток и заговорил. Слушали капитана внимательно, но часто просили уточнить или дополнить что-либо. Остальные трое подсказывали, если он что-то упускал.

— Ну ничего себе... — выразил общее мнение Тупило, когда рассказ завершился.

— Значит, от нас ничего не потребуют взамен? — хмуро поинтересовался Хмелин. — Не верится как-то...

— Так они сказали, — пожал плечами Михаил. — И я, как ни странно, им верю. Не могу объяснить почему, но чувствую, что прав. Наверное, они понимают, что мы ничего во вред своей родине не сделаем, и их это устраивает.

— Да, наши цели могут просто совпадать, — кивнул бывший полковник, это ему было понят-

нее. — Я, как, думаю, и все здесь, не допущу, чтобы информация ушла к тем, кто устроил охоту на нас. И прежде всего пиндосам. Прости, Майкл, но у меня нет к вашим ни капли доверия.

— И ты полностью прав, — отмахнулся американец. — Мне нравится идея солидарной цивилизации, где люди не жрут друг друга. А для них она — как кол в глотку, они из нашего народа веками растят не способных рассуждать овец. И преуспели, к сожалению. Если этим, — он кивнул в сторону экранов, на которых еще видны были кресла и столик, — удастся изменить что-то с помощью хоть эгрегоров, хоть черта собачьего, то я им в ноги поклонюсь.

— То же самое я могу сказать о наших двух кланах, — поддержал Торренса крэнхи с седыми уже баками и черными усталыми глазами. — Там, конечно, ситуация иная, оголтелый индивидуализм, молодых с первых лет жизни учат, что каждый только сам за себя и обязан прорываться вверх любой ценой, по головам и через кровь. Для них помочь другому — это нечто невозможное. Когда взрослеют, кое-кто прозревает, что так жить нельзя, но только кое-кто. Остальные продолжают остервенело рвать всех, до кого могут дотянуться.

— Но они — это они, — произнес Тупило, по очереди оглядывая каждого из собравшихся. — От нас всех тоже немало зависит, раз уж нам выпало получить в руки такое хранилище. Тут, мне кажется, не только информация, но и немало образцов техники найдется. Эх-х-х, думал себе инженерствовать до самой пенсии спокойно, а придется теперь во всякое

дермо лезть — многие захотят на нас влиять, чтобы свой жирный кусок отхватить. Даже у нас, в Империи, жадных сволочей хватает, хоть им и воли не дают.

— Их везде хватает, — согласился тот же крэнхи с седыми баками.

Говорили еще несколько часов, обсуждая малейшие нюансы случившегося — слишком необычно было рассказанное эмпатами, слишком выбивалось из привычной картины мира. Необходимо было хоть как-то уложить все это в сознании, чтобы прийти к собственным выводам. Но в конце концов все устали, никто больше не брал слова.

— Ну и что дальше? — спросил Михаил после нескольких минут молчания.

— Думаю, что выскажу общее мнение, — Хмелин обвел жестким взглядом собравшихся. — Упустить открывающиеся возможности было бы глупо, тем более что от нас ничего не требуют. Хоть меня, конечно, и настораживают чужие имплтанты, но без них, как я понимаю, управлять невероятной техникой Хранилища будет невозможно. А значит, необходимо соглашаться и на внедрение, и на обучение. Время у нас есть — здесь оно идет в двести раз быстрее, чем во внешней вселенной. Значит, год по личному календарю потратить сможем. Хотя решать, конечно, капитану.

Он кивнул в сторону того, недовольно поморщившись — видно, еще не привык, что он всего лишь имп, а не полковник генерального штаба.

— Я согласен с этим предложением, — встал Михаил. — А ты, Гши?

— Я тоже, — поддержал тот кровного брата. — Кстати, а мы забыли спросить, они ли услышали нас, когда мы братались. Кто-то же нам ответил...

— Если бы они, то сказали бы. Но спросим.

Михаил прошелся по кают-компании, затем остановился и произнес:

— Думаю, стоит разделить каждый экипаж на две смены для обучения. На всякий случай. А теперь предлагаю отдохнуть. Завтра для нас начинается новый этап.

Попрощавшись с Гши, он вышел и направился в свою каюту — устал за этот бесконечный день невероятно. Надо было как следует выспаться.

Глава 13

Наступило шаткое равновесие. Не было ни войны, ни мира. Что происходило в Империи, никто не знал, ее границы по-прежнему были закрыты силовыми полями, а посольства на все запросы отвечали стандартными вежливыми фразами. И это на запросы нейтральных государств! На попытки же США и Объединенной Европы договориться о встрече на высшем уровне, чтобы попытаться договориться, ответа вообще не было.

Русские орбитальные и пространственные станции на орбите Земли, Луны, Марса, Венеры и в поясе астероидов пребывали в полной боевой готовности, открывая огонь по любому чужому кораблю, решившемуся приблизиться. Над материнской планетой человеческой цивилизации

роями клубились боевые флоты. Однако нападать друг на друга пока не рисковали — силы были примерно равны, преимущества не имела ни одна сторона.

Но все понимали, что это всего лишь передышка — слишком много противоречий накопилось между идущими разными путями народами. Майданы на площадях своих городов американское и европейское правительства разогнали абсолютно безжалостно, счет жертв шел на тысячи. Еще больше людей арестовали. Фиговый листок демократии был окончательно отброшен в сторону, и плутократия показала свой звериный оскал.

Пресса захлебывалась потоками ненависти к России и русским, вот только простые люди ей не слишком уже верили, помня, что правительства сделали с ними за попытку протеста. Нарастал глухой ропот, на который власть имущие не обращали внимания, привыкнув к тому, что народ — это покорное быдло, которым можно вертеть, как хочешь.

Правительственные социологи пытались понять, что происходит, какие процессы начали набирать силу. Они высказывали массу предположений, сами осознавая, что все это не то. Да и откуда им было знать, что первичная коррекция эгрегоров уже проведена эмпатами, и все происходящее — только следствие этого. Им предстояло еще немало неприятных открытий.

Основные силы противников собрались в двух точках — Солнечной системе и шестьдесят четвертом пограничном секторе. Никто из читающих о последнем в прессе не мог понять, что такого в этой малона-

селенной области пространства. Но что-то, видимо, было, иначе за нее вряд ли стали бы так ожесточенно сражаться — а схватки там происходили почти ежедневно. Чаще всего небольшие, максимум эскадра на эскадру — ничего подобного первой атаке на станцию «Иван Ефремов» больше не происходило.

Охота на «элиту» почти прекратилась. Наверное потому, что выжившие попрятались, как крысы по норам, и не высывали из своих убежищ носа. Зато начался отстрел самых активных государственных деятелей США и Европы. Воплям прессы о русских диверсантах мало кто верил, поскольку ни одного так и не поймали. Нет, оболваненных дураков хватало, как всегда и везде, но даже они почему-то вдруг начали прозревать. И это очень настораживало и даже пугало власть имущих, не понимающих, что происходит.

А ведь это было только начало...

* * *

Четыре адмирала — два американца, англичанин и немец — с неприязнью смотрели друг на друга. Также в кабинете присутствовал пожилой человек в штатском, представитель разведки флота, мистер А. Дж. Робертс.

— Ну и что вы можете нам сказать по поводу сложившейся ситуации? — хмуро поинтересовался один из американцев, Джереми Фортайд.

— Вот именно, только требовать и можете! — поддержал его коллега, Стивен Мак-Кормик.

Европейцы предпочли промолчать, но тоже требовательно посмотрели на представителя разведки.

— Не надо нервничать, господа, — укоризненно посмотрел на военных тот. — Мы кое-что выяснили.

— Ждем, — чопорно выпрямился англичанин, Джордж Эдвард Кейси, лорд Корнуэлл. Его род унаследовал этот титул всего лишь около семидесяти лет назад и до сих не считался в среде английских аристократов полностью своим, поэтому все сыновья рода шли, по традиции, служить на флот. И многие достигали немалых высот, возвышая фамилию.

Мистер Робертс едва заметным движением руки вызвал голограммический экран, на котором отобразилась звездная карта шестьдесят четвертого сектора. Адмиралы удивленно переглянулись, не понимая, почему разведчик начинает не с обороны Земли и основных орбитальных станций.

— Простите, господа, сейчас объясню, — заметил их недоумение Робертс. — Дело в том, что русскими обнаружено нечто, от чего зависит само существование нашей цивилизации, а главное — какой ей дальше быть. По предположениям, это скрытая большая база Лонхайт, где расположен огромный банк данных и технологий. Находится она где-то в шестьдесят четвертом секторе, в окрестностях пространственной станции «Иван Ефремов» и планеты Новая Сибирь. Мы не можем допустить, чтобы эта база досталась не нам. Поэтому контроль над этим сектором сейчас даже более важная задача, чем оборона Земли.

— Откуда узнали, что база расположена именно там? — недоверчиво спросил немец, Фридрих Штайнер. — Насколько мне известно, нашедший некую ценную информацию русский фрегат неизвестным

образом исчез с орбиты Н237, а оттуда до шестьдесят четвертого сектора далековато.

— Аналитики сумели вычислить. Удалось понять, каким двигателем воспользовались русские, и на основании этого рассчитать их курс.

— И что это за двигатель?! — сразу насторожились адмиралы, возмущенные тем, что столь важную информацию скрыли от них.

— Так называемый точечный, — со вздохом сообщил Робертс. — Упоминания о нем не раз встречались в манускриптах Древних, но не объяснялись принципы его работы. Известно было только, что при удачном стечении неких обстоятельств данный двигатель способен помочь пересечь галактику за сутки.

— Нам такой нужен! — высказал общее мнение Мак-Кормик. — Принципы работы выяснили?

— Относительно. Корабль с таким двигателем перемещается по узловым точкам некой эгрегориальной сети, существующей вне зависимости от нас и связывающей населенные планеты. Как такое в принципе возможно, наши ученые понять не могут, только разводят руками в недоумении. Однако двигатель существует — это факт. У нас есть даже не работающий образец, который запустить не смогли. А русские, видимо, сумели.

— Всегда эти русские... — скривился Фортайд. — В любой бочке они затычка. Надоели!

— Они всем надоели, — усмехнулся Робертс. — И причин этому хватает. Хочу, чтобы вы знали. Происходящий в последнее время «падеж» богатых людей и высокопоставленных чиновников — их рук

дело. Они решили за политические ошибки наказывать конкретных людей. Доказательств нет, но мы точно знаем, что это они.

— Мда... — поежился Кейси. — Понятно теперь почему нам запретили покидать свои корабли...

— Именно, — подтвердил его подозрения разведчик. — Нам не хотелось бы лишиться лучших флотводцев накануне решающей битвы.

— Да уж, это как-то слишком... — поежился англичанин.

— Русским на наши нормы морали и законы плевать. Они живут по своим. Этим-то они так и опасны!

Немного помолчав, Робертс произнес:

— Вернемся к делу, господа. На данный момент, как я уже говорил, главная задача — контроль над шестьдесят четвертым сектором. Или хотя бы свое времененный перехват фрегата «Тень», как только он появится в поле зрения. Не выйдет — уничтожение. Любой ценой! Пусть лучше база Древних не достанется никому, чем русским.

— Какова диспозиция? — посмотрел на карту Кейси.

— Не слишком хороша, — признал разведчик. — Особенно после того, как четыре клана крэнхи стакнулись с русскими. Как они смогли договориться — не знаю. Предположения есть, но очень для нас неприятные.

— И?..

— «Коты» считают нас абсолютно бесчестными, не держащими слова. До них почему-то не доходит, что бизнес — это бизнес. Дикари! У них, видите ли,

честь главное, как и у русских! Вы представляете себе, господа?! Не выгода, а какая-то там средневековая честь!

Адмиралы посмотрели на Робертса с тщательно скрываемой презрительностью, они, как военные, прекрасно понимали, что такое честь. В большей или меньшей мере, но понимали. Однако объяснять что-либо этому самовлюбленному павлину не собирались — смысла нет.

— В общем, важно только одно, — успокоился разведчик. — Они столковались, и теперь «коты» вполне могут прийти на помощь русским, как уже случилось во время первой атаки «Ивана Ефремова». Они не стали нападать, но выстроились позади станции и подготовили гиперорудия к ведению огня. Наших сил было куда меньше, поэтому контр-адмирал Кембелл предпочел отступить.

— Я на его месте тоже бы отступил, — пробурчал Фортайд.

— А русские бы не отступили... — язвительно ухмыльнулся Штайнер.

— Так-то русские, — покосился на него Кэйси. — Варвары. Они своих жизней никогда не жалели. Знаете, до того, как пришлось покомандовать сражением у альфы Лебедя, не верил, что можно так наплевательски относиться к своей жизни. Пока не увидел, как русские воюют. После этого поверил.

— Господа, господа! — поднял руки Робертс. — У нас мало времени. Итак, вы видите на голоэкране текущую диспозицию в шестьдесят четвертом секторе.

— Текущую?.. — изумился немец. — Да туда лететь трое суток как минимум! А мгновенной связи еще не придумали.

— Хорошо, не текущую, но наиболее свежую. — У разведчика даже щека задергалась от с трудом сдерживаемого возмущения. — Информация секретна, но главное — обратите внимание вот на эту точку. Сканеры нового поколения обнаружили там следы неизвестного типа пространственных аномалий. В обычном пространстве ничего нет, кроме нескольких крупных астероидов и множества мелких. Есть подозрения, что именно там вынырнет «Тень». Это подтверждается тем, что флоты крэнхи, обеих противостоящих сторон, частично оттянулись туда. Так что, господа, выбирайте, кто будет командовать обороной Земли, а кто отправится туда.

— Я предпочту в шестьдесят четвертый сектор, там интереснее, — с трудом скрыл свое возбуждение Кейси, он был на самом деле очень азартным человеком, но скрывал это, притворяясь невозмутимым английским лордом.

— Я тоже, — ступил вперед Мак-Кормик.

— А мы с Фридрихом постараемся отстоять от русских Землю, — кивнул Фортайд.

— Очень хорошо, господа, — что-то внес в свой личный голоблокнот Робертс. — Приказы будут готовы через полчаса. — Адмиралы Кейси и Мак-Кормик, вам для быстрейшего прибытия на место службы выделяется экспериментальный курьерский корабль, способный погружаться на пятый уровень гиперпространства. Он единственный пока в нашем флоте и доставит вас на место за полтора-два дня.

— Пятый уровень?.. — удивились адмиралы. — Очень неплохо.

Через некоторое время появился секретарь и привнес подписанные командующим Объединенного Флота приказы. После этого все поспешили разойтись — дел предстояло множество, особенно отбывающим в шестьдесят четвертый сектор.

* * *

Мелкие стычки в разных районах обжитого космоса следовали одна за другой, причем обычно начинались с провокаций американцев или европейцев. Но дрались последние крайне неохотно, старались нагадить и убежать. Ну чем им помешала, например, научная станция на спутнике седьмой планеты системы Р43? Подкрались, пустили пару торпед и сбежали, оставив людей умирать от нехватки воздуха. К счастью, невдалеке проходил русский грузовой корабль и услышал сигнал бедствия. Он и спас немногих выживших ученых.

Были даже попытки прорваться к населенным планетам, но какие-то неуверенные, словно экипажи кораблей заставляли делать это из-под палки. Впрочем, скорее всего так оно и происходило, ведь совсем недавно американские, европейские и русские офицеры сражались вместе против общего врага.

Что происходило у крэнхи, никто не знал. Но флот двух восставших кланов в системах людей не показывался. Зато эскадры четырех оставшихся то и дело появлялись в разных секторах, в основном соседним с шестьдесят четвертым. В нем самом

дежурил огромный флот. Действовал он очень странно — стоило людям схлестнуться, как кренхи занимали позицию между ними, тем самым заставляя прекратить конфликт. Но если противники не успокаивались, то «коты» принимали участие в бою на стороне русских.

Впрочем, все это называть войной было нельзя — крупных сражений стороны избегали. Так, небольшие столкновения, в которых гибло максимум пять-шесть кораблей. А в окрестностях Земли вообще царил покой — флоты маневрировали, старались отжать противника на более неудобную позицию, но огонь никто не открывал. Давили на нервы атаками истребителей, имитирующих нападение. Но никому не хотелось всерьез учинять бойню возле родной планеты.

Россия продолжала хранить загадочное молчание, не отзываясь на попытки связаться. Посольства опустели, хотя ни один дипломат легальным или нелегальным образом не выезжал. Никто не понимал, как такое возможно. Службы безопасности пытались расследовать странное событие, но что они могли понять, обнаружив полностью пустые помещения? Некоторые помещения были словно выгоревшими, видимо, там и находилось то, что помогло русским эвакуироваться. Раньше, по воспоминаниям очевидцев, стены этих помещений украшали выпуклые узоры. Оставалось сделать единственный возможный вывод, что в Империи овладели телепортацией.

Пресса продолжала сходить с ума, делая тысячи предположений, но ни одно не находило подтверж-

дений. То же самое касалось и аналитиков разных служб. На западе постепенно воцарялась растерянность — никогда до сих пор Россия так себя не вела. Почему русские не отзываются?.. Чего они хотят?.. Удастся ли предотвратить бойню?..

В связи со всем вышесказанным в тайном бункере собирались реальные хозяева «свободного» мира. Те же трое Ротшильдов и последний представитель рода их старых врагов, Рокфеллеров. Он, как ни странно, выжил после атаки подводной лодкой его находящегося в глубокой тихоокеанской впадине убежища. Успел забраться в спасательный батискаф. Сейчас было уже не до противостояния, поэтому Александру Рокфеллеру, шестидесятилетнему статному мужчине, открыли всё.

— И вы молчали... — закусил он губу. — Какого черта?! Вместе бы мы большего добились! Между собой можно разобраться и позже!

— Возможно, мы были неправы, — пожал плечами патриарх. — Но не будем жалеть о прошлом, его не изменить. Нам надо решить, что делать дальше. Меня очень беспокоит поведение русских. Это молчание неспроста. У них случилось что-то серьезное, и они не желают, чтобы мы об этом знали.

— Возможно, калека наконец-то подох? — предположил Рокфеллер.

— Возможно, — кивнул Хьюго. — Тогда до коронации нового они действительно ничего не сделают.

— Нужно знать точно, — скривился Джейкоб. — Тогда и можно что-либо предпринимать. Ошибемся — русские так ответят, что можно и костей не сорвать.

— Гибель нашего клана я им не прошу... — сжал кулаки Рокфеллер.

— Им на это плевать, — презрительно бросил патриарх. — Они, наконец, четко показали, как относятся к нам и нашим потугам прибрать к рукам весь мир. Пора честно признать — с Империей мы на данный момент ничего поделать не можем. Мало того, думаю, что мы вообще проигрываем партию.

— К сожалению, вынужден признать вашу правоту... — опустил голову гость. — Русские каким-то образом воздействуют на наше население, этот вывод напрашивается сам собой — большинство всегда работавших моделей вдруг перестали работать. Всегда поддерживавшие нас слои населения вдруг начали задавать неудобные вопросы...

— Я знаю, — кивнул старик. — И это меня сильно беспокоит. Похоже, противник нашел какой-то неизвестный нам способ влиять на наши народы. Мои службы лихорадочно ищут следы воздействия, ведь такое не провернешь бесследно, но пока ничего не нашли. Ни публикаций в прессе, ни чьих-либо мнений в социальных сетях, но люди при этом все равно начинают задумываться о том, о чем им думать совсем не надо. Плохо то, что пока не понимаем откуда дует ветер, мы не можем противодействовать.

Выпив стакан воды, он повернулся к Хьюго и спросил:

— Высланных из России диссидентов допросили?

— Естественно, лучшие специалисты, даже с сывороткой правды, — кивнул тот. — Они ничего не знают. Депортация произошла внезапно. Аресто-

вали, позволили собрать самые необходимые вещи и доставили к ближайшей границе без каких-либо объяснений. Сказали только, что во время войны предатели в России не нужны. Единственное интересное — это начавшаяся в прессе и сети кампания поддержки будущего императора. Старый выступал и просил народ стать опорой его преемнику.

— Значит, преемник уже определен, — сделал вывод патриарх. — Не удалось выяснить, кто он?

— Думаю, это знает сам император и два-три его ближайших соратника. Сами знаете, в их кухне ничего заранее выяснить невозможно, мы на этом уже не раз прокалывались.

— Но нам удавались покушения...

— Последних наших людей КВИБ-1 вычистил как раз после теракта, котором пострадал Александр Шестой, — развел руками Хьюго. — Те, кто остались, никто и зовут их никак. Я предупреждал, что не стоит рисковать последней нашей рабочей сетью, но вы решили иначе.

— Слишком Александр резво за дело взялся, наступил на несколько больных мозолей, — проворчал патриарх. — А новую сеть создать?

— Как? Иностранцам в России позволено находиться только в определенных местах. А после теракта условия еще ужесточились. Разрешено общаться только с людьми той профессии, которую заявляешь как свою. Да и то под контролем квибовцев. Одна попытка заговорить с кем-либо о преимуществах демократии — тут же закрытие визы и высылка. Нет, наши люди находят кое-какие возможности, но работать очень трудно.

— Да, они учли свои старые ошибки и перекрыли нам возможность влиять на их население, — тяжело вздохнул патриарх.

— Удается убеждать только интеллигентов-гуманистариев, а от них толку немногим больше ноля, — покивал Хьюго. — Правда, кое-кто из них смог заинтересовать нашими ценностями некоторую часть молодежи, среди которой даже был сын адмирала Романцева. А через сына завербовали и жену. Она пыталась убедить мужа эмигрировать, нам бы такой флотоводец очень пригодился, но он отказался и, наоборот, отправил сына в армию с пожеланием, чтобы ему там прочистили мозги.

— Дурная баба... — скривился стариk. — Тоньше надо было действовать, тоньше! Такого человека упустить! Наши адмиралишки ему в подметки не годятся!

— Основную информацию, как все знают, мы получаем из колоний, там русские не выстроили такой железный занавес, как на Земле, — продолжил Хьюго. — Но этого недостаточно. В итоге достоверную модель происходящего мои аналитики выстроить не в состоянии. Есть, правда, еще одно, что я хотел бы озвучить.

— Что?

— Не рекомендую нашим войскам высаживаться ни на одну русскую планету, иначе они узнают, что такая тотальная война, когда их будут убивать даже женщины, дети и старики. Когда будут подсовывать отравленную воду и продукты, врачи станут не лечить, а калечить. Причем население в колониях специально обучаются сопро-

тивлению, там от мала до велика умеют устроить оккупантам ад. И ни один человек не будет с нами сотрудничать. Точнее, на первый взгляд будет, но на самом деле заведет в ловушку, подсыпет яд, пронесет взрывное устройство и взорвет, плюя на собственную жизнь. На вопрос: «Зачем творить такое?» ответ будет один: «Мы вас сюда не звали!»

— Да уж, — поежился патриарх, — знал, что русские ненормальные, но настолько? Как же они нас ненавидят...

— Нет, они нас жалеют, — усмехнулся Хьюго. — Да-да, не удивляйтесь, они считают нас убогими, обиженными Богом. Но это не отменяет, что сопротивляться они будут до последнего. А вот победив, могут побежденных и пожалеть, и по головке погладить, посочувствовать.

— Нам их, видимо, никогда не понять... — пробурчал Рокфеллер. — Но может хватит говорить о том, о сем? Давайте принимать решение.

— Какое именно? — пристально посмотрел на него патриарх.

— Что именно мы намерены предпринять! Готовы ли мы пойти на большую войну или нет.

— Думаю, не готовы. Гибель цивилизации не нужна ни нам, ни русским.

— А зря! — сузились от гнева глаза Рокфеллера. — Если они сейчас выиграют, то рано или поздно подавят нас окончательно. И мне жаль, если вы этого не понимаете. Я бы советовал использовать даже мезонные бомбы! Мы прекрасно можем скрыться на других планетах, при этом уничтожив основную

инфраструктуру Империи. А после этого захватить колонии будет уже нетрудно, любое сопротивление подавим!

Он с бессильной злобой смотрел на патриарха, прекрасно понимая, кто прибрал к рукам большинство средств его семьи, воспользовавшись ситуацией. И готов был теперь мстить всему миру, раз уж конкретным виновникам его бед отомстить не удастся.

— Успокойтесь, — холодно бросил старик.

Он бросил короткий взгляд на Хьюго, на что тот опустил веки. Джейкоб этот безмолвный диалог заметил и прекрасно понял, с трудом сдержав усмешку, — последнему представителю семьи Рокфеллеров не жить, его тем или иным способом уберут в ближайшее время, чтобы под ногами не путался. Никто не рассчитывал, что он выживет, а он, сволочь такая, выжил. И это надо исправить.

— Задача остается прежней, — снова заговорил патриарх. — Любой ценой заполучить базу Древних. Ради ее захвата можно пойти и на большое сражение. Передайте нашим адмиралам жесткий приказ. Чтобы добиться цели они могут даже бомбардировать мезонными зарядами русские колонии, да и вообще делать все, что угодно. Однако если не преуспеют, то ответят перед судом — мы от них отречемся. Преуспеют — получат все, о чем только смеют мечтать.

Хьюго незаметно вздохнул — старик так за всю жизнь и не понял, что для военных далеко не все измеряется деньгами, что у них есть и иные мотивы. Из-за этого не раз ошибался, но обвинял в своих

ошибках других. Продолжая оставаться при своем мнении. И тем более он не понимал русских. Впрочем, их Хьюго и сам очень слабо понимал, слишком отличны от американцев и европейцев. Действительно, другая, пошедшая иным путем цивилизация.

Глава разведки клана очень сомневался, что они преуспеют. Поэтому решил подготовить себе запасной аэродром на случай падения клана Ротшильдов. Ведь каждый сам за себя, а думать иначе — глупость, верить в которую способны только русские.

* * *

Напряжение в шестьдесят четвертом секторе продолжало нарастать. Флоты четырех сторон кружили друг вокруг друга, как стервятники, но никто ничего серьезного не предпринимал. Все внимание было приковано к точке, где обнаружили пространственные аномалии. Практически все уже были уверены, что именно там скрывается Хранилище древних.

Несколько дней назад в сектор прибыл адмирал Романцев, чтобы взять на себя командование в предстоящем сражении, а в том, что оно состоится, никто не сомневался. В европейско-американском флоте тоже сменилось командование — с Земли прибыли адмиралы Кейси и МакКормик, англичанин и американец. Анатолий Николаевич их хорошо знал и уважал как профессионалов. Оба отличались нестандартным мышлением, поэтому предсказать их действия было затруднительно.

Разведчики обследовали аномальную область до последнего камешка, но ничего не нашли. Однако на них продолжали сыпаться приказы продолжать. Истребители четырех сторон делали вид, что не видят друг друга, разве что иногда устраивая карусель, в которой проигравшей стороной обычно оказывались евроамериканцы — у них попросту не осталось «безумцев», все их «безумцы» поголовно перебежали к русским. Им пришлось брать массовостью — на истребители усадили всех мало-мальски толковых пилотов, в глубине души понимая, что это не поможет в случае реального боя. Прекрасно знали, как дерутся «безумцы», особенно если дерутся за то, во что верят, за что готовы без сомнения отдать жизнь.

— Что нового? — Романцев, войдя в командный пункт линкора «Александр IV», окинул взглядом вытянувшихся по стойке «смирно» офицеров.

— Изменений в обстановке нет, — доложил начальник штаба, контр-адмирал Ли Хунь.

— Как же мне надоела эта неизвестность... — устало потер лицо командующий.

Действительно, нервы у всех уже были на пределе.

— Внимание! — вдруг вскинулся дежурный оператор сканеров. — Изменились параметры аномальной зоны.

— Боевая тревога! — рявкнул оживившийся Романцев.

Записи того, что случилось в следующие несколько минут, обошли потом все обитаемые миры, такого зрелища человеческие, да и крэнхианские глаза еще не видели.

Пространство в аномальной зоне пошло отчетливо видными волнами, затем его пронзили тысячи переплетающихся разноцветных потоков, свивающихся в непонятные фигуры. Но они почему-то не казались никому чуждыми, наоборот, души разумных словно ринулись навстречу им. Все свидетели с восторгом смотрели и не могли понять, откуда взялся такой восторг. Казалось, они видят пришествие Творца или как минимум высших ангелов.

От аномалии во все стороны разнеслась торжествующая, заставляющая стремиться в небо музыка. Как она могла распространяться в безвоздушном пространстве? Трудно сказать, но ее слышали на каждом корабле. И слушали, замерев в безмолвии, — в ней было что-то невозможное и непостижимое, влекущее в даль, дающее понять, что мир куда больше всего, что раньше ты мог себе представить.

Казалось, словно из ниоткуда медленно выплывает нечто величественное, поражающее воображение. Кружившие до сих вокруг истребители внезапно на полной скорости ринулись во все стороны прочь. Словно кто-то отдал приказ, но позже пилоты признавались, что приказа не было, просто возникло ощущение, что сейчас находится здесь — святотатство.

Световые потоки становились все интенсивнее, казалось, они скользят по грани чего-то нематериального, но уже материализующегося. В пространстве медленно проявлялись силуэты стремящихся вверх, а затем вниз башен, связанных вязью бесконечных мостов. Или не мостов? Трудно сказать, что

это было. Форма появляющегося из ниоткуда нечто изменялась, текла, ни на мгновение не оставаясь постоянной.

С каждой секундой Хранилище становилось все более материальным. И по прошествии десяти минут по границам аномалии пробежали последние световые волны, и взглядам людей и крэнхи предстала невозможной красоты ажурная сеть, соединяющая белоснежные игольчатые призмы, шары, плоскости и множество иных геометрических фигур. Невзирая на ее абсолютную чуждость, на нее хотелось смотреть и смотреть, немея от восторга.

Связывающие фигуры «трубы» тоже представляли собой более тонкого плетения сети, по ним то и дело проскальзывали световые шары. Или не шары? Трудно сказать, люди и крэнхи продолжали, замерев, смотреть на появление созданного Древними чуда. Хранилище сияло в темноте космоса, как драгоценный алмаз, по его границам трепетали световые полотнища разных цветов, не давая рассмотреть подробности.

— Размеры? — заставил себя заговорить Романцев, смахивая выступившие на глазах слезы.

— Больше двух тысяч километров в диаметре! — выдохнул оператор сканеров.

— Ничего себе машина... — пробормотал себе под нос адмирал.

Затем он помотал головой и начал раздавать приказы. Русский флот развернулся в гигантскую полусферу и медленно двинулся к Хранилищу.

Глава 14

— Ну и как брать под контроль это? — хмуро спросил Кейси, покосившись на застывшего у экрана Мак-Кормика.

— Не знаю... — вздохнул тот. — На такие размеры мы никак не рассчитывали. Но делать нечего, у нас есть приказ.

Они давно распределили между собой обязанности и теперь не мешали друг другу, не раз работали вместе. Сейчас очень не хватало Романцева, который, к сожалению, сейчас был на другой стороне. И чего от него ожидать, ни один из них не знал, помнили, какие нестандартные ходы не раз на их памяти изобретал русский адмирал.

— Красиво, черт побери... — протянул Мак-Кормик, глядя на экран, на котором переливалось в световых потоках белоснежное Хранилище.

— Только все это... э-э-э... — не сразу нашелся Кейси. — Нечеловеческое оно, пугающее.

— Это да. Но все равно потрясает. Представить трудно, что там можно найти.

— Многое, думаю. Но что дальше?

— Приказы мы отдали, — вздохнул Мак-Кормик. — Наши флоты идут к Хранилищу. Теперь ждем, что предпримет Анатоль.

Они напряженно наблюдали за тактическим голоэкраном, отслеживая сближение флотов.

— Что «коты»? — спросил Кейси.

— Подходят к Хранилищу с другой стороны. Но кто из них кто я пока не определил, — развел руками Мак-Кормик. — Пока они не схватятся, боюсь,

и не определим. Нас тоже элементарно перепутать с русскими — корабли за редким исключением однотипные.

— Не думаю, что мы сможем, даже если и захватим, контролировать такую машину вдали от Земли. Я-то думал, что это нечто вроде наших станций, не больше километра максимум, а тут это...

— Приказ все рано выполнять надо. Сможем, не сможем — это уже дело десятое. Хотя лучше бы наши договорились с русскими — вместе бы исследовали без всего этого дерьма.

— Да и «коты» были не против совместного исследования, — вздохнул Кейси. — Но нашим захотелось все себе захапать, а мы теперь из-за их жадности умирать будем.

Флоты всех сторон выслали на разведку истребители. Операторы всех сканирующих систем тем временем пытались исследовать Хранилище, но приборы сообщали только, что на определенном расстоянии расположен материальный объект с неопределенной массой и структурой.

Лейтенант Марчер вел свой истребитель небрежно, всегда любил летать. До «безумцев», конечно, не дотягивал и сам прекрасно это понимал, но на фоне остальных смотрелся вполнелично. А теперь, когда «безумцы» либо сбежали к русским, либо сидели на гауптвахте, Джек мог считаться одним из лучших. Явление Хранилища поразило его, как и всех остальных — ничего грандиознее и красивее лейтенант за свои двадцать семь лет не видел. И теперь глядел восторженными глазами на приближающееся кружевное

марево, окруженное разноцветными световыми сполохами.

Не успел истребитель подлететь на сто километров к Ханилищу, как внезапная перегрузка заставила Марчера задохнуться — машина, не слушаясь управления, совершила крутой поворот. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что движется в обратном направлении. Растроенный лейтенант развернулся, но все повторилось в точности.

А вскоре выяснилось, что такое произошло со всеми попытавшимися приблизиться к Ханилищу космолетами. Ближе ста километров никто подойти не смог. После того, как все поняли это, на некоторое время воцарилось затишье. Затем предприняли попытку более крупные корабли, но результат оказался тем же самым.

Последними на штурм невидимого и неощущимого самыми чувствительными приборами барьера отправили линкоры, но и их легко развернуло. Флоты в растерянности окружили Ханилище, не подходя ближе, чем на сто двадцать километров.

— И что теперь? — хмуро спросил Кейси, глядя на экран, где продолжало радовать глаз сияющее чудо, не подпускающее к себе.

— Не знаю, — развел руками Мак-Кормик. — Пожале, внутри кто-то есть, и он никого видеть у себя в гостях не желает. А может, это автоматы.

— Не забывай про русский фрегат и эсминец крэнхи, ушедших туда.

— Туда ли? Не уверен.

— Все может быть. Но пока не получу доказательств обратного, буду считать, что они там.

— Как хочешь, — пожал плечами Кейси. — Мне сейчас интереснее, что сделает Анатоль. Не верю, что он отступит. Ну точно, гляди!

— На что? — не понял Мак-Кормик.

— А вон, один из русских скоростных фрегатов разгоняется для прыжка. Наверное, наш дорогой коллега решил попытаться прыгнуть на короткое расстояние и попасть внутрь периметра барьера.

— Неожиданно! Но поглядим, что из этого выйдет.

Фрегат между тем разогнался и скрылся в гиперпространстве. На мгновение его силуэт проявился внутри барьера, и корабль тут же вынесло наружу с неимоверной скоростью — больше двухсот тысяч километров в секунду! При этом, как позже выяснилось, экипаж ничего не почувствовал, хотя людей при таком мгновенном ускорении должно было раздавить в лепешки. Одно это говорило об уровне технологий Древних очень многое.

— Фокус не удался, — удовлетворенно констатировал Кейси, всегда ревниво относившийся к успехам Романцева. Начинали они оба службу зелеными лейтенантами на одном корабле и с первого дня стали соперниками. Оба были воспитанниками знаменитого адмирала, чеха Богуславки.

— Он хоть что-то придумал, — насмешливо покосился на англичанина Мак-Кормик, прекрасно знавший об отношении того к русскому. — Что можешь предложить ты?

— Пока ничего!

Флоты продолжали кружить вокруг защитного поля, делая попытку за попыткой прорваться. Но ничего не выходило. Хранилище не менялось — все то же сияющее чудо, на которое многие не могли насмотреться.

Адмиралы пили чай и нервно обсуждали случившееся, не понимая, что им дальше делать. И инструкций не запросишь — до Земли самому быстрому курьеру лететь больше суток. Оба про себя благодарили бога, что не пришлось драться с русскими или крэнхи — те находились в таком же положении, как и они сами.

— Не думаю, что Анатоль успокоится, — задумчиво произнес Кейси. — Я его хорошо знаю, он вечно что-то как выдумает, так только изумляться остается. Редкая и извращенная фантазия у человека.

В этот момент внимание адмиралов привлек вскинувшийся оператор сканеров.

— Что? — тут же поспешил к нему Мак-Кормик.

— Не знаю, — ответил тот, — но что-то явно происходит... Меняются параметры защитного поля на одном участке.

— Уж не проход ли там формируется? — переглянулись адмиралы. — Отправьте туда пару истребителей!

Офицер связи кивнул и передал приказы пилотам. Вскоре две юркие машины вырвались из стартовой аппарели авианосца и в который раз за сегодня понеслись к периметру защитного поля Хранилища. Случившееся заметили не только евроамериканцы, поскольку к той же точке двинулись еще шесть истребителей — два русских и четыре крэнхянских.

Относительно небольшая, не больше полукилометра в диаметре область защитного поля проявилась визуально, пошла волнами и слегка засветилась. А затем исчезла, но свечение осталось вокруг нее, словно обозначая проход.

Истребители долетели до этой области почти одновременно и дружно нырнули внутрь. И их пропустили!

— Проклятье! — сжал кулаки Мак-Кормик. — Ну, теперь начнется веселье...

— Да, друг мой, начнется.

Он повернулся к офицеру связи и принялся отдавать приказ за приказом, одновременно двигая ладонями по тактическому голоэкрану и передислоцируя свои эскадры.

Начиналось главное сражение этой странной войны.

* * *

Те же слова раздраженно повторил в командном центре Романцев, до сих пор надеявшийся, что большого сражения удастся избежать. Жаль парней, которые будут гибнуть из-за непрофессионализма политиков. Нет, умом адмирал понимал, что Ханилище нельзя отдавать американцам, но душа болела, когда он представлял, сколько людей, за которых он отвечал, не вернутся к своим семьям.

Четыре флота разворачивались в боевые порядки и двигались навстречу друг другу, надеясь успеть первыми и перекрыть остальным подход к вратам. Романцев очень надеялся, что четыре клана не нарушают союзный договор и помогут — на последнем

перед отлетом в шестьдесят четвертый сектор со-вещании император говорил, что договорился с во-ждем Дха-Вертонх о совместном исследовании на-следия Древних. Но решает ли вождь одного клана за остальных троих? Ответа не было, оставалось только надеяться.

Первыми достигли врат эскадры малых кораблей, по земной классификации фрегатов и корветов, принадлежащих евроамериканцам и двум кланам, которых для ясности решили называть раскольниками. И тут же схватились. Русские и осталь-ные крэнхи, которых на флоте метко обозвали не-решительными из-за их поведения, но официально называли просто крэнхи, подоспели минуты на три позже. В их сторону тут же начали стрелять и ев-роамерикаанцы, и раскольники, мгновенно забыв о расприях между собой. Похоже, решили для нача-ла справиться с общим врагом, а между собой разо-браться позже.

Адмирал тяжело вздохнул — его ожидания, к со-жалению, оправдались. Это значит, в итоге, что силы примерно равны. Победу придется вырывать зубами, и основную роль в сражении сыграют «без-умцы», которых во флотах русских и крэнхи хва-тало, в отличие от противников. Нет, у раскольни-ков они были, хоть и меньше, чем у четырех кланов, зато у евроамериканцев не было вообще — ни один «безумец», невзирая на национальность, не пожелал драться на их стороне.

Плохо, что командуют евроамериканцами Кей-си и Мак-Кормик, особенно первый способен на-вредить — тактику друг друга они с англичанином

знали отлично, сказывалось старое соперничество, и прекрасно знали, чего ждать друг от друга. Но что он может предпринять в такой ситуации, особенно если учесть отсутствие у него «безумцев»? Многое. А что, если?.. Губы Романцева растянулись в насмешливой ухмылке. Интересно, а что Джордж на это скажет?..

Связавшись с айтхаром Йон-Артау, адмирал обрисовал ему свой план. Тот выслушал и уважительно склонил голову, не скрывая злорадный оскал. Затем, немного подумав, добавил пару деталей, учитываяющих видовые особенности крэнхи. Быстро согласовав детали и обменявшихся командными кодами, Романцев и Йон-Артау начали передислокацию своих сил.

Неожиданно для евроамериканцев и раскольников флоты противника смешались, а затем разошлись, образуя из себя широкое кольцо, внутри которого завертелся в вихре рой аляповато раскрашенных истребителей. Причем они вытянулись в длинное веретено, находящееся точно в центре кольца. Кейси и командующий раскольников принялись лихорадочно перестраивать свои порядки. Причем несогласованно — они явно не успели договориться — ведь еще несколько минут назад сражались друг против друга.

Со стороны русских и крэнхи в бой вступали двадцать три линкора, сорок восемь крейсеров разных классов и больше сотни малых кораблей. В тылу расположились носители истребителей — шесть авианосцев. С другой стороны было на один линкор меньше, зато крейсеров — на три больше. Малых ко-

раблей тоже больше, причем намного — раза в полтора. Но это преимущество нивелировалось наличием больше трехсот «безумцев».

Бой начинался неспешно, что даже странно для космоса, где обычно все шло очень быстро. Но дело в том, что на самом деле никому не хотелось воевать. Почему-то всем казалось, что эта война не нужна, что лишняя, да не просто лишняя, а способна погубить само мироздание.

— Товарищ адмирал! — вдруг вскинулся дежурный офицер. — Смотрите!

Он показывал на визуальный голоэкран. Романцев уставился на него и вздрогнул. С Хранилищем снова происходило что-то непонятное — окружающее его силовое стало видимым и сейчас выглядело как полупрозрачная пленка. А затем с двух сторон эта пленка вспутилась округлыми наростами и лопнула, выпуская из себя что-то. Не сразу стало понятно, что гигантские, километрового размера черные пирамиды, вокруг которых в произвольном порядке врашивались различные объекты — от обломков камня до каменных же объемных геометрических фигур. Между всем этим проскакивали змеящиеся разноцветные разряды.

— Сканеры этих штук не видят... — доложил оператор.

— Интересно, что это? — задумчиво потер подбородок Романцев, глядя на начавшие вращаться пирамиды.

— У меня есть одно нехорошее предположение... — голос Ли Хуня подрагивал. — Боевые корабли Древних.

— Не дай Господи! — широко перекрестился адмирал.

В этот момент пирамиды сменили положение, отойдя от пленки защитного поля. И стали белоснежными. От них во все стороны прянуло слепящее сияние. Романцев отшатнулся от экрана, прикрыв ладонью глаза.

— Товарищ адмирал! — голос главного канонира был наполнен ужасом. — Товарищ адмирал!

— Что случилось?!

— Наше оружие... Оно отключилось! Все...

— В смысле?.. — не понял Романцев.

— В прямом, товарищ адмирал, — взял себя в руки канонир. — Намертво отключились управляющие схемы, невзирая на их тройное дублирование. Ни ракеты, ни мезонные пушки, ни гиперорудия больше не пригодны для боя. Мы полностью беззащитны!

Вскоре посыпались доклады со всего флота — на каждом корабле, включая самый малый, случилось то же самое. Судя по судорожным эволюциям эскадр крэнхи, евроамериканцев и раскольников, они тоже остались без оружия. Похоже, это постарались пирамиды...

— Внимание! — внезапно грянул в рубке чейто громовой голос. — Перед вами боевые крейсера «Заря» и «Закат», принадлежащие цивилизации Лонхайт и предназначенные для защиты Хранилища от незваных гостей. Мы, их капитаны, Михаил Иванович Шмелев и Гши А-Ринно Тайхау, требуем немедленно отвести все флоты от границы защитного поля на расстояние не менее двадцати тысяч ки-

лометров. Иначе будем вынуждены принять меры, а в наших возможностях вы успели убедиться — никакое оружие на ваших кораблях больше не действует. Через час после исполнения нашего требования мы ждем делегации всех четырех сторон на борту «Зари».

Одна из пирамид на мгновение полыхнула алым светом.

— Товарищ адмирал, этот голос слышали на всех кораблях флота! — обернулся к ошарашенному Романцеву офицер связи. — Думаю, наши противники тоже слышали.

— Ай да Шмелев! — восторженно хлопнул себя ладонями по бокам адмирал. — Ай да сукин сын! Ай да молодец!

— Но вторым крейсером командует крэнхи, — возразил Ли Хунь. — И наше оружие они тоженейтрализовали.

— Не просто крэнхи, а старший сын эклара Дха-Вертонх, реального правителя четырех кланов, — поднял палец Романцев. — Будущий вождь. А это значит только одно — ни евроамериканцам, ни раскольникам ловить тут нечего!

— Я не стал бы загадывать, — продолжал гнуть свою линию упрямый китаец, продолжая встревоженно проглядывать флотские сводки. — Мы не можем быть уверенными, остались ли эти двое человека и крэнхи. Вполне возможно, они настолько изменились, что интересы родных планет для них уже ничего не значат.

— Ли, я знаю, что вы скептик, но давайте не делать поспешных выводов, — укоризненно посмотрел

на него адмирал. — Лучше займитесь отводом флота. Приказываю отвести флот на указанную позицию и подготовить катер. Истребители вернуть на базу, кроме двух разведчиков.

— Вы считаете разумным покинуть эскадру? — удивленно вскинул брови Ли Хунь. — Вы командующий!

— Да, считаю! — отрезал Романцев. — И вы отправитесь со мной. На время моего отсутствия возлагаю командование, — он нашел взглядом тихо стоящего сбоку японца, одного из лучших тактиков Империи, — на контр-адмирала Якамуру.

Китаец пожал плечами и отправился выполнять приказ. Невзирая на столько лет пребывания его родины в составе России, он все еще иногда совершенно не понимал русских. Какие-то они странные...

* * *

Бесчисленные разноцветные полупрозрачные плоскости пересекались под разными углами, то тут, то там пульсировали наполовину погруженные в них белые и черные игольчатые шары. Около одного прямо в воздухе висел в полной неподвижности оплетенный тонкими, пульсирующими щупальцами человек в обтягивающем темном чешуйчатом костюме.

Михаил внутренне улыбался, вспоминая случившееся за последний год. Для него и остальных невольных пленников .Хранилища прошло два года, и за эти годы они многое успели. Раньше курсант никогда бы не поверил, что можно уложить столько знаний в свою многострадальную голову. Эмпа-

ты научили отдыхать в медитации, это отнимало не восемь часов, как сон, а всего лишь два. Все остальное время занимала работа, работа и еще раз работа. И прежде всего работа над собой. С каждым днем они узнавали все нового, причем чаще всего это знание было шокирующим, переворачивающим многое с ног на голову.

Преобразование тела, хоть и неполное, тоже дало немало — по крайней мере болезней, ядов и небольших ран теперь можно было не бояться. Защитный нанокомплекс тоже играл свою роль — теперь не-многое могло погубить Михаила со товарищи, разве что попадание в эпицентр сильного взрыва. Регенерация поражала. Ну а внедрение в мозг мощнейшего биокомпьютера позволило мыслить несколькими потоками и анализировать поступающую информацию с пакетном скрытом режиме, не отвлекая основные мыслительные способности на это. В разговорах между собой обучающиеся не раз пытались понять, каким же изменениям подверглись сами эмпаты. И можно ли их еще называть людьми или крэнхи. Все сходились на том, что уже нельзя, что они стали чем-то совершенно иным, сохранив только внешний вид.

Михаил и Гши прошли более сильное преобразование, чем остальные, им втрое повысили скорость реакции, усилили связки и сухожилия, внедрили в мышцы специальные импланты, делающие их в несколько раз сильнее. Да и биокомпьютеры у них были помощнее.

Открывшееся землянам и крэнхи многообразие мироздания поражало, науке их народов до пони-

мания многоного было еще очень долго идти. Впрочем, теперь путь значительно сократится. Главное, не допустить, чтобы эти знания попали в руки «хозяев жизни» из конкурентных обществ — эти твари обязательно превратят все, что возможно, в оружие. Им ведь безразлично все, кроме их денег и власти, хотя власти они недостойны, как недостоин любой ее желающий. Только тот, кто воспринимает власть как тяжелую, неподъемную работу, долг перед своим народом, имеет право на нее.

История сотен цивилизаций, добившихся успеха и ушедших в небытие. Причин последнего могло быть неисчислимое множество. Но Михаила и Гши очень жестко обучали эти причины определять. Им давали вводные, затем следовало полное виртуальное погружение в жизнь той или иной цивилизации. С властными полномочиями. И кровные братья должны были предотвратить катастрофу. Изменить цивилизацию таким образом, чтобы она не просто выжила, а перешла. Поэтому им казалось, что их личного субъективного времени потрачено не два года, а добрых двадцать.

Не сразу у Михаила начало получаться, далеко не сразу. Да и не понимал он, почему его, в будущем, скорее всего, обычного офицера, такому учат. Это императору под стать! Но потом увлекся и втянулся. Остальных учили разному, от пилотирования кораблями Лонхайт и преобразования реальных параметров Хранилища до выращивания особого рода инфокристаллов в коронах некоторых звезд. И всех обучали управлению крупными коллективами. В обязательном порядке.

Каждый получил импланты, позволяющие управлять кораблями Древних — без этих имплантов биомозг корабля просто не допустил бы человека или крэнхи на борт. Но труднее всего все же было работать с самим Хранилищем — слишком оно оказалось огромным, слишком сложным и непривычным. Форма, а часто и суть его элементов постоянно менялась, да внутри имелось мало статичного — ты ложился спать в кровати, в своей каюте, а просыпался на плавающем в открытом космосе розовом облаке. И тут уж нужно было не паниковать, а через импланты подключаться к командному центру и выяснить, куда тебя унесло и как переместиться к учебному центру или информаторию.

Но постепенно привыкли ко всему, на удивление не хватало ни сил, ни времени — их забирала учеба. Но все когда-нибудь заканчивается, прошли и эти два года.

Как выяснилось, Хранилище оказалось не беззащитным — в стазисе, способном сохранять даже продукты свежими в течение миллионов лет, находились два готовых в любое мгновение стартовать боевых крейсера Лонхайт. Впервые за всю историю столкновения с артефактами Древних люди и крэнхи обнаружили что-то напоминающее оружие. Впрочем, нет, назвать это оружием было нельзя — устройство, наоборот, приводило в негодность любое оружие на расстоянии до трех световых лет. Просто отключало. Каков его принцип действия, Михаил так и не понял, но не заморачивался этим — ученые на Земле разберутся.

Вчера эмпаты ушли, предварительно выведя Хранилище из ускоренного потока времени и попро-

щавшись с экипажами. Они так и не сказали, куда отправляются. Да и на контакт с правительствами идти не собирались, считая себя обязанными выполнить свой долг. Как Михаил ни возражал, что этот долг они возложили на себя сами, они в ответ только улыбались.

От одной мысли, что объясняться с высшими лицами Империи предстоит ему, Михаила прошибал холодный пот. Особую тревогу вызывала необходимость передать лично императору требования эмпартов. Да и с командующими четырех флотов предстоит разбираться именно им с Гши. Последний вообще страшно нервничал, ведь флотом четырех кланов командовал его отец. По крайней мере, по обычаю так должно было быть — у крэнхи вожди никогда не отсиживались за спинами других, всегда шли в бой первыми, если не хотели быть свергнутыми.

Освоить крейсера, носящие имена «Заря» и «Закат», оказалось намного проще, чем само Хранилище и информаторий. Они управлялись прямым подключением, по сравнению с которым известное на Земле казалось подделкой. Когда Михаил впервые вошел в систему «Зари», чтобы объявить себя капитаном, то был невероятно изумлен. Он видел и ощущал любой объект на расстоянии до десяти световых лет! Он чувствовал Сеть и ее колебания — за время обучения они с Гши подняли свой уровень сетевой толерантности до 0,4, что считалось максимумом для не эмпата, способного манипулировать Сетью. Он просчитывал курс хоть по Сети, хоть в гиперпространстве практически мгновенно. И мало того,

мог ощущать корабль в пути, что до сих пор считалось в принципе невозможным — если человек оставался в прямом включении в момент гиперперехода, то он сходил с ума.

Экипажи попрощались и скользнули к кораблям — так, в отличие от телепортации, они назвали этот странный способ перемещения, когда ты словно скользишь мимо реальности, почти мгновенно оказываясь в любой точке, находящейся в пределах досягаемости транспортного узла. По Хранилищу перемещаться иным способом было невозможно — оно все состояло из бесчисленных пространственно-временных аномалий. При попытке телепортироваться экспериментатора просто разорвало бы на куски.

Старт «Зари» и «Заката» прошел незаметно — корабли просто скользнули через пространство в нужную точку, затем продавили защитное поле и вышли в открытый космос. Михаил мысленным усилием активировал нейтрализатор оружия и обратился к собравшимся воевать флотам.

Теперь оставалось только ждать. Капитан скользил сознанием то по одному кораблю, то по другому — как выяснилось, он мог наблюдать за происходящим на любом, какими бы защитными полями они ни прикрывались. Некоторое время поглядывавшись туда-сюда, командующие все же приняли решение выполнить требование и отвести флоты — неудивительно, ведь защищаться им теперь было больше нечем. Люди и крэнхи возбужденно обсуждали случившееся, строили тысячи предположений, возмущались и радовались, что войны не будет.

По прошествии часа с флагманских линкоров стартовали два транспортных челнока и два диско-видных глейдера. Они направились к снова засветившейся красным «Заре» на малом ходу, а подойдя, замерли в ожидании дальнейших указаний.

* * *

— Какой странный корабль... — Глаза Романцева горели детским энтузиазмом.

— Очень странный, — согласно кивнул Ли Хунь. — Не понимаю, зачем вокруг него вращается весь этот мусор? Вон, смотрите, явно обломок астероида. Не могу придумать ни одной причины его необходимости.

— Не стоит считать, что логика Лонхайт была подобна нашей. К тому же капитаном этого чудища наш парень, он, думаю, все расскажет.

— Надеюсь.

Тем временем пилотам поступили пакеты данных с координатами, причем каким-то образом оказались переданы прямо на импланты, защищенные всеми известными способами. В мешанине обломков и каменных фигур появился просвет, куда поочереди нырнули челноки. Затем поступил приказ заглушить двигатели. Как только он был выполнен, челноки и дисколеты мгновенно оказались в огромном белоснежном ангаре изломанной формы.

Романцев с Ли Хунем покинули челнок и встретились с Кейси и Мак-Кормиком — они оба тоже не смогли сдержать любопытства и отправились на корабль Древних лично. Старые соперники вежливо поздоровались и принялись оглядываться, но

в ангаре ничего не было, кроме видневшихся вдали спиральных, расширяющихся кверху столбов.

Со стороны дисколетов к землянам подошли ста-рающиеся держаться подальше друг от друга четверо крэнхи, одним из которых являлся хорошо знакомый землянам Йон-Артау, с которым адми-ралы вежливо раскланялись. Эклара Дха-Вертонг почему-то не было, хотя по обычаям он обязан при-существовать на таком мероприятии. Романцев не со-мнивался, что двое крэнхи со стороны раскольни-ков — вожди кланов.

Метрах в ста от них возник слабо светящийся черный круг. Затем раздался голос, который каждый услышал на своем родном языке:

— Прошу встать в этот круг, и вас перенесут в зал совещаний.

Люди и крэнхи настороженно вошли за черту и не успели ничего понять, как оказались во вполне уютной комнате со светло-бежевыми стенами. Во-круг круглого стола были расставлены десять кре-сел, это означало, что от хозяев тоже будут только два представителя.

Романцев решительно сел, указав Ли Хуню на место рядом с собой. Слева от него устроился Йон-Артау, его спутник остался стоять. Справа в кресла опустились Кейси и Мак-Кормик. Вожди кланов Шха-Майянх и Тхай-Меййон уселись напротив.

— Что думаете по этому поводу, господа? — из вежливости Романцев заговорил на крэн'хау.

— Что тут думать, ваши двое поспели раньше всех и получили огромный куш, — язвительно от-ветил Кейси.

— Именно, — поддержал его один из вождей, настороженно оглядывая присутствующих. — Мы ждали открытия Хранилища больше трехсот лет и искали его. Несправедливо, что оно досталось только вам!

— У нас была договоренность о совместных исследованиях, — возразил русский. — Но вы решили, не мы, а вы решили первыми захватить фрегат с координатами. Если бы изначально действовали совместно, то такой ситуации не сложилось бы. Вы сами виноваты и страдаете от собственной жадности.

— Вынужден признать правоту уважаемого айтхара, — проскрипел второй вождь, выдавая звуком голоса свой солидный возраст. — Мы захотели слишком много сразу, в результате не получили ничего. А я предупреждал!

Более молодой коллега ожег его раздраженным взглядом, но ничего не сказал, только возмущенно задергал усами и прижал уши. Эта сцена вызвала едва заметные улыбки у всех присутствующих, даже Йон-Артая со спутником слегка приподняли боковые губы, но не настолько, чтобы это могли воспринять как агрессию.

Какой-то звук привлек внимание присутствующих. Прямо из стены вышли человек и крэнхи в обтягивающих комбинезонах, чья поверхность словно плыла, в ее глубине мерцали бесчисленные крохотные искорки. Эти двое были чем-то неуловимо похожи, словно родные братья, хоть и принадлежали к разным биологическим видам. Что-то в их глазах заставляло смотреть в них и ежиться, такие глаза пристало иметь столетним старцам, а не юношам.

— Добрый день! — заговорил человек. — Меня зовут Михаил Иванович Шмелев-Тайхау. Рядом — мой кровный брат Гши А-Ринно Тайхау-Шмелев.

— Кровный брат?! — подался вперед так и не севший крэнхи, прибывший с Йон-Артау.

— Да, мойхар¹ Штиртау, — приподнял усы Гши.

— Пророчество Онна-а... — прохрипел тот.

— Нет!!! — вскочил старший из вождей. — Вы ошибаетесь, уважаемый мойхар!

— Условия сходятся, — тяжело посмотрел на него Штиртау. — И станут братьями враги из разных народов и миров. И придут в древний храм. И получат силу Древних. И не позволят больше другим убивать! И станут во главе своих народов. И приведут эти народы к сферам богов! Первые четыре условия исполнены.

— Возможно, — не стал спорить вождь. — Никогда не верил в это пророчество, оно слишком туманно.

— Зря. Но это ваше дело. Если я все правильно понимаю, то никуда вы не денетесь. Тем более что сейчас начнет исполняться и пятое условие.

Гши явно что-то понял, поскольку его уши прижались к голове, а губы приподнялись, показав клыки.

— Почему отца нет с вами? — глухо спросил он.

— Прошу прощения, мой эклар! — встал на одно колено мойхар. — Но ваш отец, почтенный Рха А-Синно Тайхау, мертв. Подло убит ножом в спину во время визита в Гейкхар для переговоров.

¹ *Мойхар* — старший жрец, что-то наподобие нашего патриарха

— Мы передали вам убийцу! — вскочил младший из вождей. — Вы должны понимать, что мы в таком не стали бы участвовать — это бесчестье! Прямой вызов на поединок — да! Но не такая мерзость...

Он брезгливо распушил шерсть на морде и снова сел.

— Мертв... — повторил Гши, он выглядел понурым.

— Держись... — Михаил положил ему руку на плечо.

— Ты прав, сначала дело, горевать будем потом, — выпрямился неожиданно ставший экларом крэнхи. — Итак, мы приветствуем прибывших сюда от имени объединенной эмпатической структурой наших цивилизаций!

— Эмпатическая структура? — растерянно переспросил Романцев. Остальные переглядывались, тоже ничего не понимая.

Михаил с Гши переглянулись и коротко поведали о том, что такое системы Контроля разных уровней и с «чем их едят». Потом кое-что из реального устройства мироздания.

— То есть теперь они станут решать, как и куда нам идти?! — в голосе младшего вождя звучал неподдельный гнев.

— Нет, это решать вы будете сами, — ответил Гши. — Они только создадут возможность пойти по верному пути. Если вы предпочтете идти другим, то никто вас неволить не станет. Вот только этот неверный путь обязательно приведет в итоге к гибели. Но выбирать — вам!

— До сих пор не приводил, а теперь приведет, — насмешливо хмыкнул Кейси.

— Думаю, когда мы опубликуем статистические данный примерно по восемнадцати тысячам разных цивилизаций, вы заговорите иначе, — пристально посмотрел на него Михаил. — Ни одна конкурентная цивилизация не достигла вершин, все исчезли тем или иным образом. Перехода и даже приближения к нему достигали только со-лидарные. Если мы все не изменимся, то вскоре на-ждет застой на тысячи лет, а затем неизбежная де-градация и гибель.

— Вы нам сейчас, конечно, не верите, но доказательства будут предоставлены, — поддержал брата Гши.

— Да, оставим высокие материки и обсудим, кому достанется Хранилище, — кивнул Мак-Кормик.

— Никому, — улыбнулся Михаил. — Конкурентным обществам будет представляться только безо-пасная для них информация. Давать вашим хозяевам в руки хотя бы технологию скольжения — это обрекать Землю на большие беды, поскольку они меры не знают. Хочу через вас передать господам Ротшильдам и иже с ними, что они проиграли. Раз и навсегда!

— Понятно... — спал с лица американец.

— То же самое относится к вам, — повернулся к раскольникам Гши. — Если бы вы не предали, не попытались захватить все только себе, то вскоре вместе с остальными кланами получили бы в руки невероятные по привычным вам меркам технологии. Теперь вы их не получите, пока не изменитесь. Вы

сделали свой выбор, так несите за него ответственность.

— Воевать мы больше никому не позволим, — взгляд Михаила стал пронзительным. — Все войны навсегда закончились. Нам достанет для этого сил.

— А что вы станете делать с самой агрессивной частью молодежи, до сих пор шедшей в армию и на флот? — скептически поинтересовался Кейси.

— Найдем куда приложить их энергию, — заверил его русский. — Да, забыл вам сообщить — проходящее в этой комнате транслируется на все планеты людей и крэнхи, причем в реальном времени.

— То есть проблема мгновенной связи через гиперпространство решена?! — чуть не подпрыгнул от такого известия Романцев.

— Не через гиперпространство, но решена, — подтвердил Михаил. — Эту технологию получат все.

— Нас не устраивает, что кто-то дает нам только то, что считает нужным... — в голосе младшего вождя слышалась холодная угроза.

— Это ваше дело, — показал клыки Гши. — Но вы ничего не сможете предпринять, так что придется принимать наши условия, хотите вы того или нет. Без нашего позволения в Хранилище не сможет проникнуть никто, оно завязано на нас двоих и наши экипажи. И в случае нашей гибели снова уйдет в иное пространство.

— Скажите спасибо, что мы находимся в изолированной вселенной, иначе нас давно бы зонировала какая-нибудь из сильных цивилизаций. Я, кажется, не упоминал, что не слишком далеко от нас существует вселенная, где существует Российская Импе-

рия, включающая в себя пять галактик. Но она несомненно тронула, а вот другие, не меньшие, но при этом не отличающиеся терпимостью Империи...

— Нам необходимо перед открытием нашей вселенной большому миру успеть стать сильными, найти свой собственный путь развития, — Гши встал, опершись кулаками об стол. — Свою собственную концепцию, ведущую со временем к переходу. Если мы останемся обычной, никому не интересной технологической цивилизацией, то нас со временем сокрутят и сомнут. И это решается, кстати, не войнами, а противостоянием организаций эмпатов, которыми вы так недовольны. К уникальным же цивилизациям не решается приблизиться вообще никто — Контроль отваживается от них любых желающих. И наша задача найти свой путь.

— Понятно теперь почему мы так и не смогли найти другой, кроме людей, разум... — вздохнул мойхар. — Благодарю за информацию, мой эклар.

— Позже я сообщу вам больше, намного больше. А теперь, думаю, пора прощаться.

— Ваши флоты будут мгновенно переправлены к родным планетам, чтобы не тратить времени на дорогу, — сообщил Михаил. — Доступ к Хранилищу, как я уже говорил, будет возможен только на борту «Зари» или «Заката». Любой другой корабль, попытавшийся проникнуть внутрь периметра защитного поля, будет помещен в стазис для последующего разбирательства.

Он помолчал, водя глазами, как будто читал что-то невидимое.

— В течение десяти дней всем сторонам будут переданы начальные пакеты информации, включающие в себе технологию мгновенной связи в пределах нашей вселенной, а также медицинские знания, позволяющие удлинить жизнь или человека как минимум вдвое. Все остальное, сейчас я говорю для землян, будет передаваться по разрешению императора России.

— У крэнхи — по моему разрешению после консультации со специалистами, — добавил Гши.

— На этом первую встречу считаю завершенной, — встал Михаил. — Сейчас вас доставят к вашим членкам. Всего доброго!

Они вдвоем исчезли прямо из-за стола, словно их тут никогда и не было. Люди и крэнхи не успели опомниться от такого зрелища, как оказались в том же белом ангаре возле членков. Никто не стал что-либо говорить, адмиралы и вожди поспешили улететь, надеясь успеть до того, как флоты перенесут к родным планетам.

Глава 15

Неожиданно начавшаяся из ниоткуда трансляция о происходящем в шестьдесят четвертом секторе стала огромной неожиданностью для всех. Заглушить эту передачу не мог никто, да и не пытался в общем-то — всем хотелось узнать не через два дня, а сейчас, что же там случилось. Только специалисты попытались определить, откуда идет передача, но не смогли.

Зрелище возникающего из ниоткуда Хранилища было завораживающим. Вся Земля застыла у голоэкранов, жизнь на планете и колониях остановилась. Последующие события тоже не оставили людей равнодушными. Когда земные флоты оказались безоружными, многие не сдержали эмоций.

Но разговор адмиралов с Михаилом Шмелевым и Гши Тайхау просто потряс землян. К его началу власть имущие запада пришли в себя и распорядились любой ценой прекратить трансляцию с тем, чтобы дать позже только вырезки из нее с соответствующими комментариями. Но... не вышло. У специалистов возникло даже ощущение, что передача шла прямо из гиперпространства, хоть это и считалось совершенно невозможным.

— Ну что теперь? — хмуро спросил Хьюго, когда голоэкраны погасли.

— Мы проиграли, — с горечью ответил патриарх. — Но пусть не надеются, что их победа окончательна...

Он со злостью ударил по подлокотнику кресла сухоньким кулаком и буквально выплюнул:

— А ведь все это могло стать нашим!

— Сомневаюсь, — покачал головой Хьюго. — Вы сами говорили, что доступ даже к координатам имели только люди, не воспринимающие конкурентность как основу существования. Так неужели же на самом Хранилище не поставили подобной защиты? Извините, не верю, Лонхайт, судя по артефактам, были крайне предусмотрительны.

— Может, ты и прав, — проворчал старик. — Но что делать-то?

— Затаиться. Использовать все, чем русские по-делятся — этот Шмелев утверждал, что некоторые технологии будут переданы всем. И искать пути по-степенного перехвата контроля. Возможно, придется притвориться, что мы разделяем их ценности. Надо внедряться в Империю всерьез, а затем не спеша подниматься в ее иерархии как можно выше. Это задача не на одно поколение.

— То есть ты считаешь, что какая-то часть западного мира должна войти в Империю? А потом искать пути ее разрушения уже изнутри?

— Другого выхода я на данный момент не вижу, — развел руками Хьюго. — Мы рискнули и проиграли. Проиграли разгромно. Но это только одна битва — еще ничего не потеряно. Да, все будет куда затратнее и дольше, чем хотелось бы, но тут уж ничего не поделаешь.

— Правильно я смотрел на тебя, как на своего преемника, — криво усмехнулся патриарх. — Ты справишься. Что с Рокфеллером?

— Инфаркт, — тоже усмехнулся глава разведки. — Врачи не успели помочь.

— Туда дураку и дорога. Теперь все основные ветви управления собраны в наших руках. Наконец-то!

— Благодаря императору. Без его «помощи» мы бы не смогли этого сделать.

— Да, он устранил наших основных конкурентов, — покивал старик. — Ты уже решил, кто попросится под его руку?

— Да, Германия и Северная Европа, все эти Швеции, Дании, Норвегии. Там достаточно наших людей, которые, невзирая на имперскую пропаганду, воспитают своих детей как должно и научат их скрывать свои взгляды. На успех в ближайшие полвека рассчитывать не стоит. Как я уже говорил, это очень долгосрочный проект.

— Раз другого варианта не осталось — действуй. Мне осталось уже немного, так что передаю власть над семьей тебе. Я устал.

— Я оправдаю ваши надежды, — заверил Хьюго, с трудом скрыв торжествующий блеск в глазах.

— Надеюсь, — пристально посмотрел на него патриарх. — Только прошу дать мне дожить оставшиеся годы, не торопить на встречу с предками. На этот случай и принял кое-какие меры, ты уж не обижайся.

— Какие обиды, — не выдал своего разочарования глава разведки, надеявшийся вскоре остаться единственным хозяином всего.

Они еще обговорили несколько малозначительных вещей, и Хьюго покинул кабинет патриарха. Тот проводил его взглядом и скрипуче рассмеялся. Хорош, хорош! Сильный молодой волк, зубастый, злой. Этот до конца будет рвать глотки, никого не пожалеет. Лучшего наследника не найти.

* * *

Директора КВИБ-1 и КВИБ-2 довольно долго смотрели друг на друга после того, как Михаил Шмелев исчез с экрана и трансляция прекратилась.

— Да уж, парнишка учудил... — протянул Таймыров.

— В его репертуаре, — усмехнулся Томилин. — Думаю, теперь выбор однозначен.

— Ты прав, другие по сравнению с ним как-то блекнут. Да и говорил я, что его соперника лучше ко мне. Аналитик, но слишком много сомневается. У меня это не помеха, а вот... — глава КВИБ-2 покачал головой.

— А девочку тогда я возьму.

— Не выйдет, слишком авантюрный характер, — хохотнул Таймыров. — Скучно ей у тебя будет, не станет выкладываться по полной. Лучше во внешний отдел. А тебе посоветую заняться приятелями Шмелева, Алиевым и Коганом. Очень многообещающие ребятки, особенно первый.

— Когана лучше к Павлу Романовичу, там ему самое место при его-то задатках, — возразил Томилин. — Да и рано пока судить. Нам сейчас не этим заниматься надо, а свалившимся с небес наследием Древних. Что думаешь по поводу этого самого Контроля и эмпатических структур вообще?

— Слишком мало информации, чтобы делать какие-либо серьезные выводы. Если эти структуры действительно существуют, то их наличие и действия придется просто учитывать как факт. Бороться с ними считаю глупым.

— Я тоже. А вот с новыми технологиями проблем не оберешься. Слишком много всего и сразу. Халява никогда до добра не доводила.

— У меня большие подозрения, что за все эти подарки отрабатывать придется только так, — скривился Таймыров. — И как именно, мы не узнаем, пока не вернется Шмелев. А технологии можно далеко

не все и сразу пускать в обиход, а постепенно, взвешенно.

— А что ты думаешь по поводу того, что он побратался с новым экларом Дха-Вертонх? — поинтересовался Томилин.

— Отличный выход! Мальчишка словно знал, что его ждет.

— Не мог, — возразил глава КВИБ-1. — Часто возмущался еще, зачем его учат всякой чуши типа дворцового этикета. Мысли у него, конечно, могли появиться разные, но подтверждения им не было.

— Надеюсь, — пробурчал Таймыров. — Я, если честно, потому и не хочу, чтобы двенадцатый был выбран, что он явно догадался — из анализа его поведения это аналитики вычленили четко. И мне это поведение не нравится, придется парня жестко обلامывать, иначе может быть потерян — слишком самолюбив, а иногда и спесив. Мозги великолепные, но может легко переродиться в законченную сволочь.

— Постараемся не допустить, тем более что и я вижу твою правоту, — кивнул Томилин. — Но сейчас это уже не столько актуально, я поддерживаю кандидатуру седьмого. И...

Его прервал мягкий гул, и часть стены осветилась мягким светом, из которого вышел академик Шпагин в сопровождении директора экономического департамента Империи, Павла Романовича Иванова, пожилого человека благообразной наружности.

— Ага, Имперский Совет скоро соберется в полном составе, — заметил глава КВИБ-2. — Кого еще нет?

Ответить ему не успели, поскольку появилось еще два человека, не занимающих никаких официальных постов, но имеющих огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Идеологии, мастера информационной войны.

Последним прибыл адмирал Ерошин. Старик держался за бок и явно с трудом сдерживал стон, но терпел боль, считая себя не вправе показывать слабость кому бы то ни было. Остальные встревоженно переглянулись и подумали, что надо бы предупредить врачей — пусть будут наготове.

— Собольцева не будет, — предупредил Ерошин. — У него ЧП, взрыв на орудийном заводе на Европе¹, просто не успеет сюда.

Опустившись в кресло и немного отдохнувши, он прокряхтел:

— Простите, други мои, но сил у меня больше нет. Пора вводить в совет на полных правах Романцева, он потянет. Мне уже девяносто восемь стукнуло, да и болячка жизни не дает.

— Шмелев привез какие-то новые медицинские технологии, — вспомнил Таймыров. — Может...

— Не может! — оборвал его старик. — Вам они еще помогут, а мне — поздно. Печенкой чую, счет не на дни, а на часы пошел. Так что заранее попрощаться хочу. Пришел только чтобы голос за этого чудесного мальчишку отдать. Лучшего нам не найти.

— Да с этим никто и не спорит, — улыбнулся Томилин.

¹ Здесь Европа — шестой спутник Юпитера, одна из самых крупных лун в Солнечной системе.

— Тогда голосуем, — выпрямился Ерошин. — Кто за кандидатуру Шмелева Михаила Ивановича?

Одна за другой руки начали подниматься.

— Единогласно, — удовлетворенно констатировал старик. — Искин, ты фиксируешь происходящее?

— Да, — раздался в ответ безличный голос.

— Прошу занести в главный имперский реестр результаты этого голосования и произвести необходимые изменения во всех остальных государственных реестрах. Подтверждаю решение своим генетическим кодом.

На столе перед Ерошиным открылось небольшое отверстие, в глубине которого поблескивала небольшая игла. Он сунул в это отверстие палец, оставил там каплю крови и требовательным взглядом уставился на остальных. Они переглянулись, а затем по очереди сделали то же самое.

— Единогласным решением присутствующих на заседании Малого Государственного Совета Российской империи курсант Военно-политической академии Михаил Иванович Шмелев, личный номер Р32354-987, внесен в особый список под номером один. Со всеми полагающимися по статусу правами и обязанностями.

— Ну вот, главное дело сделано, — широко улыбнулся Ерошин, расслабляясь. — Каж... — он захрипел и задергался. — В-в-в...

— Охрана! — заорал вскочивший на ноги Таймыров. — Врача сюда! Срочно!!!

Доктора появились меньше чем через минуту, но было уже поздно — адмирал флота Ерошин Виктор

Михайлович девяносто восьми лет от роду, четырежды герой России, умер, до конца выполнив свой долг. На губах мертвого человека так навсегда и застыла широкая, радостная улыбка.

— Светлая память! — Томилин, поскольку сегодня собрались в его кабинете, на правах хозяина до-стал стаканы и разлил в них понемногу водки, бутылку которой на всякий случай хранил в сейфе, по другим поводам он не пил. Да и все они не пили, не до того было. Один стакан директор КВИБ-1 на-крыл принесенным секретарем куском хлеба.

Все выпили и несколько минут молча стояли, вспоминая старого адмирала. До конца оставался на своем посту, каждый из этих людей хотел бы встретить свою смерть так же.

— Итак, у нас образовалась вакансия, — произнес Таймыров, когда все снова сели. — Поддерживаю предложение покойного и предлагаю ввести в Малый Имперский Совет Анатолия Николаевича Романцева.

— А его семейные проблемы? — слегка приподнял брови Шпагин.

— Он с ними разобрался. Сына против воли того отправил в армию, на пять лет в одно из самых сильных боевых подразделений, предупредив командование части и даже сержантов, чтобы спуску парню не давали. Оттуда или выйдет человеком, или не выйдет вообще. С женой разводится — она находится под влиянием западников, это уже подтверждено документально, поэтому по окончании процедуры развода предлагаю депортировать ее — пусть вдоволь наестся западных «свобод».

Все переглянулись и молча кивнули — лучше выхода не придумаешь.

— Кто за кандидатуру Романцева?

Один за другим члены Совета подняли руки. Процедура подтверждения прошла, как и в прошлый раз.

— Какие еще важные вопросы требуется решить? — поинтересовался Шпагин.

— Пока никаких, — ответил Томилин. — Нужно ждать прибытия Шмелева с флотом, он обещал перенести его к Земле.

Все бросили взгляд на информационный голоэкран, на который выводилась текущая обстановка в окрестностях планеты. Пока ничего нового не произошло. Только со станций наблюдений за пространством с границ Солнечной системы сообщали о каких-то необычных завихрениях в гиперпространстве и предупреждали о возможной гипербуре. Такого бедствия не случалось давно — все попавшие в бурю корабли просто исчезали, не выходили в реальное пространство.

Загорелся небольшой экран, вмонтированный в рабочий стол Томилина. На нем появилось лицо секретаря, что удивило директора КВИБ-1 — он же просил не беспокоить. Видимо, случилось нечто чрезвычайное.

— Вас хочет видеть главный врач дворцового госпиталя, — доложил секретарь. — Говорит, это срочно.

— Связывай.

На большом голоэкране появился усталый пожилой мужчина в светло-зеленом хирургическом комбинезоне. Марлевая повязка не закрывала лицо, а болталаась на шее.

— Здравствуйте, Эдуард Михайлович, — кивнул ему Томилин. — Что произошло?

— Только что скончался его императорское величество Александр Шестой, — срывающимся голосом сообщил врач. — Реанимационные процедуры результата не дали...

— Земля пухом... — Директор КВИБ-1 ощутил, что по его щеке сползла одинокая слеза.

Перед его глазами как живой стоял старый друг, с которым когда-то вместе заканчивали Академию. Еще не калека, молодой, задорно смеющийся. Сколько вместе было пройдено! Императором Александр стал уже в относительно зрелом возрасте, после тридцати, до того поднявшись к должности начальника одного из самых важных отделов в ведомстве Таймырова, которое тогда возглавлял граф Иван Петрович Марлин. И если бы не организованное западными разведками покушение, то он мог бы еще немало пользы Родине принести...

— Почти одновременно ушли... — уронил Шпагин, вставая. — Помянем...

Снова пришлось Николаю Петровичу разлить водку по стаканам. Помянули, несколько минут помолчали и собрались было продолжить обсуждение, но не успели.

Все до единого голоэкраны, спрятанные в стенах кабинета, одновременно загорелись, показав окрестности Земли. Томилин распорядился сразу включать их, если на орбите начнется что-то необычное, и секретари выполнили это распоряжение.

Между Луной и Землей из ниоткуда возникла белоснежная пирамида, окруженная бесчисленными

каменными обломками, между которыми то и дело проскачивали ветвящиеся энергетические разряды, отчетливо видимые на фоне черноты космоса. Все каналы связи оказались мгновенно перекрыты, по ним начала передаваться какая-то странная, дикая для слуха многих людей музыка.

Не прошло и нескольких секунд, как на расстоянии нескольких миль друг от друга начали появляться русские, европейские и американские корабли. Их становилось все больше, и вскоре стало ясно, что Михаил Шмелев сдержал свое слово и перенес противоборствующие флоты к родной планете.

— Доклады с орбитальных платформ пришли! — выдохнул появившийся на экране секретарь. — Все оружие отключено неизвестным образом! Включая даже оружие последнего шанса!

— Ну, это мальчик зря сделал... — огорчился Таймыров.

— Не страшно, поскольку отключение произошло по всей Земле, — возразил Томилин. — Видимо, не может отключать избирательно. Это даже хорошо, нам только сражений в непосредственной близости от Земли не хватало.

— Согласен, — резко кивнул Шпагин. — Вызываите парня.

— Это делают с момента появления его... э-э-э... корабля.

— Если ответит, пусть сразу перебрасывают канал сюда.

Все пространство вокруг Земли почти на диаметр орбиты Луны оказалось забито кораблями

разных типов. Дело едва не дошло до столкновений, но орбитальные диспетчеры России, Европы и Америки с невероятным трудом справились с этим столпотворением. Некоторым эскадрам даже отдали приказ отправляться за орбиту Марса.

В итоге русский и евроамериканский флоты выстроились с двух сторон Земли, словно готовясь к сражению, но сражаться им было нечем. Да и на самой планете не осталось оружия массового поражения, оно просто пришло в негодность.

Романцев оставил флот все на того же контр-адмирала Якамуру и отправился на Землю по срочному требованию Малого Имперского Совета. По прибытию командующего и огордили известиями о смерти императора Александра VI и адмирала Ерошина. А затем сообщили о его избрании в состав этого самого совета. И имя нового императораозвучили. Последнее до онемения поразило Романцева, но немного подумав, он понял, что лучшей кандидатуры и в самом деле не сыщешь.

Крейсер «Заря» все так же не отвечал на вызовы, только переместился ближе к планете и завис над северным полюсом на высокой орбите. Земные корабли не рисковали приближаться к нему после того, как слишком близко подошедший линкор потерял управление — у него внезапно отказали все компьютеры.

— Странно, почему он молчит? — хмуро спросил неизвестно у кого по прошествии еще часа Романцев.

— Да кто его знает, — пожал плечами Томилин. — Может, что-то случилось с кораблем при переносе

флота. Перетащить на такое расстояние столько кораблей? Очень энергозатратно.

— Что мы знаем о возможностях этого корабля? — хмыкнул Шпагин. — Ровным счетом ничего! Разве только то, что они невероятно велики по нашим меркам. Но действительно, почему Шмелев молчит?..

Негромкий, ни на что не похожий звук заставил собравшихся в кабинете Томилина начать оглядываться. Одна из стен неожиданно покрылась туманом, и на ней медленно, словно выплывая издалека, проявилось лицо Михаила Шмелева.

— Здравствуйте, Николай Петрович! — радостно улыбнулся он. — Ой, вы не один... Извините, не заметил. Добрый день, товарищи!

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек, — проворчал вместо Томилина академик Шпагин. — Что же вы молчали-то до сих пор? Мы уж что только ни передумали...

— Да оказалось, что обычной для нас связи на «Заре» просто нет, она Лонхайт была не нужна, у них все через Сеть шло. В космосе найти адресата было проще, народу меньше, а на Земле восемнадцать миллиардов человек. Пока система нашла Николая Петровича, я и сам извелся. А к кому еще обратиться, не знал, меня на задание именно он отправлял...

На мгновение замолчав, Михаил спросил:

— Разрешите перейти к вам? Генераторы корабля позволяют скользить в любое отсканированное место в пределах примерно пяти световых лет.

— Ждем, — покосился на одобрительно кивнувшего Таймырова директор КВИБ-1.

Подобие экрана погасло, и в то же мгновение проносясь порыв теплого воздуха, несущий незнакомые запахи, как будто открылся проход в иную реальность. В воздухе появилась полупрозрачная тень, и через две секунды Михаил стоял у стены, одетый в уже знакомый по репортажу комбинезон с плывущей поверхностью.

— Ну, здравствуй, пропажа! — Томилин подошел и пожал ему руку.

Вслед за ним то же самое сделали и остальные.

— Спасибо, что не допустил бойни... — улыбнулся Михаилу Романцев, когда подошла его очередь.

— Да не за что... — смущился тот.

Затем все расселились вокруг стола.

— Ну, рассказывай, друг ситный, — уставился на Шмелева Томилин.

— Это долгая история, Николай Петрович...

— А нам спешить особо некуда, так что — вперед!

Вздохнув, Михаил начал говорить. Прежде всего он поведал предысторию всего случившегося — иначе говоря, объяснил реальное устройство мироздания, что такое Контроль и эмпаты, как эгрегориальная Сеть связана с населенными планетами. А главное, что их сегмент пространства находится в закрытой, пусть и относительно большой, но все равно закрытой вселенной.

— Российская империя размером в пять галактик?! — ошарашенно выдохнул Таймыров.

— Да, — подтвердил Михаил. — Но там иной тип государства, обычная наследственная монархия. Страна держится на ордене эмпатов, которые преобразовывают в нужном ключе эгрегоры включаемых

в империю планет. Там множество разумных видов считают себя русскими и не знают другого языка, кроме русского. Например...

Он усмехнулся и взмахнул рукой. Прямо в центре стола возникло изображение гигантского бого-моля с устрашающими челюстями.

— И кто это по-вашему?

— Понятия не имею, — не стал делать предположений Томилин.

— Это командующий флотом той России, адмирал Иван Красин. Считается одним из самых выдающихся флотоводцев за несколько последних столетий. Время там опережает наше примерно на десять тысяч лет.

— Да уж... — покачал головой директор КВИБ-1. — Чего только ни бывает...

— Это точно. Меня ознакомили с историей еще нескольких вариантов Земли. И не только. В нескольких вселенных существует такое странное понятие, как Русский Сонм. Представьте себе — разные планеты в разных частях галактики — причем не одной, а многих — и на всех них существует Россия, в которой обязательно имеются города Москва и Санкт-Петербург. Язык во всех, естественно, русский. Причем страны-соседи бывают совершенно разные.

— Как такое возможно?! — подался вперед Шпагин.

— Это загадка для всех и там, — развел руками Михаил. — Предложений тысячи, но точного ответа за много столетий никто так и не дал. И, кстати, есть силы, кому существование Русского Сон-

ма и вообще России в любом виде стоит поперек горла.

— Причина? — взгляд академика стал тяжелым.

— Русская цивилизация способна стать солидарной значительно быстрее других. Как известно, только такая может совершить переход в энергетическое состояние.

— Кому известно? — приподнял бровь Шпагин. — Мне вот неизвестно.

— Извините, я привык, что это знают все, — смущался Михаил. — Дело в том, что я провел в Хранилище больше двух лет по личному времени — время там было ускорено в двести раз. И многое успел узнать.

— Знания — это хорошо, — академик о чем-то задумался. — А что теперь с Хранилищем?

— Это решать нам, — заверил Михаил. — Дать кому-либо туда доступ можем лишь мы с Гши и члены наших экипажей. Да, среди моего экипажа есть один американец, но не беспокойтесь, он терпеть не может власть денежных мешков — мы хорошо успели узнать Майкла. А уж после того, что он узнал...

— А что? — поинтересовался один из идеологов.

— Все до единой конкурентные цивилизации обречены. Они развиваются до определенного предела, превышающего наш нынешний уровень довольно намного, но не кардинально. А затем следует деградация и гибель тем или иным образом. За многие миллиарды лет не было ни единого исключения из этого правила. Статистика проведена по истории примерно шести миллионов разных народов.

— Интересно... — заметил продолжающий напряженно размышлять Шпагин.

— Более чем, — кивнул Михаил. — Нам дали возможность развиваться самостоятельно только потому, что наша Империя почти солидарна, и достигли мы этого самостоятельно. Иначе открыли бы эту мини-вселенную, и нас бы захапали ближайшие соседи, причем после воздействия их эмпатов на наш эгрегор мы бы сами этому обрадовались. Вот так в большом мире происходит аннексия новых территорий вместе с населением, и называется она зонированием.

— А сейчас не захапают? — нахмурился Романцев.

— Все возможно. Но это теперь зависит и от нас. Сумеем сделать из страны разумно выстроенный конclave со всеми необходимыми общественными и эгрегориальными связями, то вряд ли кто-то полезет. Для этого нам необходима помощь недавно образовавшейся эмпатической структуры.

— Но, исходя из вашего рассказа, эта новообразовавшаяся структура нам неподконтрольна... — нахмурился академик.

— Неподконтрольна, — подтвердил Михаил. — Они слишком много узнали, слишком сильно изменились, и теперь не совсем люди, как, впрочем, и любой достаточно развиты эмпат. Они пока никому особо не доверяют, и я их понимаю. Надеюсь, нам удастся завоевать их доверие. Тем более что они действуют правильно — первые воздействия на эгрегор западного мира уже произведены, и вскоре он начнет преобразовываться в нужную сторону. Если у них все получится, то лет

через сорок запад сам свалится нам в руки. Но ждать столько нельзя, нам нужно успеть лет за двадцать.

— Почему? — насторожился Таймыров.

— Вселенная начала открываться, — объяснил курсант. — Причем это естественный процесс. Скоро придется столкнуться со всеми вызовами внешнего мира, а мы к этому еще не готовы.

— Мда-а-а... — протянул Шпагин. — Задали вам задачку, молодой человек...

— Хорошо, что мы узнали обо всем этом заранее, — бросил на него тяжелый взгляд Михаил. — Было бы куда хуже, если все свалилось на наши головы неожиданно.

— Это да, — покивал академик. — Но работы предстоит...

— Куда больше, чем мы может себе сейчас представить.

Немного помолчав, Михаил неуверенно произнес:

— Его величеству не помешало бы пройти обучение в Хранилище — меня эмпаты зачем-то прогнали по этой программе. Гши — понятно, он сын вождя и сам стал вождем. Но я?.. Так и не понял, зачем они меня этому учили.

— А чему именно учили? — заинтересованно посмотрел на него академик.

— Как управлять крупным конclaveом, с какими службами, организациями и прочим иметь дело в большой вселенной

Шпагин переглянулся с Томилиным, и оба не сдержали ехидных ухмылок, которых Михаил, впрочем, просто не заметил — был озабочен другим.

— Надеюсь, вселенная все же откроется не в ближайшие годы — не хотелось бы, чтобы запад мог найти помощь на стороне — в большом мире хватает апологетов конкурентного пути развития, стремящихся доказать, что этот путь отнюдь не гиблен.

— Что известно об этом самом большом мире? — поинтересовался Таймыров.

— Очень многое, — ответил Михаил. — В Хранилище информации хватает. В том числе и по этому вопросу. Конклавов вообще огромное количество самых разных размеров и уровней развития. Вселенные обычные, отраженные, стоящие под углом, с разным течением времени и так далее.

— Да уж... — покрутил головой Шпагин.

— И первым делом после открытия надо будет связываться с транспортниками и устанавливать на наших планетах транспортные системы, позволяющие мгновенно перемещаться даже между галактиками. Особого рода стационарные порталы. Врата на орбите для больших кораблей мы сможем выстроить и самостоятельно. Но не подключить, конечно.

— Давайте не будем спешить, — поднял ладонь Томилин. — Все это надо рассматривать комплексно и подробно. А главное — по порядку.

— Да, конечно, — кивнул Михаил. — Список первоочередного был составлен еще в Хранилище. Так же у меня с собой послание его величеству от эмпатов. Надо передать.

— Его величество сегодня скончался, — со вздохом сообщил Томилин.

— Светлая память... — растерянно выдавил Михаил, затем его губы на мгновение сжались. — Твари, если бы не тот теракт...

— Да, он бы мог еще жить и жить. Но Империя не может без императора. Поэтому Малым Имперским Советом избран новый.

— И кто он?

— Вы, ваше величество! — поклонился, скрывая улыбку Томилин.

Глаза Михаила полезли из орбит, он несколько раз икнул, слепо пошарил рукой за спиной, нашупал подставленный Таймыровым стул и буквально рухнул на него. Некоторое время сидел, опустив голову и тупо глядя в пол, наверное, привыкал к дикой мысли, что с этого момента вашим величеством станут называть не кого-то другого, а именно его.

Минут через пять молодой император поднял голову, и старые волки, внимательно наблюдавшие за ним, удовлетворенно кивнули — в глазах его величества горела решимость. Значит, выбор был правильным.

Российская империя вступала в новую эру.

Эпилог

В небольшом баре на Невском собралась теплая команда музыкантов. Не было только солиста группы, и неудивительно — все видели его в трансляции с корабля древних и понимали, что Мишке сейчас не до того. Хотелось бы только узнать, как он ухитрился во все это влипнуть. Но он сам расскажет, когда

сможет вырваться. Впрочем, предположений ребята высказали множество. Особенной буйной фантазией отличался бас-гитарист Виктор Нарогин, его байки поражали своей цветистостью и необычными поворотами сюжета. Вот и сейчас он плел что-то, предполагая, что их вокалист встретился в космосе с ино-планетной принцессой и стал братом инопланетного принца. В последнем он, в общем-то был прав, но никто об этом не знал, поэтому ребята слушали его рассказ со смешками, отхлебывая кто легкое пиво, а кто квас.

Лившаяся с потолка едва слышная мелодия вдруг стихла. На стене напротив загорелся голоэкран.

— Вот блин! — огорчился второй солист «Темного пламени». — Объявление, что ли, какое передавать будут?..

— Ты что? — уставился на него бас-гитарист. — Коронация! Как раз восемнадцать часов сейчас. Ты что, коронацию смотреть не хочешь?

— Хочу, не хочу, а надо, — пожал плечами Сергей.

Музыканты уставились на экран, где начало разворачиваться красочное действие.

Будущий император в традиционном русском кафтане черного цвета, расшитом алмазными нитями, медленно шел между расступающимися перед ним высшими вельможами страны. Впереди ожидало монументальное резное кресло — трон Российской империи. В одной руке его величество держал скипетр, а во второй — державу.

— Слушай, знакомая у него походка... — Сергей мучительно пытался понять, кого же напоминает ему император.

— Ага, — подтвердил Алекс, соло-гитарист. — Мишка так ходит.

Камера показывала его величество со спины. Вот он подошел к возвышению, на котором стоял трон, поднялся по ступенькам, повернулся лицом к зрителям и опустился на одно колено. К будущему императору подошел патриарх с шапкой Мономаха в руках.

— Коронуется раб божий Михаил... — загудел он.

В этот момент лицо его величества показали крупным планом.

— Мишка!!! — вопль узнавших своего первого солиста музыкантов «Темного пламени» был оглушительным. Они невряще смотрели, как корона медленно опускается на голову человека, которого они знали как облупленного.

— За здравие его императорского величества Михаила Четвертого! — встал и поднял бокал Сергей, его лицо лучилось восторгом.

Остальные встали и дружно поддержали его порыв.

Прямую трансляцию коронации, организованную при помощи аппаратуры «Зари», смотрели не только в земных колониях, но и на планетах крэнхи. Слишком важное, слишком знаковое событие — восшествие на престол нового русского императора.

Молодой эклар Гши А-Ринно Тайхау удобно расположился на свернутых шкурах хищных зверей — именно так и полагалось сидеть вождю клана. Он посматривал на голоэкран, потягивая мясной бульон и размышляя, что нужно будет в ближайшее время

организовать встречу с новым императором, чтобы выяснить, чем он дышит и чего хочет.

Но когда его величество повернулся лицом к камере, Гши выронил чашку с бульоном, вскочил и расхохотался.

— Простой курсант, говоришь?.. — прорвалось сквозь смех. — Ну-ну...

— Что-то случилось, мой эклар? — приблизился к вождю один из самых старших советников.

— Да нет, ничего особенного, — взял себя в руки Гши и показал на экран. — Просто это мой кровный брат, Михаил Шмелев-Тайхау.

В этот момент император поднял голову и посмотрел прямо в глаза брату, словно не было между ними сотен световых лет.

И оба одновременно поняли одну истину.

Солидарной цивилизации — быть.

Теперь точно быть!

Содержание

ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	48
ГЛАВА 3	75
ГЛАВА 4	105
ГЛАВА 5	128
ГЛАВА 6	146
ГЛАВА 7	169
ГЛАВА 8	197
ГЛАВА 9	220
ГЛАВА 10	244
ГЛАВА 11	270
ГЛАВА 12	292
ГЛАВА 13	311
ГЛАВА 14	331
ГЛАВА 15	356
ЭПИЛОГ.....	376

Литературно-художественное издание

16-

**Иар
ЭЛЬТЕРРУС**

НАСЛЕДНИК

Ответственный редактор *A. Сидорович*

Корректор *H. Виноградова*

Верстка *E. Посадовой*

Подписано в печать 09.06.2014.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура Петербургская.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,18. Уч.-изд. л. 13,6.

Тираж 8030 экз. Заказ № 2303

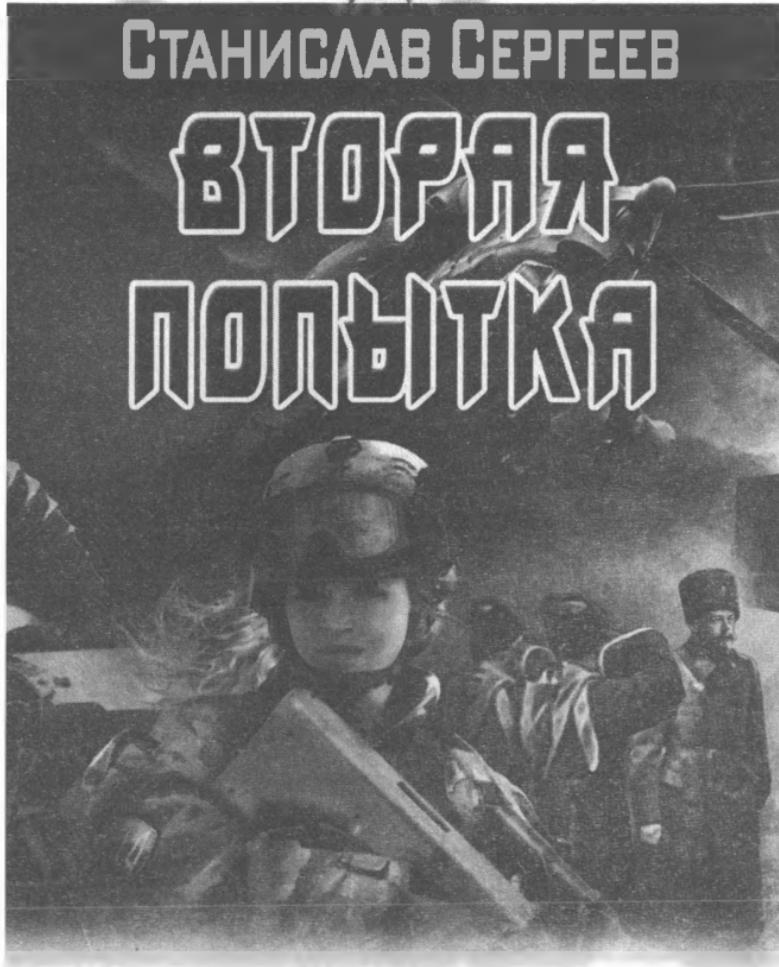
Издательский дом «Ленинград»
191025, Санкт-Петербург, ул. Колокольная, д. 8. Лит. А, пом. 8Н
Тел.: (812) 714-44-70, факс: (812) 571-26-25
E-mail: fankon@yandex.ru
www.lenizdat.org

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901 г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Издательский дом «Ленинград»
представляет

Станислав Сергеев
**ВТОРАЯ
ПОЛЫТКА**

Мир ближайшего будущего. Отгремела Третья мировая война, и планета погрузилась в кошмар ядерной зимы. Остатки людей тихо умирают от радиации, болезней и голода в разного рода бункерах и укрытиях, яростно враждую между собой за остатки продуктов и горючего.

Издательский дом «Ленинград»
представляет серию

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИК

ДОЛАДАНЕЦ: ЧУЖИЕ ИГРЫ

Он остался один против целого мира, он потерял себя и близких, но когда над миром встает угроза глобальной войны, когда сильные мира сего в бессилии разводят руками, лишь один он, заклейменный клятвопреступник, способен остановить это безумие. Ничто не остановит барона Ульриха, когда вокруг идут чужие грязные игры, и пусть шпионы проникают во дворец короля, а злобные некроманты выпускают в мир могучего демона. Все это лишь очередной этап в жизни нашего героя, его путь и судьба, его нелегкая участь попаданца.

Иар Эльтеррус

Родился 4 марта 1966 года в станице Кужорская Краснодарского края. В 1970 году переехал на Украину. Окончил среднюю школу в селе Заплавка Магдалиновского района Днепропетровской области. В 1984 году поступил на филологический факультет Днепропетровского государственного университета, откуда в следующем году ушел, а в 1986 году поступил на радиофизический факультет Днепропетровского государственного университета. В 1990 году возглавил частное издательство. В 1993 году перебрался на Урал и до 1995 года проживал в городе Орске Оренбургской области. В мае 1995 года репатриировался в Израиль, где проживал сначала в городе Иерусалиме, а затем в поселении Кфар-Эльдад. В конце 2008 года вернулся в Россию, в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге.

Писать начал с 1997 года. Издается с 2006 года.

ISBN 978-5-516-00258-8

A standard EAN-13 barcode representing the ISBN 978-5-516-00258-8.

9 785516 002588